

АЛЕКСАНДР

ГАЛИЧ

В дальнюю дорогу

Сегодня я собираюсь в дорогу — в дальнюю дорогу, трудную: извечно и изначально — горестную дорогу изгнания. Я уезжаю из Советского Союза, но не из России! Как бы напыщенно ни звучали эти слова — и даже пускай в разные годы многие повторяли их до меня, — но моя Россия остается со мной!

У моей России — вывороченные негритянские губы, синие ногти и курчавые волосы, и от этой России меня отлучить нельзя, никакая сила не может заставить меня с нею расстаться, ибо Родина для меня — это не географическое понятие, Родина для меня — это и еврейская мама, это прекрасные лица русских женщин — молодых и старых, это их руки, не ведающие усталости, — руки хирургов и подсобных работниц, это запахи — хвои, дыма, воды, снега, это бессмертные слова:

Редеет облаков летучая гряда!
Звезда вечерняя, печальная звезда —
Твой луч осеребрил уснувшие долины,
И дремлющий залив,
И спящих гор вершинам...

И нельзя отлучить меня от России, у которой угрюмое мальчишеское лицо и прекрасные — печальные и нежные — глаза говорят, что предки этого мальчика были выходцами из Шотландии, а сейчас он лежит — убитый и накрытый шинелькой — у подножия горы Машук, и неистовая гроза раскатывается над ним, и до самых своих последних дней я буду слышать его внезапный, уже смертный — уже оттуда — вздох.

Кто, где, когда может лишить меня этой России?!

(Из последней записи на Родине. Текст обнаружен на рабочем столе поэта 24 июня 1974 года)

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

Я ВЕРИЛ
В ЧУДО

ПЕСНИ И СТИХИ

От составителей

Мы считаем этот сборник своим скромным венком на могилу выдающегося драматурга, поэта и исполнителя авторских песен Александра Аркадьевича Галича

Москва 1991г.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ГАЛИЧ (настоящая фамилия ГИНЗБУРГ) Александр Аркадьевич родился 19 октября 1918 года в г. Екатеринославе (ныне — г. Днепропетровск). Учился в Московском литературном институте им. Горького. Был актером в театральной студии под руководством А. Н. Арбузова и В. Н. Плучека, участвовал в создании спектакля «Город на заре» (1940 г.) В годы Великой Отечественной войны Галич, будучи актером фронтового театра при Управлении Северного морского флота, объездил весь Север страны.

Популярность Галичу доставил водевиль «Вас вызывает Таймыр» (совместно с К. Ф. Исаевым, 1948 г., Московский театр сатиры). Галич написал пьесы: «Москва слезам не верит» («Положение обязывает», совместно с Г. Мунблитом, 1949 г., Московский театр сатиры), «Под счастливой звездой» (1954 г., Ленинградский театр им. Ленсовета), «Походный марш» («За час до рассвета», 1957 г., Ленинградский Новый театр), «Пароход зовут «Орленок» (1958 г., Ленинградский театр им. Ленинского комсомола), «Много ли человеку надо» (1959 г., Театр им. Вахтангова).

А. Галич — автор сценария фильмов: «Верные друзья» (1954 г., режиссер — М. Калатозов), «На семи ветрах» (1962 г., режиссер — С. Ростоцкий), «Государственный преступник» (1964 г., режиссер — Н. Розанцев), «Дайте жалобную книгу» (1965 г., режиссер — Э. Рязанов), «Бегущая по волнам» (1967 г., режиссер — П. Любимов), «Петипа», «Федор Шляпин» (эта картина не была доснята).

Первая авторская песня — «Леночка» — была написана А. Галичем в 1961 году. Вскоре после этого увидела свет его вторая песня — «Облака».

Уже в зрелом возрасте А. Галич принял православие и был крещен в церкви Сретения (в г. Пушкино под Москвой) ее настоятелем отцом Александром Менем.

В марте 1968 года в Новосибирске состоялся большой концерт Галича. Во время исполнения его песни о Пастернаке весь зал встал. Но вскоре в газете «Вечерний Новосибирск» появилась грязная статья, где Галича обвиняли во всех смертных грехах. На него посыпались сперва угрозы, запрещение петь свои песни, потом — репрессии. 29 декабря 1971 года Московский секретариат Союза писателей исключил А. Галича из членов Союза писателей. Через месяц секретариат Союза писателей РСФСР единогласно (!) подтвердил это исключение. Еще некоторое время спустя он был исключен из Литфонда и из Союза кинематографистов. (Восстановлен в Союзе кинематографистов 12 мая 1988 года, а через месяц — в Союзе писателей). С Галичем были расторгнуты все ранее заключенные договоры, были также приостановлены все начатые им работы в кино и на телевидении. По инвалидности (Галич к тому времени уже перенес три инфаркта) ему дали смешотворную пенсию в 60 (шестьдесят!) рублей. Жить стало не на что...

Потом Галича вызвали в соответствующую инстанцию и предложили на выбор: или уехать навсегда из страны, или подвергнуться заключению по обвинению в антисоветской деятельности. 21 июня 1974 года А. А. Галич вынужден был эмигрировать из Советского Союза. Он жил в Норвегии, ФРГ, Франции.

19 декабря 1977 года А. Галич погиб в своей парижской квартире от удара электрического тока.

Вдова Галича, Ангелина Николаевна, получила многочисленные соболезнования из разных уголков земного шара, в том числе от академика А. Д. Сахарова.

Похоронен Александр Аркадьевич Галич на тихом парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. На его могиле крест с надписью: «Блажени изгнани правды ради».

Единственная моя мечта, надежда, вера, счастье — удовлетворение в том, что я все время буду возвращаться на эту землю. А уж мертвый-то я вернусь в нее наверняка!

(Из беседы А. Галича, состоявшейся за 10 дней до отъезда из СССР)

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Памяти А. А. Галича

Хоть сердце мое не штопали
И нет на висках седин,
Но я — как в смертельном штопоре,
И знайте — не я один!

И это не просто страхи —
В каких ни пытай краях,
Смирительные рубахи
На всех нас давно кроют:

Чтоб были смирнее Авеля
И ниже забудь-травы.
Ведь это ж святое правило:
Кто сверху — те и правы!

„Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!..“

Напрасно прошу у Бога я
От ненависти спасти —
Бессильна праща убогая,
Коль подлость опять в чести,

Коль слезы и кровь забыты,
И совесть в наш век — пустяк,
И руки к кресту прибиты,
В грязь втоптан зеленый стяг...

Так, значит, опять — преисподняя,
А сверху — те, кто ловчей?!
Над нами звезда субботняя
Раскинула шесть лучей.

„Ты у меня одна — заветная,
Другой не будет никогда!..“

(1978)

Л. Виленский

В мире не найдётся святойтати
чтобы поднял на меня копье

ВК-91

Я поэт, я пишу стихи, которые
только притворяются песнями, а я
только притворяюсь, что их пою.
Александр Галич

ГЛАВА I В МИРЕ НЕ НАЙДЕТСЯ СВЯТОТАТЦА, ЧТОБЫ ПОДНЯЛ НА МЕНЯ КОПЬЕ

1. РОЖДЕСТВО

Все шло по плану, но немножко наспех:
Спускался вечер, спал младенец в яслях,
Статисты робко заняли места,
И мать Божья наблюдала немо,
Как в каменное небо Вифлеема
Всходила Благовещенья звезда.

Но тут в вертеп ворвались два подпaska
И крикнули, что вышла неувязка,
Что праздник отменяется, увы!
Что римляне не понимают шуток,
И загремели на пятнадцать суток
Поддавшие на радостях волхвы.

Стало тихо, тихо, тихо –
В крике замерли уста.
Зашипела, как шутиха,
И погасла та звезда.

Стало зябко, зябко, зябко,
И в предчувствии конца
Закудахтала козявка,
Вол заблеял, как овца.

Все завыли, захрипели,
Но, не внемля той возне,
Спал младенец в колыбели
И причмокивал во сне.

Уже светало, розовело небо,
Но тут раздалась гулко у вертепа
Намеренно тяжелые шаги.
И мать Божья замерла в тревоге,
Когда открылась дверь и на пороге
Кавказские явились сапоги.

И разом потерявшие значенье
Столетия, лихолетья и мгновенья
Сомкнулись в безначальное кольцо.
А он вошел и поклонился еле
И обратил неспешно к колыбели
Забрызганное оспою лицо.

„Значит, вот он – этот самый
Жалкий пасынок земной,
Что и кровью, и осанной
Потягается со мной!

Неужели, неужели
Столько лет и столько дней
Ты, сопящий в колыбели,
Будешь мукою моей?!

И меня с тобою, пешка,
Время бросит на весы!..”
И недобрая усмешка
Чуть раздвинула усы.

А три волхва томились в карантине.
Их в карантине быстро укротили:
Лупили и под вздох, и по челу.
И римский опер, жажда награды,
Им говорил: „Сперва колитесь, гады,
А после разберемся, что к чему!”

И понимая, чем грозит опала,
Пошли волхвы молоть, что ни попало:
Припоминали даты, имена...
И полетели головы – и это
Была вполне весомая примета,
Что новые настали времена!

2. КЛЯТВА ВОЖДЯ

Потные, мордастые евреи,
Шайка проходимцев и ворья,
Всякие Иоанны и Матфеи
Наплетут с три короба вранья.

Сколько их посыпет раны солью,
Лишь бы выйти на передний край!
Ладно, ладно! Я не прекословлю!
Ты был первым – ты и начинай!

Встань – и в путь по городам и весям,
Чудеса и мудрости твори!
Отчего ж ты, Господи, невесел?
Где они, соратники твои?

Бражничали, ели, гостевали,
А пришла беда – и след простыл!
Нет, не зря ты ночью в Гефсимане
Струсил и пARDону запросил!

Где твоих приспешников орава
В смертный твой, в последний час земной?
И смеется над тобой Варрава –
Он бы посмеялся надо мной!

Был ты просто-напросто предтечей –
Не творцом, а жертвою стихий,
Ты не Божий сын, а человекий,
Если мог воскликнуть: „Не убий!”

Душ ловец, ты вышел на рассвете
С бедной сетью из расхожих слов.
На исходе двух тысячелетий
Покажи – велик ли твой улов?

Слаб душою и умом не шибок,
Верил ты и Богу, и царю...
Я не повторю твоих ошибок –
Ни одной из них не повторю!

В мире не найдется святотатца,
Чтобы поднял на меня копье!
Если ж я умру, что может статья,
Вечным будет царствие мое!

3. ПОДМОСКОВНАЯ НОЧЬ

Он один, а ему неможется,
И уходит окно во мглу...
Он считает шаги, и множится
Счет шагов от угла к углу.

От угла до угла потерянно
Он шагает, как заводной.
Сто постелей ему постелено –
Не уснуть ему ни в одной!

По паркетному полу голому –
Шаг и отдых, и снова шаг...
Ломит голову, ломит голову
И противно гудит в ушах –

Словно кто-то струну басовую
Тронул пальцем и канул прочь...
Что же делать ему в бессонную,
В одинокую эту ночь?

Вином упиться?
Позвать врача?
Но врач – убийца!
Вино – моча!

Вокруг потемки,
И спят давно
Друзья-подонки,
Друзья-говно.

На целом свете –
Лишь сон и снег,
А он в ответе
Один – за всех!

И, как будто стирая оспины,
Вытирает он пот со лба.
Почему, почему, о Господи,
Так жестока к нему судьба?

То предательством, то потерей
Оглушает всю жизнь его.
„Что стоишь ты там, за портьерою?
Ты не бойся меня, Серго!

Эту комнату неказистую
Пусть твое озарит лицо!
Ты напой мне, Серго, грузинскую –
Ту, любимую мной, кацо!

Ту, что деды певали исстари,
Отправляясь в последний путь,
Спой, Серго, и забудь о выстреле,
Хоть на десять минут забудь!

Но полно, полно!
Молчи, не пой!
Ты предал подло –
И пес с тобой!

И пес со всеми,
Повзводно – в тлен!
И все их семьи –
До ста колен!

Повсюду – злоба,
Везде, – враги!..”
Ледком озноба
Шаги, шаги...

Над столицами поседевшими
Ночь и темень, хоть глаз коли!
Президенты спят с президентшами,
Спят министры и короли.

Мир, во славу гремевший маршами,
Спит, в снегу с головы до пят.
Спят министры его и маршалы –
Он не знал, что они не спят,

Что, притихшие, сводки утренней
В страхе ждут и с надеждой ждут.
А ему все хуже, все муторней –
Сапоги почему-то жмут.

Не приказанный, не положенный,
За окном – колокольный звон...
И, упав на колени, – „Боже мой! –
Произносит бессвязно он, –

Молю, всевышний,
Тебя – творца:
На помощь вышли
Ко мне гонца!

О дай же, дай же
Мне кровь – вино!
Забыл, как дальше,
Но – все равно!

Не ставь отточий
Конца пути!
Прости мне, Отче!
Спаси! Прости!”

4. ГЛАВА, НАПИСАННАЯ В СИЛЬНОМ ПОДПИТИИ

То-то радости пустомелям,
Темноты своей не стыжусь.
Не могу я быть Птолемеем,
Даже в Энгельсы не гожусь!

Но, от вечного бегства в мыле,
Неустройством земным томим,
Вижу: что-то неладно в мире,
Хорошо бы заняться им!

Только век меня держит цепко,
С ходу гасит любой порыв,
И от горестей нет рецепта –
Все, что были, сданы в архив!

И все-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дураком, паяцем,
И ночью, и днем твержу об одном:
„Не надо, люди, бояться!

Не бойтесь сумы, не бойтесь тюрьмы,
Не бойтесь мора и глада!
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: „Я знаю, как надо!
Кто скажет: „Идите, люди, за мной!
Я вас научу, как надо!”

И рассыпавшись мелким бесом,
И поклявшись вам всем в любви,
Он пройдет по земле железом
И затопит ее в крови.

И наврет он такие враки,
И такой наплетет рассказ,
Что не раз тот рассказ в бараке
Вы помянете в горький час!

Слёзы крови не солонее –
Даровой товар, даровой!
Прет История – Саломея
С Иоанновой головой.

Земля – зола, и вода – смола,
И некуда, вроде, податься.
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада!
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: „Я знаю, как надо!”
Кто скажет: „Всем, кто пойдет за мной,
Рай на Земле – награда!”

Потолкавшись в отделе винном,
Подойду к друзьям-алкашам,
При участии половинном
Побеседую по душам.

Алкаши, наблюдая строго,
Чтоб ни капли не пролилось,
– Не встречали, – смеются, – бога,
Ей же богу, не привелось!

Пусть пивнуха – не лучший случай
Толковать о добре и зле,
Но видали мы этот лучший –
В белых тапочках на столе!

Кому – „сучок”, а кому – коньячок.
К начальству на кой паяться?
А я все твержу им, как дурачок:
„Да не надо, братцы, бояться!

И это ж бред, что проезда нет
И нельзя входить без доклада!
А бояться-то надо только того,
Кто скажет: „Я знаю, как надо!”
Гоните его, не верьте ему!
Он врет, он не знает, как надо!

5. АВЕ МАРИЯ!

Аве Мария!

Дело явно липовое: всё, как на ладони,
Но пятую неделю долбят допрос.
Следователь-хмурик с утра на валидоле,
Как пророк, подследственный бородой оброс.

А Мадонна шла по Иудее в платьице, застиранном до сини,
Шла она с котомкой за плечами,
С каждым шагом становясь красивой,
С каждым вздохом делаясь печальней.

Шла, платок на голову набросив,
Всех земных страданий средоточьем.
И уныло брел за ней Иосиф –
Убежавший славы Божий отчим.

Аве Мария!

Упекли пророка в республику Коми,
А он и перекинись башкою в лебеду!
А следователь-хмурик получил в местком
Льготную путевку на месяц в Теберду .

А Мадонна, шла по Иудее, оскользаясь на размокшей глине,
Обдирая платье о терновник,
Шла она и думала о сыне
И о смертных горестях сыновьих.

Ах, как ныли ноги у Мадонны!
Как хотелось всхлипнуть по-ребячьи!
А вослед ей ражие долдоны
Отпускали шутки жеребьячи.

Аве Мария!

Грянули впоследствии всякие хренации,
Следователь-хмурик на пенсии в Москве...
А справочку с печатью о реабилитации
Выслали в Калинин пророковой вдове.

А Мадонна шла по Иудее. И все легче, тоньше, все худее
С каждым шагом становилось тело.
А вокруг шумела Иудея
И о мертвых помнить не хотела.

Но ложились тени на суглинок,
И таились тени в каждой пяди –
Тени всех бутырок и треплинок,
Всех измен, предательств и распятий.
Аве Мария!

6. НОЧНОЙ ДОЗОР

...Впереды – Иисус Христос.

А. Блок

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.

Сотни, тысячи и все похожие,
Вдоль по лунной идут дорожке.
И случайные прохожие
Кувыркаются в „неотложки”.

И снова бьют барабаны,
Бьют барабаны, бьют, бьют, бьют!

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно.
Одинокий шагает памятник,
Повторенный тысячекратно.

То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки.
И за ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки.

И снова бьют барабаны,
Бьют барабаны, бьют, бьют, бьют!
Я открою окно, я высунусь –
Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию.
Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведет процессию.

Он выходит на место Лобное,
„Гений всех времен и народов”,
И, как в старое время доброе,
Принимает парад уродов.

И снова бьют барабаны,
Бьют барабаны, бьют, бьют, бьют!

Прет стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей:
Вот сапог громыкает маршево,
Вот обломанный ус топорщится...
Им пока скрипеть да поругиваться,
Да следы оставлять линючие,
Но уверена даже пуговица,
Что сгодится еще при случае.

И снова будут бить барабаны.
Бить барабаны, бить, бить, бить!

Утро Родины нашей розово,
Позывные летят, попискивая.
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись, гипсовые.

И пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие.
Им бы, гипсовым, – человечины,
Они вновь обретут величие!

И будут бить барабаны.
Бить барабаны, бить, бить, бить!

Пропавшее наше прошлое
спит под присмотром конвойного

7. РАЗГОВОР В ВАГОНЕ-РЕСТОРАНЕ

Вечер, поле, огоньки,
Дальняя дорога...
„Дай-ка, братец, мне трески
И водочки немного!

Бассан-бассан-бассана,
Бассаната-бассаната!
Что с вином, что без вина –
Мне на сердце косовато!

Я седой не по годам
И с ногою высохшей.
Ты слышал про Магадан?
Не слышал – так выслушай!

А случилось дело так:
Как-то ночью странную
Заявился к нам в барак
Кум со всей охраною.

Я подумал, что конец,
Распрощался матерно.
Малосольный огурец
Кум жевал внимательно.

Скажет слово и поест,
Морда вся в апатии.
„Был, – сказал он, – говны, съезд
Славной нашей партии.

Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про отца и гения.”

Кум докушал огурец
И закончил с мукою:
„Оказался наш отец
Не отцом, а сукою

Полный, братцы, ататуй,
Панихида с танцами!..
И приказано статуй
За ночь снять на станции.”

Ты представь: метет метель,
Темень, стужа адская,
А на нем – одна шинель
Грубая, солдатская.

И стоит он напролом,
И летит, как конница...
Я – сапог его кайлом,
А сапог не колетса.

Огляделся я вокруг,
Дай-ка, мол, помешкаю!
У статуя губы вдруг
Тронулись усмешкою.

Помню: глуп я был и мал,
Слышал от родителя,
Как родитель мой ломал
Храм Христа Спасителя.

Бассан-бассан-бассана!
Черт гуляет с опером...
Храм и мне бы ни хрена –
Опиум как опиум!

А это ж гений всех времен,
Лучший друг навеки!
Все стоим, ревя ревом –
И вохровцы и ээки.

Я кайлом по сапогу
Бью, как неприкаянный,
Но внезапно сквозь пургу
Слышу голос каменный:

„Был я вождь вам и отец,
Сколько мук намелено!..
Что ж ты делаешь, подлец?!
Брось кайло немедленно!”

Но тут шарахнули запал –
Применили санкции.
Я упал, и он упал,
Завалил полстанции.

Ну, скостили нам срока,
Приписали в органы...
Я живой еще пока,
Но, как видишь, дерганый!

Бассан-бассан-бассана,
Бассаната-бассаната!
Лезут в поезд из окна
Бесенята, бесенята.

Отвяжитесь, мертвяки,
К черту, ради Бога!"
Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...

8. ФАНТАЗИЯ НА РУССКИЕ ТЕМЫ ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ С ОРКЕСТРОМ И ДВУХ СОЛИСТОВ – ТЕНОРА И БАРИТОНА

Тенор:

Королевич, да и только!
В сумке – пиво и „сучок”.
Подрулила птица-тройка,
Сел стукач на облучок.

И айда, и трали-вали!
Все белым-бело вокруг.
В леспромхозе, на канале,
Ждет меня любезный друг!

Он не цыган, не татарин и не жид,
Он – надежда мой, камаринский мужик!

Он – утеха на обиду мою,
Перед ним – бутылка с рябиновойю.
Он сидит, вино покусивает,
Не идет ли кто, послушивает.

То ли пеший, то ли конный,
То ли „Волги” воркотня?
И сидит мужик законный,
Смотрит в сумрак законный,
Пьет вино и ждет меня.

Ты жди-жди -обожди,
Не расстраивайся!..

Баритон:

Значит, так: на Урале
В предрассветную темь
Нас еще на вокзале
Оглушила метель.

И дивились пришельцы,
Барахлишко сгрузив,
Кулаки да лишенцы –
Самый первый призыв.

Значит, так: на Урале
Холода – не пустяк!
Города вымирали
Как один – под иссяк!

Нежно пальцы на горле
Им сводила зима,
Но деревни не мерли,
А сходили с ума!

Значит, так: на Урале
Ни к чему лекаря!
Всех не померших брали –
И в тайгу, в лагерь!..

„Четвертак” на морозе,
Под охраной, во вшах...
А теперь в леспромхозе
Я и сам в сторожах.

Нету рая спасенным:
Хоть и мертвый, а стой!
Вот и шнырю по селам
За хурдою-мурдой.

Как ворье по закону,
Самозванный купец –
Где добуду икону,
Где – резной поставец...

А московская наедет сволота, –
Отворяю я им, сявкам, ворота:
Заезжайте, гости милые!
Пожалуйте!

Тенор:

Славно гукает машина,
Путь-дорожка в два ряда.
Вьюга снегу накрошила –
Доберемся, не беда!

Мы своротим на проселок,
Просигналим: тра-та-та!
Принимай гостей веселых,
Отворяй нам ворота!

Ты, любезный мой, надежа из надеж!
Всю вселенную проедешь – не найдешь!

Самый подлинный-расподлинный:
Не носатый, не уродливый,
А что зубы – подчистую тю-тю,
Так, верно, спьяну обломал об кутью.

Не стесняйся – было-сплыло!

Кинь под лавку сапожки,
Прямо с жару, прямо с пылу
Ставь на стол „сучок” и пиво,
Печь лучиной разожги!

Ты жги-жги-жги-говори,
Поворачивайся!..

Баритон:

Что ж, за этот, за бренный,
За покой на душе!
Гость с шофером – по первой,
Я – вторую уже.

Сладок угорь балтийский –
Слаще закуси нет!
„Николай Мирликийский”
Запеленут в пакет.

Что ж, хихикайте, падлы,
Что нашли дурака!
Свесив белые патлы,
Гость завел „Ермака”.

Пой, легавый, не жалко!
Я и сам поддержу,
Я подвою, как шавка,
Подскулю, подвизжу.

Что ж, попили-поели,
Я постелю стелю.
Гость ворочает еле
Языком во хмелю.

И гогочет, как кочет, –
Хоть святых выноси!
И беседовать хочет
О спасеньи Руси.

Мне б с тобой не в беседу –
Мне б тебя на рога!
Мне бы зубы, да нету –
Знаешь слово „цинга”?

Вертухаево семя,
Не дразни – согрешу!
Ты заткнись про спасенье!
Спи! Я лампу гашу.

А наутро я гостей разбужу,
Их, похмельных, провожу к гаражу.
Заезжаете, гости милые!
Наведывайтесь!..

9. КАРАГАНДА

(песня про генеральскую дочь)

В Караганде живет много людей,
которые провели свое детство в
лагерях для детей «врагов народа».
Он был титулярный советник,
Она – генеральская дочь...

Постелилась я, и в печь – уголек,
Накрошила огурцов да мясца.
А он явился, ноги вынул и лег:
У мадам у его – месяца.

А он и рад тому, сучок, он и рад!
Скушал водочки – и в сон наповал.
А там, в России, где-то есть Ленинград,
А в Ленинграде том – Обводный канал.

А там мамонька жила с папонькой,
Называли меня лапонькой,
Не считали меня лишнею,
Да им дали обоим вышнюю...

Ой, Караганда, ты Караганда!
Ты угольком даешь на-ггга года!
Дала двадцать лет, дала тридцать лет..
А что с чужим живу – так своего-то нет!

Караганда!

А он, сучок, из гулевых шоферов,
Он барыга, и калымщик, и жмот,
Он на торговой дает – будь здоров!
Где – за рупь, а где какую прижмет...

Подвозил он меня раз в гастроном,
Даже слова не сказал, как полез.
Я бы – в крик, да на стекле ветровом
Он картиночку приклеил, подлец.

А на картиночке – площадь с садиком,
А перед ей – камень с Медным Всадником.
А тридцать лет назад я с мамой в том саду..
Он, не хочу про то, а то я выть пойду!

Ой, Караганда, ты Караганда!
Ты мать и мачеха – для кого когда!
А для меня была так всегда нежна,
Что я сама себе стала не нужна!

Караганда!

Он проснулся, закурил „Беломор”,
Взял пинжак, где у него кошелек,
И прошлепал босиком в коридор,
А вернулся – и обратно залег.

Он сопит, а я сижу у огня,
Режу мелко на водку лучок.
А ведь все-таки он жалеет меня!
Все-таки ходит, все-таки дышит, сучок!

А и спи-проспись ты, мое золотице!
А слезы... Что ж – от слез хлеб не солится!
А что мадам его крутит мордю,
Так мне плевать на то – я не гордая!

Ой, Караганда, ты Караганда!
Если ж тут горда – так на кой годна?!
Хлеб насущный наш дай нам, Боже, днесь!
А что в России есть – так то не хуже здесь!

Караганда!

Что-то сон нейдет – был, да вышел весь!
А завтра делать дел прорву адскую:
Завтра с базы нам сельдь должны завезть,
Говорили, что ленинградскую.

Я себе возьму и кой-кому раздам –
Надо ж к празднику подзаправиться!
А пяток сельдей я pošлю мадам –
Пусть покушает, позабавится!

Ах, пусть покушает она, дура жалкая!
Пусть не думает она, что я жадная!
Это, знать, с лучка глазам колется,
Голова на низ чтой-то клонится.

Ой, Караганда, ты Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года.
А на картиночке – площадь с садиком,
А перед ей – камень....

Караганда!..

10. ПЛЯСОВАЯ

Чтоб не бредить палачам по ночам,
Ходят в гости палачи к палачам,
И радушно, не жалея харчей,
Угощают палачи палачей.

На столе у них икра, балычок,
Не какой-нибудь – „КВ”-коньячок,
А впоследствии – чаек, пастила,
Кекс „Гвардейский” и печенье „Салют”,
И сидят заплечных дел мастера
И тихонько, но душевно поют:
„О Сталине мудром, родном и любимом...”

„Был порядок,” – говорят палачи.
„Был достаток”, – говорят палачи.
„Дело сделал”, – говорят палачи. –
„И пожалуйста – сполна получи!”

Белый хлеб икрой намазан густо,
Слезы кипяточка горячей,
Палачам бывает тоже грустно,
Пожалейте, люди, палачей!

Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи палачам,
И как в жизни, но еще половчей,
Бьют по рылу палачи палачей,

Как когда-то, как в годах молодых –
И с отяжкой, и ногою в поддых.
И от криков, и от слез палачей
Так и ходят этажи ходуном,
Созывают „неотложных” врачей
И с тоскою вспоминают о Нем:
„О Сталине мудром, родном и любимом...”

„Мы на страже”, – говорят палачи.
„Но когда же?!” – говорят палачи.
„Поскорей бы!” – говорят палачи. –
„Встань, Отец, и вразуми, поучи!”

Дышит, дышит кислородом стража,
Крикнуть бы, но голос как ничей,
Палачам бывает тоже страшно –
Пожалейте, люди, палачей!

11. ЗАКЛИНАНИЕ

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

Получил персональную пенсию,
Завернул на часок в „Поплавок”,
Там ракушками пахнет и плесенью,
И в разводах мочи потолок,

И шашлык отрыгается свечкою,
И сулгуни воняет треской...
И сидеть ему лучше б над речкою,
Чем над этой пучиной морской.

Ой ты, море, море, море, море Черное,
Ты какое-то верчѐное, кручѐное,
Ты ведешь себя не по правилам:
То ты Каином, а то ты Авелем.

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И по пляжу, где под вечер по двое,
Брел один он, задумчив и хмур.
Это Черное вздорное, подлое
Позволяет себе чересчур!

Волны катятся, чертовы бестии,
Не желают режим понимать.
Если б не был он нынче на пенсии,
Показал бы им кузькину мать!

Ох ты, море, море, море, море Черное,
Не подследственное, жаль, не заключенное!
На Инту б тебя свел за дело я –
Ты б из Черного стало Белое!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И в гостинице странную, страшную
Намечтал он спросонья мечту:
Будто Черное море под стражею
По этапу пригнали в Инту.

И, блаженной блаженного во-Христе,
Раскурив сигаретку „Маяк”,
Он глядит, как ребяташки-вохровцы
Загоняют стихию в барак.

Ох ты, море море, море, море Черное,
Ты теперь мне по закону поручённое!
А мы обучены этой химии –
Обращению со стихиями.

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И лежал он с блаженной улыбкою,
Даже скулы улыбка свела.
Но, должно быть, последней улыкою
Та улыбка для смерти была.

И не встал он ни утром, ни к вечеру,
Коридорный ходил за врачом,
Коридорная Божию свечечку
Над счастливым зажгла палачом.

И шумело море, море, море Черное,
Море вольное, никем не прирученное,
И вело себя не по правилам:
И было Каином, и было Авелем.

Помилуй мя, Господи, в последний раз!

12. ОБЛАКА

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино...
А я дыпенка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облакам...
Им тепло, небось, облакам!
А я продрог насквозь, на века.

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял, –
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах – снега наст.
До сих пор в ушах – шмона гам.
Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку еще двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия ни к чему!

Я и сам живу – первый сорт,
Двадцать лет, как день, разменяв:
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня.

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвертого – перевод,
И двадцать третьего – перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках,
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

13. ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ

(из области футурологии)

Под утро, когда устанут влюбленность и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся и выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка: „Хотите послушать старую запись?“
И мой глуховатый голос войдет в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане звякнут легко и ломко,
И струнный узор на скатерти начнет рисовать рука,
И будет бренчать гитара, и будет крутиться пленка,
И в дальний путь к Абакану отправятся облака...

И гость какой-нибудь скажет: „От шуточек этих зябко!
И автор напрасно думает, что сам ему черт не брат!“
„Ну, что Вы, Иван Петрович! – ответит ему хозяйка. –
Бояться автору нечего: он умер лет сто назад!..“

14. ЛЕВЫЙ МАРШ

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Нет, еще не кончены войны!
Голос чести еще не внятен.
И на свете, наверно, вольно
Дышат йоги – и те навряд ли!

Наши малые войны были
Ежедневными чудесами –
В мутном облаке книжной пыли
Государственных предписаний.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Помнишь, сонные понятия
Стали к притолоке головой,
Как мечтающие о тыле
Рядовые с передовой?

Помнишь, вспоротая перина
В зимней комнате – летний снег?..
Молча шел, не держась за перила,
Обесчещенный человек.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

И не пули, не штык, не камень –
Нас терзала иная боль:
Мы бессрочными штрафниками
Начинали свой малый бой.

По детдомам, как по штрафбатам,
Что ни сделаем – все вина!..
Под запрятанным шла штандартом
Необъявленная война.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Наши малые войны были
Рукопашною зла и чести
В том проклятом военном быте,
О котором не скажешь в песне.

Сколько раз нам ломали ребра!
Этот – помер, а тот – ослеп...
Но дороже, чем ребра, – вобла
И соленый мякинный хлеб.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

И не странно ли, братья серые,
Что по-волчьи мы, на лету,
Рвали горло за милосердие,
Били морду за доброту?!

И ничто нам не мило, кроме
Поля боя при лунном свете!..
Говорили – до первой крови.
Оказалось – до самой смерти!..

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

15. КОЛЫБЕЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Баю-баю-баю-бай!
Ходи в петлю, ходи в рай!
Баю-баюшки-баю!
Хорошо ль тебе в раю?
Улетая – улетай!
Баю-баю-баю-бай!

Но в рай мы не верим, нехристи,
Незрячим – к чему приметы?!
А утром пропавших без вести
Выводят на берег Леты.

Сидят пропавшие, греются,
Следят за речным приливом.
А что им, счастливым, грезится?
Не грезится им, счастливым!

Баю-баю-баю-бай!
Забывая – забывай!

Идут им харчи казенные,
Завозят вино – погуливают.
Сидят палачи и казенные,
Поплевывают, покуривают...

Придавят „бычок” подошвою,
И, в лени от ветра вольного,
Пропавшее наше прошлое
Спит под присмотром конвойного.

Баю-баю-баю-бай!
Ходи в петлю, ходи в рай!
Гаркнет ворон на плетне:
„Хорошо ль тебе в петле?”
Умирая – умирай!
Баю-баю-баю- бай!

16. ВСЕ НЕ ВОВРЕМЯ

(лагерная песня)

Посвящается В. Шаламову

А ты стучи, стучи! А тебе Бог простит!
А начальнички тебе, Леха, срок скостят...
За Окой сейчас, небось, коростель свистит,
А у нас на Тайшете ветра свистят.

А месяц май уже, всё смега белы.
А вертухаевы на снегу следы.
А что полнормы – тьфу! Это полбеды!
А что песню спел – полторы беды!

А над Окой летят гуси-лебеди,
А за Окой свистит коростель...
А тут по наледи курвы-нелюди
Двух эков ведут на расстрел.

А первый эка – он с Севастополя,
Он там, черт чудной, Херсонес копал,
Он копал, чумак, что ни попадя –
И на полный срок в лагеря попал.

И жену его, и сына его,
И старуху-мать, чтоб молчала, блядь,
Чтобы знали все, что закаяно
Нашу Родину сподниза копать!

А в Крыму теплынь, в море сельди,
И миндаль, небось, подоспел...
А тут по наледи курвы-нелюди
Двух ээка ведут на расстрел.

А второй ээка – это лично я.
Я без мами жил, и без папи жил,
Моя б жизнь была преотличная,
Да я в шухере стукаря пришил.

А мне сперва „вышка”, а я в раскаянье,
А уж в лагере – корешей в навал!..
И на кой я пес при Лехе-Каине
Чумаку подпел „Интернационал”?!

А в караулке пьют с рафинадом чай,
И вертухай идет – весь сопрел.
Ему скучно, чай, и несподручно, чай,
Нас в обед вести на расстрел!

17. ПЕСНЯ ПРО СИНЮЮ ПТИЦУ

Был я глупым тогда и сильным,
Все мечтал я о птице Синей.
Я нашел ее синий след –
Заработал пятнадцать лет.

Было время – за синий цвет
Получали пятнадцать лет.

Не солдатами – номерами
Помирали мы, помирали...
От Караганды по Нарым
Вся земля – как один нарыв.

Воркута, Инта, Магадан –
Кто вам жребий тот нагадал?
То вас шмон трясет, то цинга,
И чуть не треть ээка из ЦК.

А было время – за красный цвет
Добавляли по десять лет.

А когда пошли миром грозы,
Мужики – на фронт, бабы – в слезы.
В желтом мареве горизонт,
А нас из лагеря – да на фронт.

Севастополь, Курск, город Брест –
Нам слепил глаза желтый блеск.
А как желтый цвет стал белеть –
Стали глазаньки столбенеть.

Ох, сгубил ты нас, желтый цвет –
Мы на свет глядим, а света нет...
Покалечены наши жизни!..

А может, дело все в дальтонизме?
Может, цвету цвет – не чета,
А мы не смыслим в том ни черта?!

Так подчаливай, друг, за столик!
Ты – дальтоник, и я – дальтоник.
Разберемся на склоне лет,
За какой мы погибли цвет!..

18. ЧЕХАРДА С БУКВАМИ

В Петрограде, в Петербурге,
В Ленинграде, на Неве
В Колокольном переулке
Жили А, И, Б.

А служило, Б служило, И играло на трубе,
И играло на трубе,
Говорят, что так себе,
Но его любили очень и ценили А и Б.

Как-то в вечер беспокойный
Тяжко пенилась река,
И явились в Колокольный
Три сотрудника ЧК:
А забрали, Б забрали, И не тронули пока.

Через год домой к себе
Возвратились А и Б,
И по случаю такому
И играло на трубе.

Но прошел слушок окольный,
Что, мол, снова быть беде,
И явились в Колокольный
Трое из НКВД:
А забрали, Б забрали, И забрали и т. д.

Через десять лет зимой
А и Б пришли домой,
И домой вернулось тоже.
Все сказали: „Боже мой!”

Пару лет в покое шатком
Проживали А, И, Б,
Но явились трое в штатском
На машине КГБ:
А, И, Б они забрали, обозвали всех на „б”.

А – пропало навсегда,
Б – пропало навсегда,
И – пропало навсегда,
Навсегда и без следа.

Вот, понимаете, какая
У этих букв вышла в жизни ерунда!

19. КОРОЛЕВА МАТЕРИКА

Когда вьюга к утру, ошалев с тоски,
Задерет у ночи подол,
Но спит еще мирно Гудзонов пролив
(Он многих, сука, подвел!).

И спят зэка, как в последний раз
(Натянул бушлат – и пока!).
И вохровцы спят, как в последний раз
(Научились спать у зэка!).

И начальнички спят. Брови спят.
И лысина. И усы.
И спят сапоги. И собаки спят,
Уткнувши в лапы носы.

И тачки спят. И лопаты спят.
И сосны пятятся в тень.
И еще не пора, не пора, не пора
Начинать им доблестный день.

И лишь вертухай на вышке торчит
(Но ему не до спящих масс!) –
Он занят любовью по младости лет:
Свистит и дробит на Марс!..

А люди спят. И лопаты спят.
И земля сопит, как сурок.
И еще до подъема часа полтора
(А это – немалый срок!)

И вот в этот-то час, как тупая дрожь,
Проплывает во мгле тоска.
И тогда просыпается Белая Вошь,
Повелительница зэка!

А мы ее называли все:
Королева материка!..

Откуда всевластье ее взялось?
Попробуй спроси – иных!
Но пришла она первой в эти края
И последней оставит их!

Будет день – и профессор каких-то щей
Подобьет на счетах итог,
И увидит, что кончились все срока
И не капает новый срок.

Тогда сложат из тачек и нар костер
И, волчий забыв раздор,
Встанут рядом (рядом!) зэка и лбы –
И напишут в тот костер.

Сперва за себя, а потом за тех,
Кто пьет теперь Божий морс,
Кого шлепнули влет, кто ушел под лед,
Кто в дохлую землю вмерз!

Кого Колыма от аза до аза
Вгоняла в горячий пот
(О, как они ссали б, закрыв глаза,
Как горлица воду пьет!)...

А потом пропоеет неслышно труба
И расступится рвань и голь,
И Ее Величество Белая Вошь
Подойдет – и войдет в огонь!

И взметнутся в небо тысячи искр
(Но не просто, не как-нибудь!).
Навсегда – крестом – над Млечным Путем
Протянется Вшивый Путь!

Но басенки – ложь! И побасенки – ложь!
И не стать им правдой, пока
Встает, поднимается Белая Вошь,
Повелительница ээка.

Которую мы называли все:
Королева материка!

Говорят, что однажды, в тридцать сельмом
(В том самом, лихом году!),
Когда в тайге, на всех языках,
Пропели славу труду,

Когда призвала страну Колыма
К доблестному труду
(И ногами покойников в штабеля
Укладывали на льду!),

Когда побрякивала тайга
От доблестного труда,
В тот год к Королеве пришла любовь –
Однажды и навсегда!..

...Он сам напросился служить в конвой,
Он сам пожелал – в Дальлаг.
И ему с беспартийной крутить любовь
Ну просто нельзя никак!

Он в нагрудном мешочке носил чеснок,
И деньги, и партбилет.
А она – Королева! А ей плевать –
Хочет он или нет!

И когда его ночью столкнули в клеть
(Зачлись подлецу дела!),
Она до утра, на рыжем снегу,
Слезы над ним лила.

А утром пришли, чтоб его зарыть,
Смотрят – а тела нет!
А куда он пропал – не узнал никто,
И это – ее секрет!

И потом на конвойных пошел падеж:
То им пуля, а то срока!..
Не простила им слез своих Белая Вошь,
Повелительница зэка!

А мы недаром звали ее:
Королева материка!

А еще говорят, что какой-то чмырь –
Начальничек из Москвы –
Решил объявить Королеве войну
(Пошел, так сказать, „на вы“!).

Он гонял на прожарку и в зоне, и за,
Он орал и вопил: „Даешь!..”
А был бы начальничек чуть поумней,
Он пошел бы с ней на дележ!

Чтоб и пайку им пополам рубить,
И в трубу пополам трубить!
Но начальник умным не может быть –
Потому что не может быть!

Он надменно верит, что он – не он,
А еще – миллион и он!
И каждое слово его – миллион!
И каждый шаг его – миллион!

Но когда ты один и ночь за окном,

И метет за окном пурга,
Тогда ты один. И тогда – беги,
Если жизнь тебе дорога!

Тогда тебя не спасет миллион,
Не отобьет конвой
(И всю ночь, говорят, над зоной плыл
Протяжный и страшный вой!).

...Его нашли в одном сапоге,
И от страха – рот до ушей,
И на вздувшейся шее, тугой петлей,
Удавка из белых вшей!

И никто с тех пор не вопит: „Даешь!..”
И смеется исподтишка
Ее Величество Белая Вошь,
Повелительница эзка.

Вот тогда-то ее и назвали все:
Королева материка!

...Ковыряют историю – этак и так,
То ругань гремит, то медь.
Но мы-то знаем, кто вел нас в бой
И кто провожал на смерть!

Валеты рвутся попасть в тузы,
Сменяется мастью масть.
Но мы-то знаем, какая власть
Была и взаправду власть!

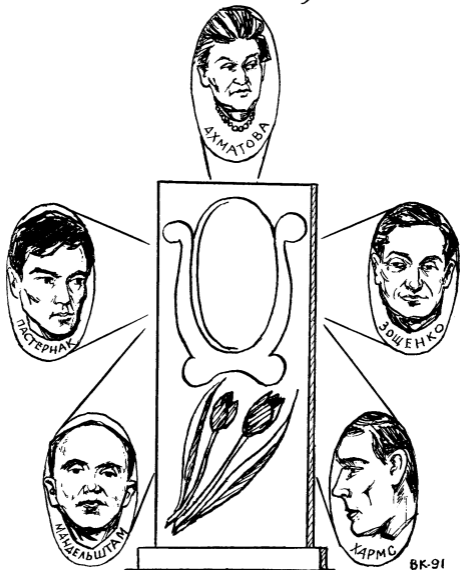
Но мы-то знаем, какая власть
Нам в руки дала кайло,
И все мы – подданные ее,
И носим ее клеймо!

Когда-нибудь те, кто придет назад
(И кто не придет назад!),
Мы в ее честь устроим парад,
И это будет – Парад!

По всей Вселенной (пойди – сдержи!),
Свой каторжный славя труд,
Ее Величества Белой Вши
Подданные пройдут!

Вот и смолкли
клевета и споры

БК-91

Ее Величества Белой Ши
Данники всех времен!
А это сумеет любой дурак –
По заду втянуть ремнем!

А это сумеет любой дурак –
Палить в безоружных всласть!
Но мы-то знаем, какая власть
Была и взаправду – власть!

И покуда не сгнули страх и ложь,
И покуда стучат срока,
Ты ведешь нас и властвуешь, Белая Вошь,
Повелительница зэка.

Ее Величество Белая Вошь,
Королева материка.

ГЛАВА III. ВОТ И СМОЛКЛИ КЛЕВЕТА И СПОРЫ (ЛИТЕРАТОРСКИЕ МОСТКИ)

20. ПАМЯТИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Разобрали венки на венки,
На полчаса погрустнели.
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье.
Он не мылил петли в Елабуге
И с ума не сходил в Сучане...

Даже киевские „письмэнники”
На поминки его поспели.
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И не то, чтобы с чем-то за сорок:
Ровно семьдесят – возраст смертный...
И не просто какой-то пасынок –
Член Литфонда, усопший смертный.

Ах, осыпались лапы елочки,
Отзвенели его метели...
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!

„...Мело,мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...”

Нет, никакая не свеча –
Горела люстра,
Очки на морде палача
Сверкали шустро.

А зал зевал, а зал скучал:
„Мели, Емеля!”
Ведь не в тюрьму, и не в Сучан,
Не к высшей мере!..

И не к терновому венцу –
Колесованьем,
А как поленом по лицу –
Голосованьем!

А кто-то спьяну вопрошал:
„За что? Кого там?..”
И кто-то жрал, и кто-то жрал
Над анекдотом.

Мы не забудем этот смех
И эту скуку –
Мы поименно вспомним всех,
Кто поднял руку!

„...Гул затих. Я вышел на подмости,
Прислонясь к дверному косяку...”

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...

А над гробом встали мародеры
И несут почетный КА-РА-УЛ!..

21. СНОВА АВГУСТ

А. А. Ахматова не любила и боялась
месяца августа: в августе был рас-
стрелян Н. Гумилев, в августе посадили ее
сына, в августе было опубликовано из-
вестное постановление о журналах
„Звезда” и „Ленинград”.

А так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.

А. Ахматова. „Поэма без героя”

В той злой тишине, в той неверной,
В тени разведенных мостов,
Ходила она по Шпалерной,
Моталась она у „Крестов”.

Ей в тягость? Да нет, ей не в тягость!
Привычно, как росчерк пера!
Вот если бы только не август –
Не чертова эта пора!

Таким же, наверно, нелепым
Был давний тот август, когда
Под черным бернгардовским небом
Стрельнула, как птица, беда.

И разве не в августе снова
(В еще не отмеренный год)
Осудят – мычанием – слово
И совесть отправят в расход?!

Но это потом, а покуда –
Которую ночь над Невой,
Уже не надеясь на чудо,
А только бы знать, что живой!

И в сумерки вписана четко,
Как вписана в нашу судьбу,
По-царски небрежная челка,
Прилипшая к мокрому лбу.

О, шелест финских сосен –
Награда за труды!
Но вновь приходит осень –
Пора Твоей беды.

И август. И как будто
Все то же, как тогда...
И врет мордастый Будда,
Что горе – не беда!..

Но вьется, вьется челка
Колечками на лбу...
Уходит в ночь девчонка
Пытать – Твою судьбу!

Следят из окон постно
За нею сотни глаз.
А ей плевать, что поздно,
Что комендантский час!

По улице бессветной,
Под окрик патрулей,

Идет она бессмертной
Походкою Твоей.

На праздник и на плаху
Идет она, как Ты –
По Пряжке через Прагу,
Искать свои „Кресты”.

И пусть судачат глупые соседи,
Пусть кто-то обругает не со злом...
Она домой вернется на рассвете –
И никому не скажет, где была!

Но с мокрых пальцев облизнет чернила
И скажет, примостившись в уголке:
– Прости, но мне бумаги не хватило.
Я на твоём пишу черновике...

22. ЭПИЛОГ

...И благодарного народа
Он слышит голос: «Мы пришли
Сказать: где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!»

А. Ахматова. «Слова миру»
1950 г.

Ей страшно. И душно. И хочется лечь.
Ей с каждой секундой ясней,
Что это не совесть, а русская речь
Сегодня глумится на Ней!

И все-таки надо писать эпилог,
Хоть ломит от боли висок,
Хоть каждая строчка, и слово, и слог
Скрипят на зубах, как песок.

...Скрипели слова, как песок на зубах,
И вдруг – расплывались в пятно.
Белели слова, как предсмертных рубашках
Белеет во мгле полотно.

...По белому снегу вели на расстрел
Над берегом белой реки.
И сын Ее вслед уходившим смотрел
И ждал – этой самой строки!

Торчала строка, как сухое жнивье,
Шуршала опавшей листвою.
Но Ангел стоял за плечом у Нее
И скорбно кивал головой.

23. НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

Памяти М. М. Зошенко

В матершинном субботнем загуле шалманчика
Обезьянка спала на плече у шарманщика,
А когда просыпалась, глаза ее жуткие
Выражали почти человечесью отчаянность.
А шарманка дудела про сопки маньчжурские,
И Тамарка-буфетчица очень печалилась...

– Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...

Были и у Томки трали-вали,
И не Томкой – Томочкою звали,
Целовалась с миленьким в осоке,
И не пивом пахла, а апрелем...
Может быть, и впрямь на той высотке
Сгинул он, порубан и пострелян?!

– Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...

А последний шарманщик – „обломок империи” -
Все пылил перед Томкой павлиньими перьями,
Он выламывал, шкура, замашки буржуйские:
То, мол, теплое пиво, то мясо прохладное!..
А шарманка дудела про сопки маньчжурские,
И спала на плече обезьянка прокатная.

– Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

И делясь тоской, как барышами,
Подпевали шлюхи с алкашами,
А шарманщик ел, зараза, хаши,
Алкашам подмигивал прелестно:
Дескать, деньги ваши – будут наши,
Дескать, вам приятно – мне полезно!

– На сопках маньчжурских воины спят
И русских не слышат слез...

А часов этак в десять, а может, и ранее,
Непонятный чужак появился в шалмани:
Был похож он на вдруг постаревшего мальчика.
За рассказ, напечатанный неким журнальчиком,
Толстомордый подонок с глазами обманщика
Объявил чужака – всенародно – обманщиком!

– Пусть гаолян
Навеет вам сладкие сны...

Сел чужак за стол и вжался в угол,
И легонько пальцами постукал,
И сказал, что отдохнет немного.
Помолчав, добавил напряженно:
„Если есть боржом, то ради Бога –
Дайте мне бутылочку боржома!“

– Спице, герои русской земли,
Отчизны родной сыны!..

Обезьянка проснулась, тихонько зацокала,
Загляделась на гостя, присевшего около,
А Тамарка-буфетчица, сука рублевая,
Покачала смущенно прической пегою
И сказала: „Пардон, но у нас не столовая!..
Только Вы обождите – я на угол сбегаю...“

– Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...

А чужак глядел на обезьянку,
Пальцами выстукивал морзянку,
Словно бы он звал ее на помощь,
Удивляясь своему бездомью,
Словно бы он спрашивал: „Запомнишь?“
И она кивала: „Да, запомню!“

– Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...

Отодвинул шарманщик шарманку ботинкою,
Прибежала Тамарка с боржомной бутылкою
И сама налила чужаку полстаканчика

(Не знавали в шалмане подобные почести!),
А Тамарка, в упор поглядев на шарманщика,
Приказала: „Играй! Человек в одиночестве...”

– Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

Замолчали шлюхи с алкашами,
Только мухи лапками шаршали...
Стало почему-то очень тихо,
Наступила странная минута:
Непонятное – чужое – лихо
Стало общим лихом почему-то!..

– На сопках маньчжурских воины спят
И русских не слышат слез...

Не взрывалось молчанье – ни матом, ни брехами,
Обезьянка сипела спаленными бронхами,
А шарманщик, забыв трепотню свою барскую,
Сам назначил себе: мол, играй да помалкивай!
И почти что неслышно сказав: „Благодарствую!”,
Наклонился чудака над рукою Тамаркиной!

– Пусть гаолян
Навеет вам сладкие сны...

И ушел чудака, не взявши сдачи,
Всем в шалмане пожелал удачи.
...Вот какая странная эпоха –
Не горим в огне и тонем в луже!
Обезьянке было очень плохо –
Человеку было много хуже!

– Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны!

24. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ

Посвящается О. Мандельштаму

Всю ночь за стеной ворковала гитара –
Сосед-прощельга крутил юбилей,
А два понятых, словно два санитара,
А два понятых, словно два санитара,
Зевая, томились у черных дверей.

И жирные пальцы с неспешной заботой
Кромешной своей занимались работой,
И две королевы глядели в молчаньи,
Как пальцы копались в бумажном мочале,

Как жирно листали за книжкой книжку...
А сам-то король – все бочком да вприпрыжку,
Чтоб взглядом не выдать – не та ли страница,
Чтоб рядом не видеть безглазые лица.

А пальцы искали крамолу, крамолу...
А там, за стеной, все гоняли „Рамону“:
„Рамона! Какой простор вокруг, взгляни!
Рамона! И в целом мире мы одни!..”

...И только и свету, что в звездной колючей неправде...”

И, глядя, как пальцы шуруют в обивке,
Вольно ж тебе было, он думал, вольно!
Глотай своего якобинства опивки,
Глотай своего якобинства опивки –
Не уксус еще, но уже не вино!

Щелкунчик-скворец, простофиля Емеля,
Зачем ты ввязался в чужое похмелье?
На что ты истратил свои золотые?..
И скучно следили за ним понятые.

А две королевы бездарно курили,
И тоже казнили себя и корили –
За лень, за небрежный кивок на вокзале,
За все, что ему второпях не сказали...

А пальцы копались, и рвалась бумага...
И пел за стеной тенорок-бедолага:
„Рамона! Моя любовь, мои мечты!
Рамона! Везде и всюду – только ты!..”

„...А жизнь промелькнет театрального капора пеной...”

По улице черной, за „вороном черным” –
За этой каретой, где окна крестом,
Я буду метаться в дозоре почетном,
Я буду метаться в дозоре почетном,
Пока, обессилив, не рухну пластом.

Но слово останется , слово осталось!
Не к слову, а к сердцу приходит усталость!
И хочешь не хочешь – слезай с карусели!
И хочешь не хочешь – конец одиссеи!

Но нас не помчат паруса на Итаку:
В наш век на Итаку везут по этапу –
Везут Одиссея в телячьем вагоне,
Где только и славно, что нету погони!

Где, выпив ханжи, на потеху вагону
Блатарь-одессит распевает „Рамону”:
„Рамона! Ты слышишь ветра нежный зов?
Рамона! Ведь это песнь любви без слов!..”

„...И некому, некому, некому молвить из табора улицы темной!”

25. ЛЕГЕНДА О ТАБАКЕ

Из дома вышел человек
С веревкой и мешком,
И в дальний путь, и в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил, не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел.

И вот однажды поутру
Вошел он в темный лес,
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей, тогда скорей,
Скорей скажите нам!

Даниил Хармс

Лил жуткий дождь, шел страшный снег,
Вовсю дурил двадцатый век,
Кричала кошка на трубе
И выли сто собак...

И, встав с постели, человек
Увидел кошку на трубе,
Зевнул и сам сказал себе:
Кончается табак.

Табак кончается – беда!
Пойду куплю табак!
И вот... Но это ерунда!
И было все не так.

Из дома вышел человек
С веревкой и мешком,
И в дальний путь, и в дальний путь
Отправился пешком...

И тут же, проглотив смешок,
Он сам себя спросил:
А для чего он взял мешок?
Ответьте, Даниил!

Вопрос резонный – нечем крыть!
Летит к чертям строка!
И надо, видно, докурить
Остаток табака...

...Итак, однажды человек
Та-та-та с посошком
И в дальний путь, и в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил, не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел...

А может, снова все начать
И бросить этот вздор?!
Уже на ордере печать
Оттиснул прокурор...

Начнем вот так: пять зайчат
Решили ехать в Тверь...
А в дверь стучат, а в дверь стучат –
Пока не в эту дверь.

Пришли зайчата на вокзал,
Прошли зайчата в зальце,
И сам кассир, смеясь, сказал:
„Впервые вижу зайца!”

Но этот чертов человек
С веревкой и мешком,
Он и без спроса в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил, не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел.

И вот однажды поутру
Вошел он в темный лес,
И с той поры, и с той поры,

И с той поры исчез...

На воле – снег. На кухне – чад,
Вся комната – в дыму..
А в дверь стучат, а в дверь стучат –
На этот раз к нему!..

О чем он думает теперь
(Теперь, потом, всегда),
Когда стучит ногою в дверь
Чугунная беда?

А тут ломается строка,
Строфа теряет стать,
И нет ни капли табака,
А там уж не достать!

И надо дописать стишок,
Пока они стучат,
И значит – все-таки мешок,
И побоку зайчат!

А в дверь стучат – в двадцатый век,
Стучат, как в темный лес...
Ушел однажды человек –
И навсегда исчез!

Но Парка нить его тайком
По-прежнему прядет.
А он ушел за табаком,
Он вскорости придет.

За ним бежали сто собак,
И кот по крышам лез...
Но только в городе табак
В тот день как раз исчез.

И он пошел в Петродворец,
Потом – пешком в Торжок...
Он догадался, наконец,
Зачем он взял мешок!

IV Вот горит звезда
моя субботняя

БК-91

Он шел сквозь свет и шел сквозь тьму,
Он был в Сибири и в Крыму...
А опер каждый день к нему
Стучался, как дурак.

И много-много лет подряд
Соседи хором говорят:
„Он вышел пять минут назад –
Пошел купить табак...”

ГЛАВА IV ВОТ ГОРИТ ЗВЕЗДА МОЯ СУББОТНЯЯ

26. КАДЕШ

Памяти польского писателя,
педагога и врача Якова Гольд-
шмидта (Януша Корчака), погиб-
шего вместе со своими воспитан-
никами из школы-интерната „Дом
сирот” в концлагере Трешлинка.

Как я устал повторять бесконечно все то же и то же,
Падать и вновь на своя возвращаться круги!
Я не умею молиться. Прости меня, Господи Боже!

Я не умею молиться. Прости меня и помоги!

(А по вечерам все так же, как ни в чем не бывало, играет музыка...)

...Сан-Луи блюз! Ты во мне как боль, как ожог!
Сан-Луи блюз! Захлебывается рожок...

А вы сидите и слушаете
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги и слушаете
И с меня не сводите глаз.

Вы жрете, пьете и слушаете
И с меня не сводите глаз.
И поет мой рожок про дерево,
На котором я вздерну вас!
Да-с! Да-с!

„Я никому не желаю зла. Не умею. Просто не знаю, как это делается.”

Я. Корчак „Последний дневник”

Уходят из Варшавы поезда,
И все пустее гетто, все темней.
Глядит в окно чердачное звезда,
Гудят всю ночь, прощаясь, поезда,
И я прощаюсь с памятью моей.

Цыган был вор, цыган был вун –
Но тем милей вдвойне!
Он трогал семь певучих струн
И улыбался мне,

И говорил: „Учи, сынок,
Учи цыганский счет!
Семь дней недели создал Бог,
Семь струн гитары – черт!

И он ведется неспроста,
Тот хитрый счет, пойми!
Ведь даже радуга – и та
Из тех же из семи
Цветов!”

Осенней медью город опален,
А я хранитель всех его чудес,
Я неразменным одарен рублем,
Мне ровно дважды семь и я влюблен
Во всех дурнушек и во всех принцесс.

Осени меня своим крылом,
Город детства с тайными неназванными!
Счастлив я, что и в беде, и в праздновании
Был слугой твоим и королем.

Я старался сделать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: „Высвободи!”
И скажу на самой смертной исповеди
(Если есть на свете детский Бог!):

„Все я, Боже, получил сполна –
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу: спаси от ненависти!
Мне не причитается она!”

И вот я врач, и вот военный год,
Мне – семью пять, а году – семью два.
В обозе госпитальном – кровь и пот,

И кто-то, помню, бредит и поет
Печальные и странные слова:

„...Гори, гори, моя звезда!
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна, заветная,
Другой не будет...”

Ах, какая в тот день приключилась беда!
По дороге затопленной, по лесу,
Чтоб проститься со мною, с чужим, навсегда,
Ты прошла пограничную полосу.

И могли ль мы понять в том году роковым,
Что беда обернется пощадою?!
Полинявшее знамя пустым рукавом
Над платформой качалось дощатою.

Наступила внезапно чужая зима,
И чужая, и все-таки близкая.
Шла французская фильма в дрянном синема,
Бахла торговали австрийское.

Понукали извозчики дохлых коняг,
И в кафе, заколоченном наглухо,
Мы с тобою сидели и пили коньяк
И жевали засохшее яблоко.

И в молчаньи мы знали про нашу беду,
И надеждой не тешились гиблюю,
И в молчаньи мы пили за эту звезду,
Что печально горит над могилою.

...Умру ли я – и над могилою
Гори, сияй, моя звезда!..

Уходят из Варшавы поезда,
И скоро наш черед, как ни крути!
Ну, что ж, гори, гори, моя звезда,
Моя шестиконечная звезда,
Гори на рукаве и на груди!

...Окликнет эхо давним прозвищем,
И ляжет снег покровом пряничным,
Когда я снова стану маленьким,
А мир опять – большим и праздничным.

Когда я снова стану облаком,
Когда я снова стану зябликом,
Когда я снова стану маленьким
И снег опять запахнет яблоком,

Меня снесут с крылечка, сонного,
И я проснусь от скрипа санного,
Когда я снова стану маленьким
И мир чудес открою заново...

Звезда в окне, и на груди – звезда!..
И не поймешь – которая ясней?
А я устал, и, верно, неспроста,
Гудят всю ночь, прощаясь, поезда,
И я прощаюсь с памятью моей.

„А еще жила в „Доме сирот” девочка Ната. После тяжелой болезни она не могла ходить, но зато она очень хорошо рисовала и сочиняла песенки. Вот

одна из них – песенка моей любимицы, девочки Ната, про кораблик...”

Я кораблик клеила
Из цветной бумаги,
Из коры и клевера,
С клевером на флаге.

Он зеленый, розовый,
Он в смолистых каплях,
Клеверный, березовый,
Славный мой кораблик!
Славный мой кораблик!

А когда забулькают ручейки весенние,
Дальнею дорогою, синевой морской
Поплывет кораблик мой к острову Спасения,
Где ни войн, ни выстрелов – солнце и покой!

Я кораблик ладила,
Пела, словно зяблик.
Зря я время тратила –
Сгинул мой кораблик!

Не в грозовом отблеске,
В буре, урагане –
Попросту при обыске
Смяли сапогами...
Смяли сапогами...

Но когда забулькают ручейки весенние,
В облаках приветственно протрубит журавль –
К солнечному берегу, к острову Спасения
Чей-то обязательно доплывет корабль!

„Когда-нибудь, когда вы будете вспоминать имена героев, не забудьте, пожалуйста (я очень прошу вас – не забудьте!), Петра Залевского, бывшего гренадера, инвалида войны, служившего сторожем у нас в „Доме сирот” и убитого польскими полицией ооенью 1942 года”.

Он убирал наш бедный двор,
Когда они пришли,
И странен был их разговор –
Как на краю земли.

Как разговор у той черты,
Где только „нет” и „да”...
Они ему сказали: „Ты!..
А ну, пойдн сюда!”

Они спросили: „Ты поляк?”
А он сказал: „Поляк!”
Они сказали: „Как же так?..”
А он сказал: „Вот так!..”

„Но ты ж, культяпый, хочешь жить?!

Зачем же, черт возьми,
Ты в гетто нянчишься, как жид,
С жидовскими детьми?

К чему, – сказали, – трам-там-там,
К чему такая спесь?
Пойми, – сказали, – Польша – там!”
А он ответил: „Здесь!

И здесь она, и там она –
Она везде одна,
Моя несчастная страна,
Прекрасная страна!”

И вновь спросили: „Ты поляк?”
А он сказал: „Поляк!”
„Ну, что ж, – сказали, – значит, так!..”
А он ответил: „Так!..”

„Ну, что ж, – сказали, – кончен бал!”
Скомандовали: „Пли!..”
И прежде, чем он сам упал,
Упали костыли.

И прежде, чем пришли покой,
И сон, и тишина,
Он помахать успел рукой
Глядевшим из окна.

О, дай мне, Бог, конец такой:
Всю боль испив до дна,
В свой смертный миг махнуть рукой
Глядящим из окна!

„А потом наступил такой день, когда „Дому сирот” – и детям, и воспитателям – было приказано явиться с вещами на Умшлягплац (так называлась при немцах площадь у Гданьского вокзала)...”

Эшелон уходит равно в полночь,
Паровоз-балбес пыхтит: „Шолом!”
Вдоль перрона строем встала сволочь –
Сволочь провожает эшелон.

Эшелон уходит ровно в полночь,
Эшелон уходит прямо в рай.
Как мечтает поскорее сволочь
Донести, что Польша – „юденфрай!”

„Юденфрай!” – Варшава, Познань, Краков,
Весь протекторат из края в край!
В черной чертовне паучьих знаков
Ныне и вовеки – „юденфрай!”

А на Умшлягплаце, у вокзала,
Гетто ждет устало – чей черед?
И гремит последняя осанна
Лаем люлиция: „Дом сирот!“

Шевелит губами переводчик –
Глотка пересохла, грудь в тисках, –
Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Натей на руках.

Знаменосец – козырек заломом,
Чубчик вьется, словно завитой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.

Два горниста поднимают трубы,
Знаменосец выпрямил древко,
Детские обветренные губы
Запевают грозно и легко:

...Наш славный поход начинается просто –
От Старого Мяста до Гданьского моста,
И дальше, и с песней, построясь по росту,
К варшавским предместьям по Гданьскому мосту...

По улицам Гданьска, по улицам Гданьска
Шагают девчонки Марысьска и Басьска,
А маленький Боля, а рыженький Боля
Застыл, потрясенный, у края приборя...

Пахнет морем – теплым и соленым,
Вечным морем и людской тщетой...
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.

Мы проходим по трое, рядами,
Сквозь кордон эсэсовских ворон.
Дальше начинается преданье:
Дальше мы выходим на перрон.

И бежит за мною переводчик,
Робко прикасается к плечу:
„Вам разрешено остаться, Корчак!“
Если верить сказке – я молчу.

К поезду – к чугунному парому –
Я веду детей, как на урок.
Надо вдоль вагонов по перрону,
Вдоль, а мы шагаем – поперек!..

Рваными ботинками бряцая,
Мы идем не вдоль, а поперек,
И берут, смешавшись, полицаи
Кожаной рукой под козырек.

И стихает плач в аду вагонном,
И над всей прощальной маетой –
Пламенем на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой!

Может, в жизни было по-другому,
Только эта сказка вам не врет!
К своему последнему вагону,
К своему чистилищу-вагону,
К пахнущему хлоркою вагону
С песнею подходит „Дом сирот“:

...По улицам Лодзи, по улицам Лодзи
Шагают ужасно почтенные гости:
Шагают мальчишки, шагают девчонки
И дуют в дуделки, и крутят трещотки.

Ведут нас дороги, и шляхи, и тракты
В снега Закопане, где синие Татры.
На белой вершине – зеленое знамя,
И вся наша бедная Польша под нами...
Вся Польша...

„И тут кто-то, не выдержав, дал сигнал к отправлению, и эшелон „Варшава-Треблинка“ задолго до назначенного часа (случай совершенно невероятный!) тронулся в путь...”

Вот и кончена песня, вот и смолкли трещотки,
Вот и скорчено небо в переплете решетки,
И державе своей под вагонную тряску
Сочиняет король угомонную сказку:

...Итак, начнем, благословясь!
Лет сто тому назад
В своем дворце неряха-князь
Развел везде такую грязь,
Что был и сам не рад.

И как-то, очень рассердясь,
Призвал он маляра.
„А не пора ли, – молвил князь, –
Закрасить краской эту грязь?“
Маляр сказал: „Пора!

Давно пора, вельможный князь,
Давным-давно пора!“
И стала грязно-белой грязь,
И стала грязно-синей грязь,
И стала грязно-желтой грязь
Под кистью маляра.

А потому что грязь есть грязь,
В какой ты цвет ее ни крась!..

Нет, некстати была эта сказка, некстати!
И молчит моя милая чудо-держава,
А потом неожиданно голосом Нати
Невпопад говорит: „До свиданья, Варшава!“

И тогда, как стучат колотушкой о шпалу,
Застучали сердца колотушкой о шпалу,
Загудели сердца: „Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!“

По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга, гремит: „Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!“

Пусть мы дымом истаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горячую лаву –
Но дождем, но травой, но ветром, но пеплом
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!“

А мне что делать? И так мое сердце в клочьях!
Я в том же тряусь вагоне и в том же горю пожаре!
Но из года семидесятого я Вам кричу: „Пан Корчак!
Не возвращайтесь – Вам стыдно будет в этой Варшаве!“

Землю отмыли добела: нету ни рвов, ни кочек,
Гранитные обелиски твердят о бессмертной славе.
Но слезы и кровь – забыты! Поймите это, пан Корчак,
И не возвращайтесь – Вам страшно будет в этой Варшаве!

Дали зрелищ и хлеба,
Взяли Вислу и Татры,
Землю, море и небо –
Все, мол,наше! А так ли?!

Для осеннего пряжа
С вещим зовом кукушки –
Ваша?! Врете, не ваша –
Это осень Костюшки!

Небо в пепле и саже
От фабричного дыма –
Ваше?! Врете, не ваше –
Это небо Тувима!

Сосны, гордые стражи,
Там, над Балтикой пенной –
Ваши?! Врете, не ваши –
Это сосны Шопена!

Беды плодятся весело, радость – в слезах и в корчах,

И много ль мы видели радости на маленьком нашем шаре?!
Не возвращайтесь в Варшаву, я очень прошу Вас, пан Корчак!
Не возвращайтесь – Вам нечего делать в этой Варшаве!
Паясничают гомункулусы, геройские рожи корчат.
Рвется к нечистой власти орава нечистой швали!..
Не возвращайтесь в Варшаву – я очень прошу Вас, пан Корчак!
Вы будете чужеземцем в Вашей родной Варшаве!

(А по вечерам все так же играет музыка – как будто ни в чем не бывало...)

...Сан-Луи блюз! Ты во мне, как боль, как ожог!
Сан-Луи блюз! Захлебывается рожок...

На пластинках моно и стерео –
Горячей признанья в любви.
Поет мой рожок про дерево
Там, на родине, в Сан-Луи.

Над землей моей отчей – выстрелы:
Пыльной ночью – все „бах” да „бах”...
Но гоните монету, мистеры,
И за выпивку, и за баб!

И еще – ну, прямо комедия! –
А еще за вами должок:
Выкладывайте последнее
За то, что поет рожок!

А вы сидите и слушаете
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги и слушаете
И с меня не сводите глаз.

Вы жрете, пьете и слушаете
И с меня не сводите глаз.
И поет мой рожок про дерево,
На котором я вздерну вас!
Да-с! Да-с!

„Я никому не желаю зла. Не умею. Просто не знаю, как это делается.”

Как я устал повторять бесконечно все то же и то же!
Падать и вновь на своя возвращаться круги!
Я не умею молиться. Прости меня, Господи Боже!
Я не умею молиться. Прости меня – и помоги!..

27. ЗАСЫПАЯ И ПРОСЫПАЯСЬ

Все снежком январским припорошено,
Стали ночи долгие лютей...
Только потому, что так положено,
Я прошу прощенья у людей!

Воробьи попрятались в скворешники,
Улетели за море скворцы...
Грешного, меня простите, грешники!
Подлого простите, подлецы!

Вот горит звезда моя субботняя,
Равнодушна к лести и хуле.
Я надену чистое исподнее,
Семь свечей расставлю на столе.

Расшумятся к ночи дурни-лабухи –
Ветры и поземки чертовня.

Я усну – и мне приснятся запахи
Мокрой шерсти, снега и огня.

А потом из прошлого бездонного
Выплывет озябший голосок –
Это мне Арина Родионовна
Скажет: „Нит гедайге! Спи, сынок!

Сгнило в вошебойке платье узника,
Всем печалям подведен итог.
А над Бабьим Яром – смех и музыка...
Так что все в порядке! Спи, сынок!

Спи, но в кулаке зажди оружие –
Бедную Давидову прашу!”
Люди мне простят – от равнодушия,
Я им равнодушья – не прощу!

28. ПОЕЗД

Посвящается С. Михоэлсу

Ни гневом, ни порицаньем
Давно уж мы не бряцаем,
Здороваемся с подлецами,
Раскланиваемся с полицаем.

Не рвемся ни в бой, ни в поиск –
Все праведно, все душевно...
Но помни: отходит поезд,
Ты слышишь: уходит поезд –
Сегодня и ежедневно.

Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай...

А мы балагурим, а мы куролесим,
Нам недругов лезть – как вода из колодца.
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам –
Колеса, колеса, колеса, колеса...

Такой у нас нрав спокойный,
Что без никаких стараний
Нам кажется путь окольный
Кратчайшим из расстояний.

Оплачен страховки полис,
Готовит обед царевна...
Но помни: отходит поезд,
Ты слышишь: уходит поезд,
Сегодня и ежедневно.

Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай...

Мы пол отциклюем, мы шторы повесим,
Чтоб нашему раю – ни краю, ни сноса!..
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам –
Колеса, колеса, колеса, колеса...
От скорости века в сонности
Живем мы, в живых не значась .
Непротивление совести –
Удобнейшее из чудачеств .

И только порой под сердцем
Кольнет тоскливо и гневно:
Уходит наш поезд в Освенцим,
Наш поезд уходит в Освенцим –
Сегодня и ежедневно...

Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай...

А как наши судьбы как будто похожи –
И на гору вместе, и вместе с откоса...
Но вечно – по рельсам, по сердцу, по коже –
Колеса, колеса, колеса, колеса...

29. РЕКВИЕМ ПО НЕУБИТЫМ

Шесть миллионов убитых,
Шесть миллионов убитых,
Шесть миллионов убитых, а надо бы ровно десять!..
Любителей круглого счета должна порадовать весть,
Что жалкий этот остаток сжечь, расстрелять, повесить
Вовсе не так уж трудно – и опыт к тому же есть!

Такая над миром темень,
Такая над миром темень,
Такая над миром темень – глаз ненароком выколешь!
Каждый случайный выстрел несметной грозит бедой.
Так что же тебе нейдет, красавчик, фашистский выкормыш,
Увенчанный нашим орденом и „Золотой Звездой“?!

Должно быть, тобой заслужена,
Должно быть, тобой заслужена,
Должно быть, тобой заслужена по совести и по чести –
На праведную награду к чему набрасывать тень?!
Должно быть, с Павликом Коганом бежал ты в атаку вместе,
И рядом с тобой под Выборгом убит был Арон Копштейн...

Тоненькой стружкой дыма,
Тоненькой стружкой дыма,
Тоненькой стружкой дыма в небо уходит Ева,
Падает на аппельплаце забитый насмерть Адам...
И ты по ночам, должно быть, кричишь от тоски и гнева...
Носи же свою награду за всех, что остались там!

Голос добра и чести,
Голос добра и чести,
Голос добра и чести в разумный наш век бесплоден!
Но мы вознесем молитву до самых седьмых небес:
Валяйте детей и женщин! Не трогайте гроб Господен!
Кровь не дороже нефти, а нефть нужна позарез!

Во имя отца и сына,
Во имя отца и сына,
Во имя отца и сына мы к ночи помянем черта.
Идут по Синаю танки – и в черной крови пески...
Всего четыре миллиона осталось до круглого счета,
А это не так уж много – сущие пустяки!

30. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи!
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы зазря, не стенайте:
Не сидеть вам ни в синоде, ни в сенате!

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам лыхаим,
А таскаться на допрос с вертухаем!

Если ж будешь торговать ты елеем,
Если будешь ты полезным евреем –
Называться разрешат рос...синантом
И украсят лапсердак аксельбантом!

Но и, ставши в ремесле своем первым,
Все равно тебе не быть камергером

И не вылезть на елее в Орфеи!
Так не шейте же ливреи, евреи!

31. ПЕСОК ИЗРАИЛЯ

Видишь – на этих дюнах, под этим небом,
Наша – давным-давно – началась судьба.
С пылью дорог изгнания и с горьким хлебом,
Впрочем за это тоже: Тода раба!

Только ногой ты ступишь на дюны эти,
Болью, как будто пулей,прошьет висок,
Словно из всех песочных часов на свете
Кто-то сюда веками свозил песок!

Видишь – уже светает над краем моря,
Ветер далекий благовест к нам донес,
Волны подходят к дюнам, смывая горе,
Сколько уже намыто утрат и слез?!

Сколько утрат, пожаров и лихолетий?!
Скоро ль сумеем им подвести итог?!
Помни: из всех песочных часов на свете
Кто-то сюда веками свозил песок!

32. ВЕЧНЫЙ ТРАНЗИТ

Посошок напоследок,
Все равно, что вода.
То ли так, то ли этак,
Мы уйдем в никуда.

Закружим суховеем
Над распутицей шпал.
Оглянуться не смеем:
Оглянулся – пропал!

И все мы себя подгоняем: скорее!
Все мы путаем Ветхий и Новый завет.
А может быть, хватит мотаться, евреи?!
И так уж мотались две тысячи лет!

Мы теперь иностранцы.
Нас бессмертьем казнит
Пересадочных станций
Бесконечный транзит.

И как воинский рапорт –
Предотъездный свисток...
Кое-кто – на Восток,
Остальные – на Запад...

Под небом Австралий, Италий, Германий
Одно не забудь (и сегодня, и впредь!),
Что тысячу тысяч пустых оправданий
Бумаге – и той – надоело терпеть!

Паровозные встречи –
Наша боль про запас.
Те, кто стали далече,
Вспоминают ли нас?

Ты взгляни, как тоскует
Колесо на весу...
А кукушка кукует
В подмосковном лесу!

Ну, что ж, волоки чемодан, не вздыхая,
И плакать не смей, как солдат на посту,

И власть обнимая своего вертухая,
Под вопли сирен на Бруклинском мосту.

Вот и канули в Лету
Оскорбленья и вой.
Мы гуляем по свету,
Словно нам не впервой!

Друг на друга похожи,
Мимо нас – города...
Но Венеция дождей –
Это все-таки да!

В каналах вода зелена нестерпимо,
И ветер с лагуны пронзительно сер.
„Вы, братцы, из Рима?“ – „Из Рима, вестимо!“
„А я из-под Орши!“ – сказал гондольер.

О, душевные травмы,
Горечь горьких минут!
Мы-то думали: там вы.
Оказалось – и тут!

И живем мы, не смея
Оценить благодать:
До холмов Иудей
Как рукою подать!

А может, и впрямь мы, как те лицедеи,
Что с ролью своей навсегда не в ладах?!
И были нам ближе холмы Иудей –
На Старом Арбате, на Чистых прудах!

Мы, как мудрые совы,
Зорко смотрим во тьму,
Даже сдаться готовы –
Да не знаем кому!

С горя вывесим за борт
Перемирья платок,
Скажем: Запад есть Запад,
А Восток есть Восток!

И все мы себя подгоняем: скорее!
Все ищем такой очевидный ответ.
А может быть, хватит мотаться, евреи?!
И так уж мотались две тысячи лет!

33. ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОДЕССЕ

Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?!
О. Мандельштам

Научили пилить на скрипочке,
Что ж – пили!
Опер Сема кричит: „Спасибочки!“ –
Словно: „Пли!“

Опер Сема гуляет с дамою,
Весел, пьян.
Что мы скажем про даму данную?
Не фонтан!

Синий бантик на рыжем хвостике –
Высший шик!
Впрочем, я при Давиде Ойстрахе
Тоже – пшик.

Но под Ойстраха непростительно
Пить портвейн.
Так что в мире все относительно –
Прав Эйнштейн!

Все накручено в нашей участи –
Радость, боль.
Ля-диез – это ж тоже в сущности
Си-бемоль!

Сколько выдано-перевыдано –
Через край!
Сколько видано-перевидано –
Ад и рай!

Так давайте ж, Любовь Давыдовна,
Начинайте, Любовь Давыдовна, –
Ваше соло, Любовь Давыдовна:
Раз, цвай, драй!..

Над шалманом тоска и запахи,
Сгинь, душа!
Хорошо хоть, не как на Западе:
В полночь – ша!

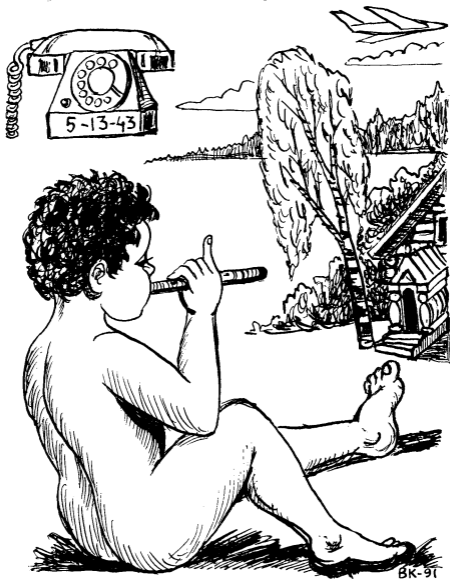
В полночь можно хватить по маленькой,
Боже ж мой!
Снять штиблеты, натянуть валенки
И – домой!

...Я иду домой. Я очень устал и хочу спать. Говорят, когда людям по ночам снится, что они летают, – это значит, что они растут. Мне много лет, но едва ли не каждую ночь мне снится, что я летаю.

Мои стрекозиные крылья
Под ветром трепещут едва.
И сосен зеленые клинья
Шумят подо мной, как трава.

А дальше – Таласса, Таласса!
Вселенной волшебная стать!
Я – мальчик из третьего класса,
Но как я умею летать!

V Я на этой земле
останусь

Смотрите – лечу, словно в сказке,
Лечу сквозь предутренный дым,
Над лодками в пестрой оснастке,
Над городом вечно седым,

Над пылью автобусных станций –
И в край приснопамятный тот,
Где снова ахейские старцы
Ладьи снаряжают в поход.

Чужое и глупое горе
Велит им на Трое грести.
А мне – за Эгейское море!
А мне еще дальше расти!

Я вырасту смелым и сильным
И мир, как подарок, приму.
И девочка с бантиком синим
Прижмется к плечу моему.

И снова в разрушенной Трое
„Елена!“ труба возвестит.
И снова...

На углу Садовой какие-то трое остановили меня. Они сбили с меня шапку, засмеялись и спросили: „Ты еще не в Израиле, старый хрен?“

„Ну что вы, что вы?! Я – дома, я – пока – дома!.. Я еще летаю во сне. Я еще расту!..“

ГЛАВА V. Я НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ ОСТАНУСЬ

34. ПЕСНЯ ИСХОДА

Галеньке и Виктору Некрасовым
„...но идущий за мною сильнее меня...“
Евангелие от Матфея

Уезжаете? Уезжайте –
За таможи и облака!
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука.

Я не плакальщик, и не стража,
И в литавры не стану бить.
Уезжаете? Воля ваша!
Значит, так по сему и быть!

И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье, как в горле ком...
Больше нету ни сил, ни смысла
Ставить ставку на этот кон!

Разыграешься только-только,
А уже из колоды прыг –
Не семерка, не туз, не тройка,
Окаянная дама пик.

И от этих усатых шатий,
От анкет и ночных тревог,
Уезжаете? Уезжайте,
Улетайте – и дай вам Бог!

Улетайте к неверной правде
От взаправдашних мерзлых зон...
Только мертвых своих оставьте –
Не тревожьте их мертвый сон!

Там – в Понарах и в Бабьем Яре,
Где поныне и следа нет,
Лишь пронзительный запах гари
Будет жить еще сотни лет!

В Казахстане и в Магадане,
Среди снега и ковыля,
Разве есть земля богоданной,
Чем безбожная та земля?!

И под мраморным обелиском
На распутице площадей,
Где, крещенных единым списком,
Превратила их смерть в людей.

А над ними шумят березы –
У деревьев свое родство!
А над ними звенят морозы
На Крещенье и Рождество.

...Я стою на пороге года,
Ваш сородич и ваш изгой,
Ваш последний певец исхода...
Но за мною придет Другой!

На глаза нахлобучив шляпу,
Дерзкой рыбой, пробившей лед,
Он пройдет, не спеша, по трапу
В отлетающий самолет.

Я стою... Велика ли странность?!
Я привычно машу рукой.
Уезжайте! А я – останусь!
Я на этой земле останусь!
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой!

35. МАЛЬЧИК С ТРОСТНИКОВОЙ ДУДОЧКОЙ

Моей матери

От беды моей пустяковой
(Хоть не прошен и не в чести),
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

Сатаня от мелких каверз,
Пересудов и глупых ссор,
О тебе я не помнил, каюсь,
И не звал тебя до сих пор.

И, как все горожане, грешен,
Не искал я твой детский след,
Не умел замечать скворешен
И не помнил, как пахнет свет.

...Свет ложился на подоконник,
Затевал на полу возню,
Он – охальник и беззаконник –
Забирался под простыню.

Разливался, пропахший светом,
Голос дудочки в тишине...
Только я позабыл об этом
Навсегда, как казалось мне.

В жизни глупой и бестолковой,
Постоянно сбиваясь с ног,
Пенье дудочки тростниковой
Я сквозь шум различить не смог.

Но однажды в дубовой ложе
Был поставлен я на правез
И увидел такие рожки –
Пострашней балаганьих рож!

Не медведи, не львы, не лисы,
Не кикимора и сова, –
Были лица – почти как лица,
И почти как слова – слова.

За квадратным столом, по кругу,
В ореоле моей вины,
Все твердили они друг другу,
Что друг другу они верны!

И тогда, как свеча в потемки,
Вдруг из давних приплыл годов
Звук пленительный и негромкий
Тростниковых твоих ладов.

И, отвесив, я думал – дерзкий,
А на деле – смешной поклон,
Я под наигрыш этот детский
Улыбнулся и вышел вон.

В жизни прежней и в жизни новой
Навсегда, до конца пути,
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

36. ГОЛГОФА

Понеслись кувырком, кувырком
Опечатки последнего тома.
Сколько лет я с тобою знаком?
Сколько дней ты со мною знакома?

Сколько медленных дней и минут –
Упустили мы время, разини!
Променяют – потом помянут:
Так не зря повелось на России!

Только чем ты помянешь меня?
Бросишь в ящика пыльную прорубь?
Вдруг опять, среди белого дня,
Семиструнный заплещется голубь,

Заворкуют неладно лады
Под нитье обесславленной квинты...
Если мы и не ждали беды,
То теперь мы воистину квиты!

Худо нам на восьмом этаже
Нашей блочно-панельной Голгофы!
Это есть. Это было уже.
Это спето – и сложено в строфы.

Это хворост для наших костров...
Снова лезут докучные гости.
И кривой кладовщик Иванов
Отпустил на распятие гвозди...

37. ОТЧИЙ ДОМ

Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом,
Золотой мой, недолгий век.
Но все то, что случится со мной потом,
Все отсюда берет разбег!

Здесь однажды очнулся я, сын земной,
И в глазах моих свет возник.
Здесь мой первый гром говорил со мной –
И я понял его язык.

Как же странно мне было, мой Отчий Дом,
Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал, усмехнувшись, что в доме том
Я не сыном был, а жильцом...

Угловым жильцом, что копит деньги
Расплатиться за хлеб и кров.
Он копит деньги, и всегда в долгу,
И не вырвется из долгов!

„А в сыновней верности в мире сем
Клялись многие, и не раз,“ –
Так сказал мне Некто с пустым лицом
И прищурил свинцовый глаз.

И добавил: „А впрочем, слукавь, солги –
Может, вымолишь тишь да гладь...”
Но уж если я должен платить долги,
Так зачем же при этом лгать?!

И пускай я гроши наскребу с трудом,
И пускай велика цена –
Кредитор мой суровый, мой Отчий Дом,
Я с тобой расплачусь сполна!

Но когда под грохот чужих подков
Грянет свет роковой зари –
Я уйду, свободный от всех долгов,
И назад меня не зови!

Не зови вызволять тебя из огня,
Не зови разделить беду!
Не зови меня! Не зови меня!
Не зови – я и так приду!

38. КОГДА Я ВЕРНУСЬ

Когда я вернусь... Ты не смейся, когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому снегу,
По еле заметному следу – к теплу и ночлегу,
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь, –
Когда я вернусь... О, когда я вернусь!..

Послушай, послушай, не смейся, когда я вернусь,
И прямо с вокзала, разделавшись круто с таможней,
И прямо с вокзала – в крошечный, ничтожный, раёшный
Ворвусь в этот город, которым казнюсь, и клянусь,
Когда я вернусь. О, когда я вернусь!..

Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,

И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моем, –
Когда я вернусь. О, когда я вернусь!..

Когда я вернусь, засвистят в феврале соловьи
Тот старый мотив – тот давнишний, забытый, запетый.
И я упаду, побежденный своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои!
Когда я вернусь. А когда я вернусь?!

39. ПЕСЕНКА-МОЛИТВА, КОТОРУЮ НАДО ПРОЧЕСТЬ ПЕРЕД САМЫМ ОТЛЕТОМ

Когда под крылом побежит земля
К взлетному рубежу,
Зажмурь глаза и представь, что я
Рядом с тобой сижу.

Пилот на табло зажег огоньки,
Искусственную зарю,
А я касаюсь твоей руки
И шепотом говорю:

– Помолимся вместе, чтоб этот путь
Стал Божьей твоей судьбой!
Помолимся тихо, чтоб где-нибудь
Нам свидеться вновь с тобой!

Я твердо верю, что будет так, –
Всей силой моей любви!
Твой каждый вздох и твой каждый шаг,
Господи, благослови!

И слухам о смерти моей не верь –
Ее не допустит Бог!
Еще ты, я знаю, откроешь дверь
Однажды – на мой звонок!

Еще очистительная гроза
Подарит нам правды свет!
Да будет так! И открой глаза:
Моя – на ладони твоей – слеза,
Но нет меня рядом, нет!

40. ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ И НЕБЕ

Ах, как трудно улетают люди!
Вот идут по трапу на ветру,
Вспоминая ангельские лютни
И тому подобную муру.

Улетают – как уходят в нети,
Исчезают угольком в золе...
До чего ж все страшно людям в небе!
До чего ж все мило на земле!

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Ну, давай посошок на дорожку налей!
Тут уж ясное дело: темни, не темни,
А на поезде ездить людям веселей!

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Не курить! Пристегните ремни!

И такой на землю не похожий
Синий мир за взлетной крутизной!..
Пахнет небо хлоркою и кожей,
А не теплой горестью земной.

И вино в пластмассовой посуде
Не сулит ни хмеля, ни чудес.
Улетают, улетают люди
В злую даль за тридевять небес.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
– Помогите, гражданин, чемоданчик поднять! –
И какие-то вдруг побежали огни,
И уже ничего невозможно понять.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Не курить! Пристегните ремни!

Люди спят, измученные смутой,
Снятся людям их земные сны
Перед тою роковой минутой –
Вечной и последней тишины.

А потом, отдав себя крушенью, –
Камнем вниз, не слушаясь руля.
И земля ломает людям шею –
Их благословенная земля!

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
– Мы взлетели уже? – Я не видел, а Вы? –
А в фкно еще виден кусочек земли
И немножко бетона, немножко травы...

Отстегните ремни! Отстегните ремни!
Навсегда отстегните ремни!

41. БЕЖЕНЦЫ

В этом мире Великого Множества
Рождество зажигает звезду.
Только мне почему-то не может.
Все мне колется что-то и ежится,
И никак я себя не найду!

И, немея от вздорного бешенства,
Я гляжу на чужое житье,
И полосками паспорта беженца
Перекрещено сердце мое!...

42. ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Когда-нибудь дошлый историк
Возьмет и напишет про нас,
И будет насмешливо-горек
Его непоспешный рассказ.

Напишет он с чувством и толком.,
Ошибки учтет наперед,
И все он расставит по полкам,
И всех по костям разберет.

И вылезет сразу в сердку
Та главная, наглая кость,
Как будто окурок в селедку
Засунет упившийся гость.

Чего уж, казалось бы, проще
Отбросить ее и забыть?
Но в горле застрявшие мощи
Забвенья вином не запить.

А далее кости поплоче
Пойдут по сравнению с той, –
Поплоше, но странно похожи
Бесстыдной своей наготой.

Обмылки, огрызки, обноски,
Ошметки чужого огня:
А в сноске (вот именно – в сноске!)
Помянет историк меня.

Так, значит, за эту вот строчку,
За жалкую каплю чернил
Воздвиг я себе одиночку
И крест свой на плечи взвалил.

Так, значит, за строчку вот эту,
Что бросит мне время на чай,
Веселому щедрому свету
Сказал я однажды: „Прощай!”

И милых до срока состарил,
И с песней шагнул за предел,
И любящих плакать заставил,
И слышать их плач не хотел.

Но будут мои подголоски
Звенеть и до Судного дня...
И даже не важно, что в сноске
Историк не вспомнит меня!

43. НОМЕРА

Вьюга листья на крыльцо намела,
Глупый ворон прилетел под окно
И выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

Словно сдвинулись во мгле полюса,
Словно сшиблись над огнем топоры –
Оживают в тишине голоса
Телефонов довоенной поры.

И внезапно обретая черты,
Шепелявит озорной шепоток:
„Пять – тринадцать – сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!”

Пляшут галочки следы на снегу,
Ветер ставнею стучит на бегу...
Ровно в восемь я прийти не могу!
Да и в девять я прийти не могу!

Ты напрасно в телефон не дыши,
На заброшенном катке – ни души,
И давно уже свои „бегаша”
Я старьевщику сдал за гроши.

И совсем я говорю не с тобой,
А с надменной телефонной судьбой.
Я приказываю: „Дайте отбой!”
Умоляю: „Поскорее отбой!”

Но печально из ночной темноты –
Как надежда, и упрек, и итог:
„Пять – тринадцать – сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!”

44. ЗАКЛИНАНИЕ ДОБРА И ЗЛА

Здесь в окне по утрам просыпается свет,
Здесь мне все, как слепому, на ощупь знакомо...
Уезжаю из дома! Уезжаю из дома!
Уезжаю из дома, которого нет...

Это дом и не дом. Это дым без огня.
Это пыльный мираж или Фата-Моргана.
Здесь Лобро в сапогах рукояткой нагана
В дверь стучало мою, надзирая меня.

А со мной кочевало беспечное Зло,
Отражало вторженья любые попытки,
И кофейник с кастрюлькой на газовой плитке
Не дурили и знали свое ремесло.

Все смешалось: Добро, Равнодушие, Зло.
Пел сверчок деревенский в московской квартирѣ.
Целый год благодати в безрадостном мире –
Кто из смертных не скажет, что мне повезло?!

И пою, что хочу, и кричу, что хочу,
И хожу в благодати, как нищий в обновке.
Пусть движенья мои в этом платье неловки –
Я себе его сам выбирал по плечу!

Но Добро, как известно, на то и Добро,
Чтоб уметь притвориться – и добрым, и смелым,
И назначить, при случае, черное – белым,
И веселую ртуть превращать в серебро.

Все причастно Добру. Все подвластно Добру.
Только с этим Добрынею взятки не гладки!
И готов я бежать от него без оглядки
И забиться, зарыться в любую нору!..

Первым сдался кофейник: его разнесло,
Заливая конфорки и воздух поганя...
И Добро прокричало, гремя сапогами,
Что во всем виновато беспечное Зло!

Представитель Добра к нам пришел поутру,
В милицейской, почудилось мне, плащ-палатке...
От такого, попробуй – сбегу без оглядки,
От такого, поди-ка – заройся в нору!

И сказал Представитель, почтительно-строг,
Что дела выездные решают в ОВИРе,
Но что Зло не прописано в нашей квартире,
И что сутки на сборы – достаточный срок!

Что ж, прощай, мое Зло! Мое доброе Зло!

VI Я ж за правду хлопочу,
не за цацки

Ярым воском закапаны строчки в псалтыри.
Целый год благодати в безрадостном мире –
Кто из смертных не скажет, что мне повезло!

Что ж, прощай – и прости! Набухает зерно.
Корабельщики ладят смоленые доски.
И страницы псалтыри – в слезах, а не в воске,
И прощальное в кружках гуляет вино!

Я растил эту ниву две тысячи лет –
Не пора ль поспешить к своему урожаю?!
Не грусти! Я всего лишь навек уезжаю
От Добра и из дома – которого нет!

ГЛАВА VI.

Я Ж ЗА ПРАВДУ ХЛОПОЧУ, НЕ ЗА ЦАЦКИ

(История из жизни Клим Петровича Коломийцева,
мастера цеха, Героя Социалистического Труда,
кавалера многих орденов,
депутата горсовета)

45. ВЫСТУПЛЕНИЕ КЛИМА КОЛОМИЙЦЕВА В ЗАЩИТУ МИРА

У жене моей спросите, у Даши,
У сестре ее спросите, у Клавки, –
Ну, ни капельки я не был поддавши,
Разве только что – маленько, с поправки!

Я культурно проводил воскресенье,
Я помылся и попарился в баньке,
А к обеду, как сошлась моя семья,
Начались у нас подначки да байки!

Толко принял я грамм сто, для почина
(Ну, не более, чем сто – чтоб я помер!),
Вижу – к дому подъезжает машина,
И гляжу – на ней обкомовский номер.

Ну, я на крылечко – мол, что за гость?
Кого привезли – не чеха ль?!
А там – порученец, чернильный гвоздь,
„Сидай, – говорит; – поехали!”

Ну, ежели зовут меня,
То – майна-вира!
В ДК идет заутрениа
В защиту мира.
И Первый там, и прочие – из области...

Ну сажусь я к порученцу на ноги,
Он – листок мне, я и тут не перечу.
„Ознакомься, – говорит, – по дороге
Со своею выдающейся речью!”

Ладно, мыслю, набивай себе цену!
Я ж в зачтениях мастак, слава Богу!
Приезжаем, прохожу я на сцену
И сажусь со всей культурностью сбоку.

Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Мол, скажи свое рабочее слово!
Выхожу я, и не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:

„Израильская, – говорю, – военщина
Известна всему свету!
Как мать, – говорю, – и как женщина
Требую их к ответу!

Который год я вдовая,
Все счастье – мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!..”

Тут отвисла у меня, прямо, челюсть –
Ведь бывают же такие промашки:
Этот сучий сын, пижон-порученец,
Перепутал в суматохе бумажки!

И не знаю – продолжать или кончить?
В зале, вроде, ни смешочков, ни вою...
Первый тоже, вижу, рожи не корчит,
А кивает мне своей головою.

Ну, и дал я тут галопом по фразам
(Слава Богу, завсегда всё и то же!),
А как кончил – все захлопали разом,
Первый тоже – лично сдвинул ладоши.

Опосля зазвал в свою вотчину
И сказал при всем окружении:
„Хорошо, бля, ты им дал – по-рабочему!
Очень верно осветил положение!..”

46. ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ВОССТАЛ ПРОТИВ ПОМОЩИ СЛАБОРАЗВИТЫМ СТРАНАМ

Прямо, думал я одно: быть бы живу!
Прямо, думал: до нутря просолюся!
А мотались мы тогда по Алжиру
С делегацией ЦК профсоюза.

Речи-встречи, то да се, кроем НАТО...
Но вконец оголодал я, катаясь –
Мне ж лягушек ихних на дух не надо!
Я ж им, сукиным детям, не китаец!

Тут и Мао, сам-рассам, окосел бы!
Быть бы живу, говорю, не до жира!
И одно мое спасенье – консервы,
Что мне Дарья в чемодан положила.

Но случилось, что она с переляку
Положила мне одну лишь салаку.

Я в отеле их засратом – в „Паласе” –
Запираюсь, как вернемся, в палате,
Помолюсь, как говорится, Аллаху
И рубаю в маринаде салаку.

А наутро я от жажды мычу,
И хоть воду мне давай, хоть мочу!

Ну, извелся я! И как-то под вечер
Не стерпел и очутился в продмаге...
Я ж не лысый, мать их так! Я ж не вечен!
Я ж могу и помереть с той салаки!

Вот стою я, прямо злой, как Малюта,
То мне зябко в пинжаке, то мне жарко.
Хоть дерьмовая, а все же – валюта!..
Все же тратить исключительно жалко!

И беру я чтой-то вроде закуски –
Захудаленькую баночку с краю,
Но написано на ей не по-русски,
А по-ихнему я плохо читаю.

Подхожу я тут к одной синьорите:
– Извините, мол, комбьен, битте-дритте!
Подскажите, мол, не с мясом ли банка?
А она в ответ кивает, засранка!

И пошел я, как в беспамятстве, к кассе,
И очнулся лишь в палате в „Паласе” –
Вот на койке я сижу нагишом
И орудую консервным ножом!

И до самого рассветного часа
Матерился я в ту ночь, как собака:
Оказалось в этой банке не мясо,
Оказалась в этой банке салака!

И не где-нибудь в Бразилии „маде”,
А написано ж внизу, на наклейке,
Что, мол, „маде” в СССР, в маринаде,
В Ленинграде – рупь четыре копейки!

Нет уж, братцы, надо ездить поближе,
Не на край, расперемать его, света!
Мы ж им, гадам, помогаем, и мы же
Пропадаем, как клопы, через это!

Я-то думал: как-никак, заграница!..
Думал: память, как-никак, сохранится!..
Оказалось, что они, голодранцы,
Понимают так, что мы – иностранцы!

И вся жизнь их заграничная – лажа!
Даже хуже, извините, чем наша!

**47. ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ДОБИВАЛСЯ,
ЧТОБЫ ЕГО ЦЕХУ ПРИСВОИЛИ ЗВАНИЕ
„ЦЕХА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА”**

Все смеются на бюро: „Ты ж – как витязь:
И жилплощадь, и получка – по-царски!”
Ну, а я им: „Извините-подвиньтесь!
Я ж за правду хлопочу, не за цацки!

Как хотите – на доске ль, на бумаге ль,
Цельным цехом отмечайте, не лично!
Мы ж работаем на весь наш Соцлагерь,
Мы ж продукцию даем на „отлично”!”

„И совсем мне, говорю, не до смеху!
Это чье же, говорю, указанье,
Чтоб такому выдающему цеху
Не присваивать почетного званья?”

А мне говорят, все друзья говорят –
И Фрол, и Пахомов с Тонькою:
„Ну, никак, – говорят, – нельзя, – говорят, –
Уж больно тут дело тонкое!”

А я говорю, матком говорю:
„Пойду, – говорю, – в обком, – говорю.”

А в обкоме мне все то же: „Не суйся!
Не долдонь, как пономарь поминанье!
Ты ж партийный человек, а не зюзя –
Должен все ж таки иметь пониманье!

Мало, что ли, пресса ихняя треплет
Все, что делается в нашеском доме?!
Скажешь – дремлет Пентагон? Нет, не дремлет!
Он не дремлет, мать его, он на стреме!”

Как завелся я тут с гол-оборота:
„Так и будем сачковать, так и будем!
Мы же в счет восьмидесятого года
Выдаем свою продукцию людям!”

А мне говорят: „Ты чего, – говорят, –
Орешь, как пастух на выпасе?
Давай, – говорят, – молчи, говорят, –
Сиди, – говорят, и не рыпайся!”

А я говорю, в тоске говорю:
„Продолжим наш спор в Москве!” – говорю.

Проживаюсь я в Москве, как собака,
Отсылает референт к референту.
„Ты и прав, – мне говорят, – но однако
Не подходит это дело к моменту!

Ну, а вздумается вашему цеху,
Скажем, встать на юбилейную вахту –
Представляешь сам, какую оценку
Би-Би-Си дадут подобному факту!”

Ну, потом про ордена, про жилплощадь,
А прощаясь, говорят на прощанье:
„Было б в мире положенье попроще –
Мы б охотно вам присвоили званьё!”

„А так, – говорят, – ну, ты прав, – говорят, –
И продукция ваша лучшая,
Но все ж, – говорят, – не драп, – говорят, –
А проволока колючая!”

„Ну, что ж, – говорю, – отбой!” – говорю.
„Лойду, – говорю, – в запой!” – говорю.
Взял и запил!

48. ПЛАЧ ДАРЬИ КОЛОМИЙЦЕВОЙ ПО ПОВОДУ ЗАПОЯ ЕЕ СУПРУГА – КЛИМА ПЕТРОВИЧА

...Ой, доля моя жалкая,

Родиться бы слепой!
Такая лета жаркая –
А он пошел в запой.

Вернусь я из магазина,
А он уже, блажной,
Поет про Стеньку Разина
С персидскою княжной.

А жар – ну, прямо, доменный,
Ну, прямо, градом пот.
А он, дурак недоенный,
Сидит и водку пьет!..

Ну, думаю я, думаю,
Болит от мыслей грудь:
– Не будь ты, Дарья, дурую –
Придумай что-нибудь!

То охаю, то ахаю –
Спокоя нет как нет!
И вот – пошла я к знахарю,
И знахарь дал совет.

И в день воскресный, в утречко,
Я тот совет творю:
Вплываю, словно уточка,
И Климу говорю:

– Вставай, любезный-суженый,
Уважь свой родный дом!
Вставай-давай, поужинай,
Поправься перед сном!

А что ему до времени?!
Ему б нутро мочить!
Он белый свет от темени
Не может отличить!

А я его, как милочка,
Под ручки – под уздцы,
А на столе: бутылочка,
Грибочки, огурцы.

Ой, яблочки моченые,
С обкомовской икрой,
Станканчики граненые
С хрустальною игрой,

VII

Вот стою я перед вами,
словно голенький

И ножички, и вилочки –
Гуляйте, караси!
Но только в той бутылочке
Не водка – ка-ра-син!

Ну, вынула я пробочку –
Поправься, атаман!
Себе – для вида – стопочку,
Ему – большой стакан.

– Давай, поправься, солнышко!
Давай, залей костер!..
Он выпил все – до донышка,
И только нос утер.

Грибочек пальцем выловил,
Завел туманно взгляд,
Сжевал грибок и вымолвил:
„Нет, не люблю маслят!“

ГЛАВА VII. ВОТ СТОЮ Я ПЕРЕД ВАМИ, СЛОВНО ГОЛЕНЬКИЙ

49. КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ой, не мучь меня, народ! Ой, не спрашивай!
Вот стою я перед вами, словно голенький.
Я с Нинулькой гулял, с тети Пашиной,
И в „Пекин“ ее водил и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый,
И в палату с ней ходил в Грановитую
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границею.

А вернулась – ей привет: анонимочка,
Фотоснимок, а на нем – я да Ниночка,
Просыпаюсь утром – нет моей кисочки,
И ни вещичек ее нет, ни записочки.

Нет как нет,
Ну, прямо – нет как нет.

Я к ней в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что все во мне переломано,
Не сердчай, что я гулял с этой падлюю,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!

А она как закричит (вся стала черная):
– Я на слезы на твои – ноль внимания,
И ты мне Лазаря не пой, я ученая –
Ты людям все Расскажи на собрании!

И кричит она, дрожит, голос слабенький,
А холуи уж тут как тут: каплют капельки.
И Тамарка Шестопал, и Ванька Дерганов,
И еще тот референт, что из органов.

Тут как тут,
Ну, прямо – тут как тут!

В общем, ладно, прихожу на собрание,
А дело было – как сейчас помню – первого.
Я, конечно, бюллетень взял заранее
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу, в новом шарфике,
А как увидела меня – вся стала красная.
У них первый был вопрос – „Свободу Африке!”,
А потом уж про меня в части „Разное”.

Ну, как про Гану – все в буфет за сардельками,
Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами.
А как вызвали меня, я сник от робости,
А из зала мне: – Давай все подробности!

Все как есть,
Ну, прямо – все как есть!

Ой, не мучь меня, народ! Ой, не спрашивай!
Вот стою я перед вами, словно голенький.
Да, я с племянницей гулял, с тети Пашиной,
И в „Пекин” ее водил и в Сокольники.

И в моральном, говорю, моем облике
Есть растленное влияние Запада,
Но живем ведь, говорю, не на облаке,
Это ж только, говорю, соль – без запаха!

И на жалость я их брал да испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал.
Ну, поздравили меня с воскресением:
Залепили строгача с занесением.

Ой-ёй-ёй,
Ну, прямо – ой-ёй-ёй!

Взял я тут цветов букет покрасивее,
Стал к подъезду номер семь – для начальников.
А Парамонова, как вышла, стала синяя,
Села в „Волгу” без меня и отчалила.

И тогда прямым путем в раздевалку я,
И тете Паше говорю: мол, буду вечером.
А она мне говорит: – С аморалкою
Нам, товарищ дорогой, делать нечего!

И племянница моя, Нина Саввовна,
Она думает как раз то же самое,
Она всю свою морковь нынче продала
И домой по месту жительства отбыла.

Вот те на,
Ну, прямо – вот те на!

Я иду тогда в райком, шлю записочку,
Мол, прошу принять, по личному делу я,
А у Грошевой как раз моя кисочка,
Как увидела меня – вся стала белая.

И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева:
– Схлопотал он строгача – ну и ладушки,
Помиритесь вы теперь по-хорошему!

И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в „Пекин” рука об руку,
Она выпила „Дюрос”, а я „Перцовую”
За советскую семью образцовую!

Вот и все!..

50. ПРО МАЛЯРОВ, ИСТОПНИКА И ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Чувствуем с напарником – ну и ну:
Ноги прямо ватные, всё в дыму.
Чувствуем: нуждаемся в отдыхе,
Чтой-то нехоршее в воздухе.

Взяли „Жигулевского” и „Дубняка”,
Третьим пригласили истопника,
Приняли, добавили еще раза,
Тут нам истопник и открыл глаза

На ужасную историю
Про Москву и про Париж,
Как наши физики проспорили
Ихним физикам пари,
Ихним физикам пари.

Всё теперь на шарике вкось и вскожь,
Шиворот-навыворот, набекрень:
И что мы с вами думаем день – ночь,
А что мы с вами думаем ночь – день.

И рубают финики лопари,
А в Сахаре снегу невпроворот.
Это гады-физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

И там, где полюс был – там тропики,
А где Нью-Йорк – Нахичевань,
А что мы люди, а не бобики,
Им на это начихать!
Им на это начихать!

Рассказал нам все это истопник,
Вижу: мой напарник – ну, прямо сник.
„Раз такое дело – гори огнем!
Больше мы малярничать не пойдём!”

Взяли в полуклинике бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что ж тут за работа, если ночью – день,
А потом обратно – не день, а ночь!

И при всей квалификации
Тут возможен перекос,
Это все же радиация,
А не просто купорос,
А не просто купорос!

Пятую неделю я хожу больной,
Пятую неделю я не сплю с женой.
Тоже и напарник мой плачется,
Дескать, он отравленный начисто.

И лечусь „Столичною” лично я,
Чтобы мне с ума не стронуться:
Истопник сказал – „Столичная”
Очень хороша от стронция.

И я верю, а то не верится,
Что минует та беда.
А шарик вертится и вертится
И все время не туда!
И все время не туда!

51. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, КАК ПИТЬ НА ТРОИХ

Не квасом земля полита:
В каких ни пытай краях,
Пол-литра – всегда пол-литра,
И стоит везде трояк!

Поменьше ли, чуть побольше –
Копейки, какой рожон?!
А вот разделить по-Божьи –

Тут очень расчет нужен!

Один размечает тонко,
Другой на глазок берет.
И ежели кто без толка,
Всегда норовит вперед.

Оплаченный процент отпит,
И – Вася! Гуляй, беда!
Но тот, кто имеет опыт,
Тот крайним стоит всегда.

Он, зная свою отметку,
Не пялит зазря лицо
И выпьет он под конфетку,
А чаще – „под сукнецо”.

Но выпьет зато со вкусом,
Издаст подходящий стон
И даже покажет знаком,
Что выпил со вкусом он.

И первому по затылку
Отвесит, шутя, пинка,
А после он сдаст бутылку
И примет еще пивка.

И где-нибудь среди досок,
Блаженный, приляжет он –
Поскольку культурный досуг
Включает здоровый сон!

Он спит, а над ним планеты –
Немеркнувший звездный тир.
Он спит, а его полпреды
Варганят войну и мир.

По всем уголкам планеты,
По миру, что сном объят,
Развозят его газеты,
Где славу ему трубят.

И громкую славу эту
Признали со всех сторон.
Он всех призовет к ответу,
Как только проспится он.

Куется ему награда,
Готовит харчи Нарпит...
Не трожьте его, не надо!
Пускай человек поспит!

52. АВТОМАТНОЕ СТОЛЕТИЕ

В понедельник – дело было к вечеру –
Голова болела прямо адово,
Заявляюсь я в гараж к диспетчеру,
Говорю, что мне уехать надобно.

Говорю: „Ты мне путевку выпиши,
Да куда подале да посеверней!
И ты меня не нюхай – я не выпивши!
Это я с тоски такой рассеянный.

Я гулял на свадьбе в воскресенье,
Тыкал вилкой в виñегрет, закусывал,
Только я не пил за счастье Ксеньино
И вообще не пил, а так – присутствовал.

А я – ни шкалика и ни полшкалика,
Все сидел, жевал горбушку черного,
Все глядел на Ксенькина очкарика –
Как он строил из себя ученого.

А может, я и сам – из семинарии,
Может, шоферюгой я по случаю!..
Вижу – гости тоже закемарили,
Да и Ксенька стала туча-тучею.

Ну, а он поет, как хор на всенощной –
Все про иксы, игреки да синусы...
А костюмчик – и взглянуть-то не на что:
Индпошив, фасончик – „накось выкуси!“

И живет-то он не в Дубне атомной,
А в НИИ каком-то под Каширою,
Врет, что он там шеф над автоматной
Электронно-счетною машиною.

Дескать, говорит он ей: „А ну, помножь-ка мне
Двадцать пять на девять с одной сотую!”
А потом сидит, болтает ножками –
Сам сачкует, а она работает.

А она работает безропотно,
Огоньки на пульте обтекаемом...
Ну, а нам-то, нам-то среди роботов –
Нам что делать, людям неприкаянным?

Стыл я, стыл и стал, как замороженный,
Вдруг меня как будто что-то подняло –
Встал, сказал: „За счастье новорожденной!”
Может, кто не понял. Ксенька поняла.

И ушел я – не было двенадцати,
Хлопнул дверь: празднуйте, соколики!
И в какой-то, вроде бы, прострации
Я добрел до станции „Сокольники”.

В автомат пятак засунул молча я,
Будто бы в копилку на часовенку,
Ну, а он залязгал, сука волчая,
И порвал штаны мне снизу доверху.

Дальше я не помню – дальше кончики:
Плакал я и бил его ботинками,
Шухера звенели в колокольчики,
Граждане смеялись над картинками.

Так давай, папаша, будь союзником!
До суда поездим дни последние...
Ох, как мне обрыдла эта музыка,
Это автоматное столетие!”

53. КОМПОЗИЦИЯ № 27

(абстракция)

Посвящается Е. С. Вентцель

...Он не то чтобы достиг – он подлез,
Он им в ГУМе – пылесос и палас.
А она ему: „Подлец ты, подлец!”
И как раз у них – годичный баланс.

А на дворе
Все дождь, все снег,
То дождь, то снег,
То плач, то смех,
И чей забой –
Того казна.
А кто – в любовь,
А кто – в „козла” ...

„Пользуйтесь услугами Аэрофлота –
Экономьте время!” – и тра-ля-ля!

В общежитии – замок на двери,
В нос шибает то пивком, то потком.
„Отвори, – она кричит, – отвори!”
Тут его и – цап-царап на партком.

А на дворе
Все дождь, все снег –
Сперва чуть-чуть,
А после сверх.
А кто – во Львов,
А кто – в Казань,
а кто – в любовь,
А кто – в „козла” ...

„Покупайте к завтраку рыбные палочки –
Вкусно и питательно!” – и тра-ля-ля!

В аккурат уже не первый сигнал,
А он ей в чай и намешал нембутал.
А им к празднику давали сига –
По-советски, а не как-нибудь так!..

А на дворе
Все дождь, все снег,
Все тот же снег,
Все тот же смех.
И не беда,
Что тот же снег,
А вот беда –
Все тот же век!..

„Граждане, подписку на газеты и журналы
Оформляйте вовремя!” – и тра-ля-ля!..

**54. Я ПРИНИМАЮ УЧАСТИЕ В НАУЧНОМ СПОРЕ
МЕЖДУ ПРОФЕССОРОМ, ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК БОРИСОМ АРОНОВИЧЕМ БЯЛИКОМ
И АКАДЕМИКОМ СЕРГЕЕМ ЛЬВОВИЧЕМ СОБОЛЕВЫМ
ПО ВОПРОСУ О ТОМ, МОЖЕТ ЛИ МАШИНА МЫСЛИТЬ**

Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат,
Я вполне в научном мире личность лишняя.

Но вот наблюдение из жизни:

Газированной водою торговал автомат –
За копейку без сиропа, за три с вишнею.

И с такой торговал вольностью,
Что за час его весь выпили.
Стаканы наливал полностью,
А людям – никакой прибыли!

А людям – никакой выгоды,
Ни на зуб с дуплом компенсации!
Стали люди искать выходы
Из безвыходной ситуации.

Стали думать тут ребята: кто в беде виноват?
Где в конструкции ошибка? Где неправильность?
Разобрали тут ребята весь как есть автомат,
Разобрали, устранили тут несправедность.

А теперь крути, а то выпорем!
Станешь, сука, тогда умною:
Приспособим тебя к выборам –
Будешь в елках стоять урною!

Ты кончай, автомат, школьничать!
Ты кончай, автомат, умничать!
Мы отучим тебя вольничать!
Мы отучим тебя жульничать!

Он повкалывал недельку – с ним опять беда:
Весь затрясся он, как заяц под стужею.
Не поймешь, чего он каплет: ни сироп, ни вода!
Может, смазка, может, краска, может – хуже!..

И стоит, на всех шавкой злобится,
То он плачет, то он матюкается...
Это люди – те приспособятся,
А машина – та засекается!

Так и стал автомат шизиком,
Всех пугает своим видиком.
Ничего не понять физикам,
Ничего не понять лирикам!

Так давайте ж – друг у друга не воруйте идей,
Не валите друг на друга свои горести!

И вот чего я вам скажу:
Может, станут автоматы не глупее людей,
Только это будет не вскорости!

**55. БАЛЛАДА О ТОМ, КАК ЕДВА НЕ СОМЕЛ С УМА
ДИРЕКТОР АНТИКВАРНОГО МАГАЗИНА № 22
КОПЫЛОВ Н. А., РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ
ДОКТОРУ БЕЛЕНЬКОМУ Я. И.**

Допекла меня все же Тонечка:
Гарнитур купил ей ореховый.
Я ж не брал сперва ни вот столечко,
А уж как начал – так поехал!..

Как пошла молоть прорва адова –
Где по сотенке, где по камушку!
Намолола мне дачку в Кратово,
Намолола мне „Волгу”-матушку...

Деньги-денежки, деньги-катыши –
Вы и слуги нам, и начальники!
А у нас товар деликатнейший,
Не какие-то чашки-чайники!

Чашки-чайники, фрукты-овощи –
Там кто хошь возьмет, хошь без помощи!

А у нас товар – на любителей:
Павлы разные да Людовики...
А любителю – чем побитее,
Самый смак ему, что не новенький!

И ни-ни, чтоб по недомыслию
Спутать Францию или Швецию!
А недавно к нам на комиссию
Принесло одну старушенцию.

И в руках у ей – не хрусталина,
Не фарфоровые бомбончики,
А пластиночки с речью Сталина –
Ровно десять штук, и все в альбомчике.

А я стреляный, а я с опытом,
А я враз понял: пропал пропадом!

Тем речам цена – цельных тридцать „рз”,
И принес же черт сучку-пташечку!
Ну, какой мне смысл на такой муре
Наблюдать посла небо в шашечку?!

Вот и вдумайтесь в данный факт, друзья:
На добре ж сижу, не на ветоши!
Мне и взять нельзя, и не взять нельзя –
То ли гений он, а то ли нет еще?!

Тут и в прессе есть расхождение,
И вообще идут толки разные!..
Вот и вдумайтесь в положение
Исключительно безобразное!

Они спорят там, они ссорятся,
Ну, а я – решай! А мне – бессонница!..

Я – матком в душе, а сам – с улыбочкой,
Выбираю слова приличные:
За альбомчик, мол, Вам спасибочко!
Мол, беру его за наличные!

И даю я ей свои кровные,
Продавцы вокруг удивляются –
Они, может быть, деньги скромные,
Но ведь тоже зря не валяются!

И кручусь весь день, как на вертеле.
Ой, туманится небо светлое!
И хоть верьте мне, хоть не верьте мне –
А началось тут несусветное!

А я же стреляный, я же с опытом,
Я же враз понял: пропал пропадом!

Или бабку ту сам засек народ,
Или стукнулась со знакомыми,
Но с утра ко мне в три хвоста черед –
Все с пластинками, все с альбомами...

И растет, растет гора целая,
И наличность вся в угасании.

Указание б чье-то ценное –
Так ведь нет его, указания!

В пух и прах пошла дачка в Кратове,
„Волга“-матушка, мое детище...
И гвоздит мне мозг многократное:
То ли гений он, а то ли нет еще?!

„...Я маленькая девочка, танцую и пою,
Я Сталина не видела, но я его люблю!..”

А я же стреляный, я же с опытом,
Я же враз понял: пропал пропадом!
Пропал пропадом!

(Но доктор Бельский Я. И. не признал Копылова Н. А. душевнобольным и не дал ему направления в психиатрическую клинику)

56. БАЛЛАДА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Призрак бродит по Европе –
призрак коммунизма...

Из „Коммунистического манифеста“

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал,
Запятым – по пятам, а не дуриком
Изучал „Капитал” с „Анти-Дюрингом”.

Не стесняясь мужским своим признаком,
Наряжался на праздники призраком,
И повсюду – где устно, где письменно –
Утверждал я, что все это – истина.

От сих до сих, от сих до сих, от сих до сих,
И пусть я псих. А кто не псих? А вы не псих?

Но недавно случилась история:
Я купил радиолу „Эстония”,
И в свободный часок на полчаса
Я прилег позабавиться классикой.

Ну, гремела та самая опера,
Ну, Кармен своєю бросила опера,
А когда открычал Эскамилиё,
Вдруг свое я услышал фамилиё.

Ну, черт-те что, ну, черт-те что, ну, черт-те что,
Кому смешно – мне не смешно! А вам смешно?

Гражданин, мол, такой-то, и далее:
Померла у вас тетя в Фингалии,
И по делу той тети Калерии
Ожидают вас в инюрколлегии.

Ох, и вскинулся я прямо на дыбы –
Ох, не надо бы вслух, ох, не надо бы!
Больно тема какая-то склизкая –
Не марксистская, ох, не марксистская!

Ну, прямо срам, ну, прямо срам, ну, стыд и срам!
А я-то сам – почти что зам. А вы не зам?

Ну, промаялся ночь, как в холере, я –
Подвела меня курва Калерия!

Ну, жена тоже плачет, печалится:
Культ, не культ – а чего не случается!..

Ну, белишко в портфель, щетка, мыльница:
Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться.
Ну, являюсь, дрожу – аж по потрохи,
А они меня чуть что не под руки.

И смех и шум, и смех и шум, и смех и шум!
А я стою – и ни бум-бум. А вы – бум-бум?

Первым делом у нас совещание,
Зачитали мне вслух завещание:
Мол, такая-то – имя и отчество,
Всё по правилам, всё честью по чести –

Завещаю, мол, землю и фабрику
Не супругу, засранцу и бабнику,
А родной мой племянник Володечка
Пусть владеет всем тем на здоровьичко!

Вот это да, вот это да, вот это да!
Выходит так, что мне – туда! А вам куда?

Ну, являюсь на службу я в пятницу,
Посылаю начальство я в задницу:
Мол, привет, – по добру, по спокойненьку –
Ваши сто – мне как насморк покойнику!

Пью субботу я, пью воскресенье,
Час посплю – и опять в окосение.
Пью за Родину и за неродину,
И за вечную память за тетину.

Ну, пью и пью, а после счет, а после счет.
А мне б не счет, а мне б еще! И вам еще!

В общем, я за усопшую тетеньку
Пропил с книжки последнюю сотенку,
А как встал, так друзья мои, бражники,
Прямо все, как один, за бумажники:

– Дорогой ты наш, бархатный, саржевый!
Ты не брезговай, Вова, одалживай!
Мол, сочтемся когда-нибудь дружбою!
Мол, пришлешь нам, –? – удет ненужное!

Ну, если так, то гран мерси, то гран мерси!
А я за это вам джерси, и вам джерси!

Наодалживал, в общем, до тыщи я –
Я ж отдам, слава богу, не нищий я!
А уж с тыщи-то рад расстараться я –
И пошла ходуном ресторация.

С контрабаса на галстук – басовую,
Не „Столичную” пьем, а „Особую”,
И какие-то две с перманентиком
Все назвать норовят меня Эдиком.

Гуляем день, гуляем ночь, и снова ночь,
А я не прочь, и все не прочь, и вы не прочь!

С воскресения и до воскресения
Шло у нас вот такое веселие,
А прочухался чуть к понедельнику –
Сел глядеть передачи по телеку.

Сообщает мне дикторша новости
Про успехи в космической области.

А потом:

„Передаем сообщение из-за границы. Революция в Фингалии! Первый декрет народной власти – о полной национализации фабрик, заводов и всех прочих промышленных предприятий. Народы Советского Союза приветствуют и поздравляют братский народ Фингалии со славной победой!”

Я гляжу на экран, как на рвотное:
То есть как это так – все народное?!
Это ж наше, кричу, с тетей Калею!
Я ж за этим собрался в Фингалию!

Негодяи, кричу, лобограсы вы!
Это всё, я кричу, штучки марксовы!
Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости!..

А я ж ее – от сих до сих, от сих до сих!..
И вот теперь я полный псих. А кто не псих?!

**57. ОТРЫВОК ИЗ РЕПОРТАЖА
О МЕЖДУНАРОДНОМ ТОВАРИЩЕСКОМ МАТЧЕ
ПО ФУТБОЛУ МЕЖДУ СБОРНОЙ КОМАНДОЙ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СБОРНОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

...Итак, судья Бидо, который превосходно, просто превосходно проводит сегодняшнюю встречу, сделал внушение английскому игроку, и матч продолжается. И снова, дорогие товарищи телезрители, дорогие наши болельщики, вы видите на ваших экранах, как вступают в единоборство центральный нападающий английской сборной, профессионал из клуба „Стар” Бобби Лейтон и наш замечательный мастер кожаного мяча, аспирант Московского педагогического института Владимир, Володя Лямин – капитан и любимец нашей сборной. В этом единоборстве соперники соревнуются не только в технике владения мячом, но в умении, так сказать, предугадать и предупредить самые тончайшие стратегические и тактические замыслы соперника...

Он мне все по яйцам целится –
Этот Бобби, сука рыжая!
Он у них за то и ценится –
Мистер-швистер, ставка высшая!

Я ему по-русски, рыжему:
„Как ни целься – выше, ниже ли, –
Ты ударишь, я, бля, выживу!
Я ударю – ты, бля, выживи!

Ты, бля, думаешь – напал на дикаря?!
А я сделаю культурно, втихаря:
Я, бля, врежу, как в парадной кирпичом!..
Этот с дудкой не заметит нипочем!”

В общем, все сказал по-тихому, не ревел.
Он ответил мне по-ихому: „Верн велл!”

...Судья Бидо фиксирует положение „вне игры“. Великолепно проводит сегодняшнюю встречу этот арбитр из Франции, просто великолепно! Итак, свободный удар от наших ворот. Мяч рикошетом снова попадает в ноги к Бобби Лейтону, который в окружении остальных игроков по центру продвигается к нашей штрафной площадке. И снова перед ним вырастает Владимир Лямин. Во-ло-деч-ка!.. Его не обманул финт англичанина, и он прергает ему дорогу к нашим воротам...

Ты давай из кучи выгвяни!
Я припас гостинчик умнику!
Финты-шминты с фигли-миглями –
Это, рыжий, все на публику!

Не держи меня за мальчика!
Мы еще поспорим в опыте!
Что ж я, бля, не видел мячика?!
Буду бегать где ни попадаю?!

Я стою, а он как раз наоборот:
Он, бля, вижу – режет угол у ворот!..
Натурально, я на помощь вратарю,
Рыжий – с ног, а я с улыбкой говорю:

„Думал вдарить, бля, по-близкому?
В дамки шел?“
Он с земли мне по-английскому:
„Данке шён!“

...Странно, странно!.. Просто непонятное решение! Судья Бидо почему-то принимает обыкновенный силовой прием за нарушение правил и назначает одиннадцатиметровый штрафной удар в наши ворота. Это неприятно и несправедливо! А-а!.. Вот здесь мне подсказывают: оказывается, этот судья Бидо прекрасно известен нашим журналистам как один из самых продажных политиканов от спорта, который в годы оккупации Франции сотрудничал с гитлеровской разведкой! Ну-с, итак, мяч установлен на одиннадцатиметровой отметке. Кто же будет бить? А-а, все тот же самый Бобби Лейтон – он просто симулировал травму!.. Вот он разбегается, удар!.. Да-а, досадный и несправедливый гол, несправедливый и досадный! Кстати, единственный гол за всю встречу, единственный гол за полминуты до окончания матча, единственный, несправедливый и досадный гол в наши ворота...

Да, игрушку мы просерили,
Протютюкали, прозяпали!
Хорошо б оно на севере,
А ведь это ж, бля, на Западе!

И пойдет теперь мурыжево –
Федерация-хренация:
„Что ж, мол, ты не сделал рыжего?!
Где ж твоя квалификация?!

Вас, засранцев, опекаешь и растишь,
А вы, суки, нам мараете престиж!
Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл!
Начал дело – так уж делай, чтоб не встал!”

Духу нашему спортивному
Цвесьть везде!
Я отвечу по-партийному:
„Будет сде!..”

58. БАЛЛАДА О СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Подражание Даниилу Хармсу

Егор Петрович Мальцев
Хворает – и всерьез:
Уходит жисть из пальцев,
Уходит из желез.

Из прочих членов тоже
Уходит жисть его –
И вскорости, похоже,
Не будет ничего!..

Когда нагрянет свора
Савеловских родных,
То что же от Егора
Останется для них?

Останется пальтишко,
Подушка, чтобы спать,
И книжка, и сберкнижка
На девять двадцать пять,

И таз, и две кастрюли,
И рваный подписной,
Просроченный в июле
Единый проездной...

И всё. И нет Егора –
Был человек и нет!
И мы об этом скоро
Узнаем из газет.

Пьют газировку дети
И пончики едят,
Ему ж при диабете
Все это – чистый яд!

Вот спит Егор в постели,
Почти что невесом,
И дышит еле-еле,
И странный видит сон:

...В большом красивом зале,
Резону вопреки,
Лежит Егор, а сзади –
Знамена и венки –

И алым светом залит
Большой его портрет.
Но сам Егор не знает –
Живой он или нет.

Он смаргивает мошек,
Как смаргивал живой,
Но он вращать не может
При этом головой.

И дух по залу спертый,
Как в общей душевой,
И он – скорее мертвый,
Чем все ж таки живой!

Но хором над Егором

Краснознаменный хор
Краснознаменный хором
Поет: „Вставай, Егор!”

Вставай, Егор Петрович,
Во всю свою длину!
Вставай, Егор Петрович,
Не подводи страну!

Центральная газета
Оповестила свет,
Что больше диабета
В стране Советской нет!

Пойми, что с этим, кореш,
Нельзя озорничать!
Пойми, что ты позоришь
Родимую печать!

Давай, вставай, Петрович,
Во всю свою длину!
Давай, вставай, Петрович,
Загладь свою вину!”

И сел товарищ Мальцев,
Услышав эту речь,
И жисть его из пальцев
Не стала больше течь.

Егор трусы стирает,
Он койку застелил,
И тает, тает, тает,
В крови холестерин.

По площади по Трубной
Идет он, милый друг,
И все ему доступно,
Что видит он вокруг:

Доступно кушать сласти
И газировку пить...
...Лишь при Советской власти
Такое может быть!

**59. ЖУТКАЯ ИСТОРИЯ,
РАССКАЗАННАЯ В ПРИВОКЗАЛЬНОМ ШАЛМАНЕ
ЕГОРОМ ПЕТРОВИЧЕМ МАЛЬЦЕВЫМ**

Нам сосиски и горчица
Остальное – при себе.
В жизни может все случиться:
Может – „а”, а может – „б”...

Можно жизнь прожить в покое,
Можно быть всегда в пути.
Но такое!.. Но такое!..
Это ж – Господи, прости!

Дядя Леша, бог рыбачий,
Выпей, скушай бутерброд,
Помяни мои удачи
В тот апрель о прошлый год...

В том апреле, как в купели,
Голубели невода,
А потом отголубели,
Задубели в холода.

Но, когда из той купели
Мы тянули невода,
Так в апреле преуспели,
Как порою за года.

Что нам Репина палитра?!
Что нам Пушкина стихи?!
Мы на брата – по два литра,
По три порции ухи.

И – айда за той фартовой,
Закусивши удила,
За той самой, за которой –
Три деревни, два села.

Что ни вечер – кукарача,
Что ни утро, то аврал...
Но случилась беда:
Я документ потерял.

И пошел я к Львовой Клавке:
„Будем, Клавка, выручать!
Оформляй мне, Клавка, справки,
Шлепай круглую печать!

Значит: имя, год рожденья,
Званье, член КПСС...”
Ну, а дальше – наважденье:
Вроде, вдруг попутал бес.

В состоянии помятом
Говорю для шутки ей:
Ты давай, мол, в пункте пятом
Напиши, что я – еврей!

Посмеялись и забыли,
Крутим дальше колесо.
Нам все это – вроде пыли,
Но совсем не вроде пыли
Дело это для ОСО!

Вот прошел законный отпуск,
Начинается мотня:
Первым делом сразу допуск
Отбирают у меня.

И зовет меня „особый”,
Начинает разговор:
„Значит, вот какой особой,
Прямо скажем – хитрожопой
Оказался ты, Егор!

Значит, все мы – кровь на рыле –
Топай к светлому концу,
Ты же будешь в Израиле
Жрать, подлец, свою мацу!

Мы стоим за дело мира,
Мы готовимся к войне,
Ты же хочешь, как Шапиро,
Прохлаждаться в стороне!

Вот зачем ты – вроде вора,
Что стремится вон из пут, –
Званье русского майора
Обменял на пятый пункт!”

Я ему с тоской в желудке
Отвечаю, еле жив:
„Да это ж я за ради шутки!
На хрена мне Тель-Авив?!”

Как он гаркнет: „Я не лапоть!
Поищи-ка дурачков!
Ты же, ясно, хочешь драпать –
Это ж видно без очков!

Ну, а если кто не видит –
Растолкует в час-другой!
Нет, любезный, так не выйдет!
Так не будет, дорогой!

Мы тебя не то что взгреем –
Мы тебя сотрем в утиль!
Нет, не зря ты стал евреем!
А за тем ты стал евреем,
Чтобы смыться в Израиль!”

И пошло тут, братцы-други, –
Хоть ложись и в голос вой!
Я теперь живу в Калуге –
Беспартийный, рядовой.

Мне теперь одна дорога,
Мне другого нет пути:
Где тут, братцы, синагога?
Подскажите, как пройти!

60. ЛОШАДЬ

(антипесня)

У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца –
И лошадь на парады выезжала,
И маршалу про жабу – ни словца.

А маршал, бедный, мучился от рака,
Но тоже на парады выезжал.
Он мучился от рака, но, однако,
Он лошади об этом не сказал.

Нам этот факт Великая Эпоха
Воспеть велела в песнях и стихах,
Хоть лошадь та давным-давно издохла,
А маршала сгноили в Соловках.

61. ПРАВО НА ОТДЫХ (БЕЛЫЕ СТОЛБЫ)

„Первача я взял ноль восемь, косхалвы,
Пару „Рижского” и керченскую сельдь,
И отправился я в Белые Столбы –
На братана да на психов поглядеть.

Ах, у психов жисть –
Так бы жил любой:
Хочешь – спать ложись,
А хочешь – песни пой.
Предоставлено
Им вроде литера:
Кому – от Сталина,
А кому – от Гитлера.

А братан уже встречает в проходной,
Он меня за опоздание корит.
Говорит: „Давай скорее по одной!”
„Тихий час сейчас у психов,” – говорит.

Шизофреники
Вяжут веники,
А параноики
Рисуют нолики,
А которые просто нервные –
Те спокойным сном спят, наверное.

Только приняли по первой „первача”,
Так братана прямо бросило в тоску:
Говорит, что он зарежет главврача,
Что он, сука, не пустил его в Москву!

А ему ж в Москву не за песнями –
Ему выправить надо пенсию.
У него в Москве есть законная
И еще одна есть – знакомая.

Мы пивком переложили, съели сельдь,
Закусили это дело косхалвой.
А братан и говорит мне: „Сень, а Сень!
Ты побудь тут за меня денек-другой!

И по выходке, и по роже мы
Завсегда с тобой были схожими.
Тебе ж нет в Москве вдоха-продыха –
Поживи здесь, как в доме отдыха!”

Тут братан снимает тапки и халат,
Он мне волосы легонько ворошит.
А халат на мне ну прямо в аккурат –
Прямо, вроде, на меня халат пошит.

А братан – в пинжак да и к поезду.
А я булабочкой – деньги к поясу,
И иду себе на виду у всех:
А и вправду ж мне отдохнуть не грех!

Тишина на белом свете, тишина...
Я иду и размышляю не спеша:
То ли стать мне президентом США,
То ли взять да и окончить ВПШ?..

Ах, у психов жисть –
Так бы жил любой:
Хочешь – спать ложись,
а хочешь – песни пой.
Предоставлено
Нам вроде литеры:
Кому – от Сталина,

А кому – от Гитлера.

VIII В наш каменный век
на совесть цена — пятан

ГЛАВА VIII.
В НАШ КАМЕННЫЙ ВЕК НА СОВЕСТЬ ЦЕНА – ПЯТАК

62. Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

Сердце мое заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу –
И свистите во все свистки!

И лопается терпенье,
И тысячи три рубак
Вострят, словно финки, перья,
Спускают с цепи собак.

Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут.
И все меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут.

Я выбираю Свободу,
Но не из боя, а в бой!
Я выбираю свободу –
Быть просто самим собой.

И это – моя Свобода!
Нужны ли слова ясней?!
И это моя забота –
Как мне поладить с ней.

Но слаще, чем ваши байки,
Мне гордость моей белды,
Свобода казенной пайки,
Свобода глотка воды.

Я выбираю Свободу,
Я пью с нею нынче на „ты”,
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты.

Где вновь огородной тяпкой
Над всходами пляшет кнут,
Где пулею или тряпкой
Однажды мне рот заткнут.

Но славно звенит дорога,
И каждый приют – как храм.
И пуля весит немного –
Не больше, чем восемь грамм,

Я выбираю Свободу –
Пускай груба и ряба,
А вы, валяйте, по капле
„Выдавливайте раба!”

По капле – и есть по капле –
Пользительно и хитро.
По капле – это на Капри,
А нам – подставляй ведро!

63. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Посвящается Р. Беньяш

А нам – подставляй корыто,
И встанем во всей красе!
Не тайно, не шито-крыто,
А чтоб любовались все!

Я выбираю Свободу,
И знайте: не я один!..
И мне говорит „свобода”:
„Ну что ж, – говорит, – одевайтесь
И – пройдемте-ка, гражданин!”

Вот пришли и ко мне седины,
Распеваётся воронье!
„Не судите, да не судимы...” –
Заклинает меня вранье.

Ах, забвенья глоток студень,
Ты охотно напомнишь мне,
Как роскошный герой – Буденный
На роскошном скакал коне...

Так давайте ж, друзья, утроим
Наших сил золотой запас!
„Нас не трогай, и мы не тронем!..” –
Ох, это пели мы! И не раз!

Не судите! Смирней, чем Авель,
Падай в ноги за хлеб и кров.
Ну, писал там какой-то Бабель,
И не стало его – делов!

Не судите! И нет мерила,
Все дозволено, кроме слов.
Ну, какая-то там Марина
Захлебнулась в петле – делов!

Не судите! Малюйте зори,
Забивайте своих „козлов”.
Ну, какой-то там чайник в зоне
Все о Федре кричал – делов!

„Я не увижу знаменитой „Федры”
В старинном, многоярусном театре!..”
...Он не увидит знаменитой „Федры”
В старинном, многоярусном театре!..”

Пребывая в туманной черноти,
Обращаюсь с мольбой к историку:
От великой своей учености
Удели мне хотя бы толику!

Я пути не ищу раскольного,
Я готов шагать по законному!..
Успокой меня, беспокоящего,
Растолкуй ты мне, бестолковому!

Если правда у нас на знамени,
Если смертной гордимся годностью, –
Так чего ж мы в испуге замерли
Перед ложью и перед подлостью?!

А историк мне отвечает:
„Я другой такой страны не знаю...”

Будьте ж счастливы! Голосуйте!
Маршируйте к плечу плечом!
Те, кто выбраны, те и судьи –
Посторонним вход воспрещен!

Ах, как быстро, несусветимы
Дни пошли нам виски седить!..
„Не судите, да не судимы...“
Так вот, значит, и не судить?!

Так вот, значит, и спать спокойно,
Опускать пятаки в метро?!
А судить и рядить – на кой нам?!
„Нас не трогай, и мы не тро...“

Нет, презренна по самой сути
Эта формула бытия!
Те, кто выбраны, те и судьи?!
А я не выбран, но я – судья!

64. ЧЕРНОВИК ЭПИТАФИИ

Худо было мне, люди, худо!..
Но, едва лишь начну про это,
Люди спрашивают: „Откуда?
Где подслушано? Кем напето?“

Дуралеи спешат смеяться,
Чистоплюи воротят морду...
Как легко мне было сломаться,
И сорваться, и спиться к черту!

Не моя это, вроде, боль,
Так чего ж я кидаюсь в бой?!
А вела меня в бой судьба,
Как солдата ведет труба:
– Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та!

Сколько раз на меня стучали,
И дивились, что я – на воле!..
Ну, а если б я сгнил в Сучане,
Вам бы легче дышалось, что ли?!

И яснее б вам, что ли, было,
Где – по совести, а где – кроме?..
И зачем я, как сторож в било,
Сам в себя колочусь до крови?

И какая, к чертям, судьба?
И какая, к чертям, труба?
Мне б частушкой по струнам – влет,
Да гитара, как видно, врет:
– Трень да брень! Трень да брень! Трень да брень!

А хотелось-то мне в дорогу,
Налегке, при попутном ветре,
Я бы пил молоко, ей-богу,
Я б в лесу ночевал, поверьте!

И шагал бы, как вольный цыган,
Никого бы нигде не трогал,
Я б во Пскове по-птичьи цыкал
И округло б на Волге окал.

И частушкой по струнам – влет,
Да гитара, как видно, врет,
Лишь, мучительна и странна,
Все одна дребезжит струна:
– Динь да динь! Динь да динь! Динь да динь!

Понимаю, что просьба тщетна –
Поминают поименитей!
Ну, не тризною, так хоть чем-то,
Хоть всухую, да помяните!

Хоть за то, что я верил в чудо,
И за песни, что пел без склада...
А про то, что мне было худо,
Никогда вспоминать не надо!

И, мучительна и странна,
Все одна дребезжит струна,
И приладиться к ней, к ничьей,
Пусть попробует, кто ловчей!..

А я не мог!

65. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Не хочу посмертных антраша,
Никаких красотостей не выберу:
Пусть моя нетленная душа
Подлецу достанется и шиберу!

Пусть он, сволочь, врет и предает,
Пусть он ходит, ворон, в перьях сокола!
Все на свете пули – в недолет!
Все невзгоды – не к нему, а около!

Хорошо ему у пирога –
Все полно приязни и приятельства:
И номенклатурные блага,
И номенклатурные предательства...

С каждым днем – любезнее житье!..
Но в минуту, самую внезапную,
Пусть ему отчаянье мое
Сдавित сучье горло черной лапою!

66. ЕЩЕ РАЗ О ЧЕРТЕ

Я считал слонов и в нечет, и в чет,
И все-таки я не уснул,
И тут явился ко мне мой черт
И уселся верхом на стул.

И сказал мой черт: „Ну, как, старина,
Ну, как же мы порешим?
Подпишем союз – и айда в стремена,
И еще чуток погрешим?

И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!..
А то, что придется потом платить, –

Так ведь это ж, пойми, потом!

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя – потом!

Но зато ты узнаешь, как сладок грех
Этой горькой порой седин!
И что счастье не в том, что один – за всех,
А в том, что все – как один.

И ты поймешь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми ты скажешь „да”,
И вместе со всеми „нет”!

И ты будешь волков на земле плодить
И учить их вилять хвостом.
А то, что придется потом платить, –
Так ведь, это ж, пойми, потом!

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя – потом!

И что душа? Прошлогодний снег!
А глядишь – пронесет и так!
В наш атомный век, в наш каменный век
На совесть цена – пятак!

И кому оно нужно, это добро,
Если всем дорога – в золу?!
Так давай же бери, старина, перо
И вот здесь распишись, в углу!”

Тут черт потрогал мизинцем бровь
И придвинул ко мне флакон.
И я спросил его: „Это кровь?”
„Чернила,” – ответил он.

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя –
„Чернила,” – ответил он.

67. СТО ТЫСЯЧ „ПОЧЕМУ”

Спрашивает мальчик: почему?
Спрашивает мальчик: почему?
Двести раз и триста: почему?
Тучка набегает на чело.
А папаша режет ветчину,
А папаша режет ветчину,
Он сопит и режет ветчину,
И не отвечает ничего.

Снова замаячили быть, боль,
Снова рвутся мальчики в пыль, в бой.
Вы их не пугайте, не отваживайте!
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!
Спрашивайте! Спрашивайте!

Спрашивайте, как и почему,
Спрашивайте, как и почему.
Как, и отчего, и почему?
Спрашивайте, мальчики, отцов!
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину –

Надо отвечать в конце концов!

Но в зрачке-хрусталике вдруг – муть,
А старые сандалики – ух! – жмут...
Ну, и не жалейте их, снашивайте!
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!
Спрашивайте!
Спрашивайте!

68. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Ать-два, левой, правой,
Три-четыре, левой, правой!
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Отправлен взвод в ночной дозор
Приказом короля.
Выводит взвод тамбурмажор,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

Эй, горожане, прячьте жен,
Не лезьте сдуру на рожон!
Выводит взвод тамбурмажор,
Тра-ля-ля-ля!

Пусть в бою труслив, как заяц,
И денжат всегда в обрез –
Но зато какой красавец –
Черт возьми, какой красавец! –
И какой на вид храбрец!

Ать-два, левой, правой,
Три-четыре, левой, правой!
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Проходит пост при свете звезд,
Дрожит под ним земля.
Выходит пост на Чертов мост,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

Чеканя шаг при свете звезд,
На Чертов мост выходит пост –
И, раскачавшись, рухнул мост,
Тра-ля-ля-ля!
Целый взвод слизнули воды,
Как корова языком,
Потому что у природы
Есть такой закон природы –
Колебательный закон.

Ать-два, левой, правой,
Три-четыре, левой, правой!
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Давно в музей отправлен трон,
Не стало короля,
Но существует тот закон,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

И кто с законом не знаком,
Пусть учит срочно тот закон!

Он очень важен – тот закон,
Тра-ля-ля-ля!

Повторяйте ж на дорогу,
Не для кружева-словца, –
А поверьте, ей же богу,
Если все шагают в ногу –
Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!

Ать-два, левой, правой,
Три-четыре, правой, левой!
Ать-два-три,
Пусть каждый шагает, как хочет!

69. ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

(антипесня)

...Понимая, что нет в оправданиях смысла,
Что бесчестье кромешно и выхода нет,
Наши предки писали предсмертные письма,
А потом, помолившись – вовеки и пристно,
Запирались на ключ и к виску – пистолет!..

А нам и честь, и чох, и черт –
Неведомые области!
А нам – признание и почет:
За верность общей подлости!

А мы баюкаем внучат
И ходим на собрания,
И голоса у нас звучат
Все чище и сопраннее!..

70. СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль,
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере к этакой матери...
Но поскольку молчание – золото,
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи – попадешь в богачи.
Промолчи, промолчи, промолчи!

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности пряча глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не „против”, конечно, а – „за”.

Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду.
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание – золото.

Промолчи – попадешь в первачи.
Промолчи, промолчи, промолчи!

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маета.
Но под всеми словесными перлами
Проступает пятном немота.

Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода –
Мы-то знаем: доходней молчание,
Потому что молчание – золото.

Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть в палачи –
Промолчи!
Промолчи!
Промолчи!

71. ФЕСТИВАЛЬ ПЕСНИ В СОПОТЕ В АВГУСТЕ 1969 ГОДА

Над черной пажитью разрухи,
Над миром, проклятым людьми,
Поют девчонки о разлуке,
Поют мальчишки о любви.

Они глядят на нас в тревоге
И не умеют скрыть испуг.
Но наши страхи, наши боги –
Для них смешной и жалкий звук.

И наши прошлые святыни
Для них – пустые имена.
И правда – та, что посредине, –
И им, и нам еще темна.

И слышит Прага, слышит Сопот
Истошный шепот: „Тру-ля-ля!”
Но пробивается сквозь шепот
Кирзовый топот патруля:
Ать-два! Ать-два! Ать-два!

Нас отпустили на поруки –
На год, на час, на пять минут...
Поют девчонки о разлуке,
Мальчишки о любви поют.

Они лады перебирают,
Как будто лезут на рожон.
Они слова перевирают:
То в ре-мажор, то соль-мажор...

А я крестом раскинув руки,
Как оступившийся минер, –
Все о беде да о разрухе,
Все в ре-минор да в ре-минор.

72. БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ РУКАХ

Развеван по ветру подмоченный порох,
И мы привыкаем, как деды – точь-в-точь,
Гонять вечера в незатейливых спорах,
Побасенки слушать и воду толочь.

Когда-то шумели, теперь – поутихли:
Под старость любезней покой и почет.
А то, что опять Ярославна в Путивле
Горюет и плачет – так это не в счет!

Уж мы-то рукав не омочим в Каяле,
Не сунем в ладонь арестантскую хлеб.
Безгрешный холуй, запасайся камнями,
Разучивай загодя праведный гнев!

Недаром из школьной науки
Всего нам милей слова:
Я умываю руки,
Ты умываешь руки,
Он умывает руки –
И хоть не расти трава!

Не высшая математика,
А просто – как дважды два!

Да здравствует трижды премудрость холопья:
Премудрость жевать и мычать, и внимать,
И помнить о том, что народные копы
Народ никому не позволит ломать!

Над кругом гончарным поет о тачанке
Усердное время – бессмертный гончар.
А танки идут по вацлавской брусчатке,
И наш бронепоезд стоит у Градчан...

А песня крепчает: „Взвивайтесь кострами!..”
И пепел с золою, куда ни ступи!
Взвиваются ночи кострами в Острове,
В мордовских лесах и в казахской степи...

На севере и на юге
Над ржавой землею дым...
А я умываю руки,
А ты умываешь руки,
А он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим.

И нечего притворяться:
Мы ведаем, что творим!

73. ПЕСНЯ ПРО ОСТРОВА

Говорят, что есть на свете острова,
Где растет на берегу забудь-трава.
Забудь о гордости, забудь про горести,
Забудь о подлости, забудь про хворости!
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где с похмелья не болит голова,
А сколько есть вина – пей все без просыху,
А после по морю ходи, как по суху!
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре навсегда – дважды два.
Ищи хоть сотни лет решенья лучшего,
Четыре – дважды два, как ни выкручивай!
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права,
Где совесть – надобность, а не солдатчина,
Где правда – нажита, а не назначена!
Вот какие я придумал острова!

74. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

За чужую печаль и за чье-то незванное детство
Нам воздастся огнем и мечом и позором вранья.
Возвращается боль – потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер на круги своя.

Мы со сцены ушли, но еще продолжается детство,
Наши роли суфлер дочитает, ухмылку тая.
Возвращается вечером ветер на круги своя,
Возвращается боль – потому что ей некуда деться.

Мы проспали беду, промотали чужое наследство,
Жизнь подходит к концу – и опять начинается детство,
Пахнет мокрой травой и махорочным дымом жилья,

Продолжается детство без нас, продолжается детство,
Продолжается боль – потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер на круги своя...

75. ПРИТЧА

По замоскворецкой Галилее
Шел он, как по выжженной земле.
Мимо светлых окон „Бакалеи”,
Мимо темных окон „Ателье”.

Мимо, мимо булочных, молочных,
Переставших верить в чудеса...
И гудели в трубах водосточных
Всех ночных печалей голоса.

Всех тревог, сомнений, всех печалей
Старческие вздохи, детский плач...
И осенний ветер за плечами
Поднимал, как крылья, легкий плащ.

Мелкий дождик капал с небосвода,
Светом фар внезапно озарен...
Но уже он видел, как с восхода
Через Юго-Западный район,

Мимо показательной „Аптеки”,
Мимо „Гастронома” на углу
Потекут к нему людские реки,
Понесут признание и хвалу.

И не ветошь века, не обноски –
Он им даст начало всех начал...
И стоял слепой на перекрестке,
Осторожно палочкой стучал.

И не зная, что пророку мнилось,
Что кипело у него в груди,
Он сказал негромко: „Сделай милость –
Услужи, браток, переведи!”

Пролетели фары снова, снова,
А в душе пророка все ясней
Билось то несказанное слово
В несказанной мудрости своей.

Много ль есть еще на свете истин,
Что способны потрясти сердца?..
И прошел пророк по мертвым листьям,
Не услышав голоса слепца.

И сбылось – отныне и вовеки!
Свет зари прорезал ночи мглу,
Потекли к нему людские реки,
Понесли признание и хвалу.

Над вселенской суетней мышиной
Засияли истины лучи...
А слепого, сбитого машиной,
Не сумели выходить врачи.

76. Я ОПЯТЬ БРОСАЮСЬ В БОЙ

Опять меня терзают страхи
И ломит голову, хоть плачь!
Опять мне снится, что на плахе
Меня с петлею ждет палач.

Палач в нейлоновой рубаше,
С багровой заячьей губой...
Опять меня терзают страхи –
И я опять бросаюсь в бой!

77. РУССКИЕ ПЛАЧИ

На лесные урочища,
На степные берлоги
Шли Олеговы полчища
По дремучей дороге.

И на марш этот глядючи,
В окаянном бессилье,
В голос плакали вятичи,
Что не стало России!

Ах, Россия, Расея –
Ни конца, ни спасенья!

И живые, и мертвые, –
Все молчат, как немые.
Мы, Иваны Четвертые, –
Место лобное в мыле!

Лишь босой да уродливый,
Рот беззубый разиня,
Плакал в церкви породивый,
Что пропала Россия!

Ах, Расея, Россия –
Все пророки босые!

Горькой горечью мечены
Наши тихие плачи –
От Петровской неметчины
До нагайки казачьей!

Птица вещая – троечка,
Тряска вечная, чертова!
Не смущаясь ни столечка,
Объявилась ты, троечка,
Чрезвычайкой в Лефортово!

Ах, Россия, Расея –
Чем набат не веселье?!

Что ни год – лихолетие,
Что ни враль, то Мессия!
Плачет тысячеление
По Расее – Россия

Выкликает проклятия...
А попробуй, спроси:
Да была ль она, братие,
Эта Русь на Руси?!

Эта – с щедрыми нивами,
Эта – в пене сирени,
Где рождаются счастливыми
И отходят в смиренье.

Где как лебеди – девицы,
Где под ласковым небом
Каждый с каждым поделится
Божьим словом и хлебом.

...Листья капают с деревца
В безмятежные воды,
И звенят, как метелица,
Над землей хороводы.

А за прялкой беседы,
На крыльце полосатом
Старики-домоседы,
Знай, дымят самосадом.

Осень в золото набрана,
Как икона в оклад.
Значит – все это наврано,
Лишь бы в рифму да в лад?

Чтоб, как птицы на дереве,
Затихали в грозу,
Чтоб не знали, но верили
И роняли слезу,

Чтоб начальничкам кланялись
За дареную пядь,
Чтоб грешили и каялись,
И грешили опять?..

То ли сын, то ли пасынок,
То ли вор, то ли князь –
Разомлев от побасенок,
Тычешь каждого в грязь!

Переполнена скверною
От покрывки до дна...
Но ведь где-то, наверное,
Существует – Она?!

Та – с привольными нивами,
Та – в кипеньи сирени.
Где рождаются счастливыми
И отходят в смиренье...

Птица вещая, троечка,
Буйный свист под крылом –
Птица, искорка, точечка
В бездорожье глухом.

Я молю тебя: „Выдюжи!
Будь и в гленье живой,
Чтоб хоть в сердце, как в Китеже,
Слышать благовест твой!”

78. ПСАЛОМ

Борису Чичибобину

Я вышел на поиски Бога.
В предгорье уже рассвело.
А нужно мне было немного –
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел над рекою костер,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растер.

Что знал я в ту пору о Боге
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И полон предчувствием смутным,
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что он пожалеет меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей –
Мой Бог, сотворенный из глины,
Сказал мне: „Иди и убей!..”

И канули годы. И снова –
Все так же, но только грубей,
Мой Бог, сотворенный из слова,
Твердил мне: „Иди и убей!”

И шел я дорогою праха,
Мне в платье вливался репей,
И Бог, сотворенный из страха,
Шептал мне: „Иди и убей!”

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог –
На поиски доброго Бога.
И – ах, да поможет мне Бог!

79. ЗАНЯЛИСЬ ПОЖАРЫ

...Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели.
И осина уже не дрожит.

А. А. Ахматова „Июль 1914”

Отравленный ветер гудит и дурит
Которые сутки подряд.
А мы утешаем своих Маргарит,
Что рукописи не горят!

А мы утешаем своих Маргарит,
Что – просто – земля под ногами горит,
Горят и дымятся болота –
И это не наша забота!

Такое уж время – весна не красна,
И право же, просто смешно,
Как опер в саду забивает „козла”,
И смотрит на наше окно,
Где даже и утром темно.

А опер усердно играет в „козла”,
Он вовсе не держит за пазухой зла,
Ему нам вредить неохота,
А просто – такая работа.

А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на виду...
И все это было когда-то уже,
В таком же кромешном году.

Вот так же, за чаем, сидела семья,
Вот так же дымилась и тлела земля,
И гость, опьяненный пожаром,
Пророчил, что это недаром!

Пророчу и я, что земля неспроста
Кряхтит, словно взорванный лед,
И в небе серебряной тенью креста
Недвижно висит самолет.

А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на крутом рубеже,
И даже для этой эпохи –
Дела наши здорово плохи!

А что до пожаров – гаси не гаси,
Кляни окаянное лето –
Уж если пошло полахать на Руси,
То даром не кончится это!

Усни, Маргарита, за прялкой своей,
А я – отдохнуть бы и рад,
Но стелется дым и дурит суховей,
И рукописи горят.

И опер, смешав на столе домино,
Глядит на часы и на наше окно.
Он, брови нахмутив густые,
Партнеров зовет в понятия.

И черные кости лежат на столе,
И кошка крадется по черной земле
На вежливых сумрачных лапах.
И мне уже дверь не успеть запереть,
Чтоб книги попрятать и воду согреть,
И смыть керосиновый запах!

IX

Привиделась мне вздорная слава

80. ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

...Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

А. Блок

Неприметный к искусству,
Не допущенный в храм,
Я пою под закуску
И две тысячи грамм.

Что мне пениться пеной,
У беды на краю?!
Вы налейте по первой,
А уж я вам спою!

А уж я позабавлю –
Вспомню Мерю и Чудь...
И стыда ни на каплю,
Мне не стыдно ничуть!

Спину вялю сгорбя,
Я ж не просто хулу,
А гражданские скорби
Сервирую к столу.

– Как живете, караси?
– Хорошо живем, мерси!..

Заходите, люди добрые!
Боже правый, помоги!
Будут песни, будут сдобные,
Будут с мясом пироги.

Сливы-ягоды соленые,
Выручайте во хмелю!
Вон у той – глаза зеленые,
Я зеленые люблю!

Я шаррахну рюмку первую,
Про запас еще налью,
Песню новую, непетую,
Для почина пропою:

„Справа койка у стены, слева койка,
Ходим вместе через день облучаться..
Вертухай и бывший „номер такой-то” –
Вот где снова довелось повстречаться!

Мы гуляем по больничному садику,
Я курю, а он стоит на атасе,
Заливаем врачу-волосатику,
Что здоровье – хоть с горки катайся!

Погуляем полчаса с вертухаем,
Притомимся и стоим – отдыхаем.
Точно так же мы „гуляли” с ним в Вятке,
И здоровье тоже было в порядке:

Справа койка у стены, слева койка...”

Опоздавшие гости
Прерывают куплет.
Их вбивают, как гвозди,
Ибо мест уже нет.

Мы их лиц не запомним,
Мы как будто вдвоем,
Мы по новой наполним
И в охотку допьем.

Ах, в „мундире” картошка,
Разлюбезная Русь!
И стыжусь я... немножко...
А верней – не стыжусь!

Мне, как гордое право, –
Эта горькая роль,
Эта легкая слава
И привычная боль.

– Как жуετε, караси?
– Хорошо жуем, мерси!..

Колокольчики-бубенчики,
Пьяной мудрости хамеж.
Где истцы, а где ответчики –
Нынче сразу не поймешь!

Все подряд истцами кажутся,
Всех карал единый Бог,
Все одной зеленкой мажутся –
Кто от пуль, а кто от блох...

Ладно, пейте, рюмки чистые,
Помолчите только впредь!
Тише, черти голосистые!
Дайте, дьяволы, допеть:

„Справа койка у стены, слева койка,
А за окнами – февральская вьюга.
Вертухай и бывший „номер такой-то” –
Нам теперь невмоготу друг без друга!

И толкуем мы о разном и ясном:
О больнице и больничном начальстве,
Отдаем предпочтение язвам,
Помереть хотим – в одночасье.

Мы на пенсии теперь, на покое,
Наши койки, как суда на приколе,
А под ними, на паркете из липы –
Наши тапочки, как дохлые рыбы...

Спит больница. Тишина. Все в порядке!
И сказал он, приподнявшись на локте:
„Жаль, я, сука, не добил тебя в Вятке!
Больно ловки вы, жида, больно ловки!..”

И упал он, и забулькал, заойкал,
И не стало вертухая, не стало,
И поплыла вертухаева койка –
В те моря, где ни конца, ни начала...

Я простышкой вертухая накрою.
Все снежок идет, снежок над Москвою,
И сынок мой – по тому ль по снежочку
Провожает вертухаеву дочку...”

Голос глухнет, как в вате,
Только струны бренчат.
Все – приличия ради –
С полминуты молчат.

А потом, под огурчик,
Пропустив стопаря:
„Да уж, песня – в ажурчик!
Приглашали не зря!

Да уж, песенка – в точку!
Не забыть бы стишок,
Как он эту вот дочку
Волокет на снежок! . . .”

Незнакомые рожи
Мокнут в пьяной тоске,
И стыжусь я до дрожи,
И желвак на виске.

– Как стучите, караси?
– Хорошо стучим, мерси!..

Все плывет и все качается:
– Добрый вечер! – Добрый день!
Вот какая получается,
Извините, дребедень!

„Получайник”, „получайница”,
Больно много карасей!
Вот какая получается,
Извините, карусель!

...Я сижу, гитарой тренькаю,
Хохот, грохот, гогот, звон...
И сосед-стукач за стенкою
Прячет в стол магнитофон.

81. ПЕСНЯ ПРО НЕСЧАСТЛИВЫХ ВОЛШЕБНИКОВ, ИЛИ „ЭЙН, ЦВЕЙ, ДРЕЙ!”

Жили-были несчастливые волшебники,
И учеными считались, и спесивыми,
Только самые волшебные учебники
Не могли их научить, как быть счастливыми!
И какой бы ни пошли они дорогою,
Все кончалось то бедою, то морокою!

Но когда маэстро Скрипочкин
– Лампа-дрица, оп-ца-ца!
И давал маэстро Лампочкин
Синий цвет из-за кулис,
Выходили на просцениум
Два усатых молодца,
И восторженная публика
Им кричала: „Браво! Бис!”

В никуда взлетели голуби,
Превращались в карты кубики,
Гасли свечи стеариновые –
Зажигались фонари,
И отрезанные головы
У желающих из публики,
Улыбаясь и подмигивая,
Говорили: „Раз, два, три!”
Что в дословном переводе
Означает: „Эйн, цвей, дрей!”

Ну, а после, утомленные до сизости,
Не в наклеенных усах и не в парадности,
Шли в кафе они куда-нибудь поблизости,
Чтоб на время позабыть про неприятности,
И заказывали ужин два волшебника:
Два стакана молока и два лапшенника.

А маэстро Балалаечкин
– Лампа-дрица, оп-ца-ца!
И певица Доремикина
Что-то пела про луну.
И сидели очень грустные
Два усталых мудреца
И тихонечко, задумчиво
Говорили: „Ну и ну!”

А вокруг шумели парочки,
Пили водку и шампанское,
Пил маэстро Балалаечкин
Третью стопку на пари:
„Эйн, цвей, дрей!..“
И швырял ударник палочки,
А волшебники с опаскою,
Наблюдая это зрелище,
Говорили: „Раз, два, три!“
Что, как вам уже известно,
Означает: „Эйн-цвей-дрей!“

Так и шли они по миру безучастному
То проезжею дорогой, то обочиной...
Только тут меня позвали к Семичастному –
И осталась эта песня неоконченной.
Доказали мне, как дважды два в учебнике,
Что волшебники – счастливые волшебники.

И не зря играет музыка
– Лампа-дрица, оп-ца-ца!
И не зря чины и звания
Вроде ставки на кону!
И не надо бы, не надо бы
Ради красного словца
Сочинять, что не положено
И не нужно никому!

Я хотел бы стать волшебником,
Чтоб ко мне слетались голуби,
Чтоб от слов моих таинственных
Зажигались фонари: „Эйн, цвей, дрей!“
Но, как пес, гремя ошейником,
Я иду, повесив голову,
Не туда, куда мне хочется,
А туда, где – „Ать, два, три!“,
Что ни капли не похоже
На волшебное „Эйн, цвей, дрей!“

82. БАЛЛАДА О СТАРИКАХ И СТАРУХАХ,
С КОТОРЫМИ Я ВМЕСТЕ ЖИЛ И ЛЕЧИЛСЯ
В САНАТОРИИ ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ПРОФСОЮЗОВ,
В 110 км ОТ МОСКВЫ

Все завидовали мне: „Эко денег!..“
Был загадкой я для старцев и стариц.
Говорили про меня: „Академик!“
Говорили: „Генерал-иностранец!“

О, бессонниц и сновторных отрава,
Может статья – это вы виноваты,
Что привиделась мне вздорная слава
В полумраке санаторной палаты.

А недуг со мной хитрил поминутно:
То держал, то отпускал на поруки...
И все было мне так странно и трудно!
И всего трудней были звуки.

Доминошники стучали в запале...
Привалившись к покарябанной пальме,
Старцы в чesанках с галошами спали
Прямо в холле, как в общественной спальне.

Я неслышно проходил: „Англичанин!“
Я „козла“ не забивал: „Академик!“
И звонки мои в Москву обличали:
„Эко денег у него, эко денег!“

И казалось мне, что вздор этот вечен,
Неподвижен, словно солнце в зените.
И когда я говорил: „Добрый вечер!“ –
Отвечали старики: „Извините!“

И кивали, как глухие глухому,
Улыбались не губами, а краем:
Мы, мол, вовсе не хотим по-плохому,
Но как надо – извините, не знаем!

Я твердил им в их мохнатые уши
В переулках за сортирную дверью:
„Я такой же, как и вы, только хуже!“
И поддакивали старцы, не веря.

И в кино я не ходил: „Ясно – немец!“
И на танцах не бывал: „Академик!“
И в палатке я купил чай и перец:
„Эко денег у него, эко денег!“

Ну, и ладно! И не надо о славе!
Смерть подарит нам бубенчики славы.
А живем мы в этом мире послами
Не имеющей названья державы.

83. ПЕСНЯ ПРО МАЙОРА ЧИСТОВА

Я спросонья вскочил, патлат,
Я проснулся, а сон – со мной:
Мне приснилось, что я – Атлант,
На плечах моих – шар земной!

И болит у меня спина,
То мороз по спине, то жар.
И, с устатку пьяней-пьяна,
Я роняю тот самый шар.

И, ударившись об Ничто,
Покатился он, как звезда,
Через Млечное решето
В бесконечное Никуда!

И так странен был этот сон,
Что ни дочери, ни жене
Не сказал я о том, что он
Этой ночью приснился мне.

Я и сам отогнал ту боль,
Будто наглухо дверь забил,
И часам к девяти ноль-ноль
Я и вовсе тот сон забыл!

Но в двенадцать ноль-ноль часов
Простучал на одной ноге
На работу майор Чистов,
Что заведует буквой „Ге“.

И открыл он мое досье,
И на чистом листе – педант! –
Написал он, что мне во сне
Нынче снилось, что я – Атлант!

84. СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

(антипесня)

А врач сказал: „Будь здоров – паралич!”
Помирает Иван Ильич.

Ходят дети с внуками на цыпочках,
И хотя разлука не приспела,
Но уже месткомовские скрипочки
Принялись разучивать Шопена.

А врач сказал: „Может – день, может – два...
Он сейчас уже дышит едва.”

Пахнет в доме горькими лекарствами,
Подгоревшим давешним обедом,
Пахнет в доме скорыми мытарствами –
По различным загсам и собесам.

А врач сказал: „Ай-ай-ай! Вот те раз –
А больной-то помер у нас!”

Был он председателем правления.
Не такая вещь житье-бытье:
Не напишешь просьбу о продлении –
Некому рассматривать ее...

А врач сказал: „Извиняюсь! Привет!”
Ждал врача подгоревший обед.

85. НОВОГОДНЯЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом вираже,
Все еще только входят, а свечи погасли уже.
И лежит в сельдерее, убитый злодейским ножом,
Поросенок с бумажною розой – покойник-пижон!

А полковник-пижон, что того поросенка принес,
Открывает боржом и целует хозяйку в засос.
Он совсем разнуздан, подлец, он отбился от рук!
И следят за полковником три кандидата наук.

А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила!
И уже за столом, как положено, куча мала:
Кто-то ест, кто-то пьет, кто-то ждет, что ему подмигнут.
И полковник надрался, как маршал, за десять минут.

Над его головой произносят заздравную речь,
И суют мне гитару, чтоб общество песней развлечь.
– Ну, помилуйте, братцы, какие ж тут песни, пока
Не допили еще, не доели цыплят табака?!

Вон полковник желает исполнить романс „Журавли“,
Но его кандидаты куда-то поспать увели.
И опять кто-то ест, кто-то пьет, кто-то плачет навзрыд...
– Что за праздник без песни? – мне мрачный сосед говорит.

– Я хотел бы, товарищ, от имени всех попросить:
Не могли б вы, товарищ, нам что-нибудь изобразить?
...И тогда я улягусь на стол на торжественный тот
И бумажную розу засуну в оскаленный рот.

И под чей-то напутственный возглас, в дыму и в жаре,
Поплыву, потеку, потону в поросычем желе.
Это будет смешно, это вызовет хохот до слез,
И хозяйка лизнет меня в лоб, как признательный пес.

А полковник, прославшись, возьмется опять за свое
И, отрезав мне ногу, протянет хозяйке ее.
А за окнами – снег. А за окнами – белый мороз.
Там бредет чья-то белая тень мимо белых берез,

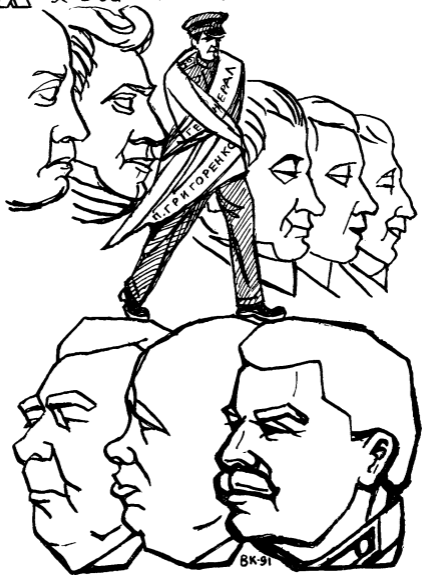
Мимо белых берез и по белой дороге и прочь –
Прямо в белую ночь, в петроградскую давнюю ночь,
В ночь, когда по скрипучему снегу, в трескучий мороз,
Не пришел, а ушел (мы потом это поняли!) белый Христос.

И поземка, следы заметая, мела и мела...
А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила!
Зазвонил телефон, и хозяйка махнула рукой:
– Подождите, не ешьте! Оставьте кусочек-другой!

И уже в телефон, отгоняя ладошкой дым:
– Приезжайте скорее, не то мы его доедим!
И опять все смеются, смеются, смеются до слез.
А за окнами – снег. А за окнами – белый мороз.

Там бредет моя белая тень мимо белых берез...

X Не бойтесь —
я счастливый человек

86. Я БЫЛ РЯДОВЫМ

Я в путь собирался всегда налегке,
Без долгих прощальных торжеств,
И маршальский жезл не таскал в рюкзаке –
На кой он мне, маршальский жезл!

Я был рядовым и умру рядовым.
Всей щедрой земли рядовой,
Что светом дарила меня даровым,
Поила водой даровой.

До старости лет – молоко на губах,
До тьмы гробовой – рядовой.
А маршалы пусть обсуждают в штабах
Военный бюджет годовой.

Пускай заседают за „круглым столом“
Вселенской охоты псаря,
А мудрость их вся заключается в том,
Что два – это меньше, чем три.

Я сам не люблю стариков-ворчунов,
И все-таки – истово рад,
Что я не изведал бесчестье чинов
И низости барских наград!

Земля под ногами и посох в руке
Торжественней всяких божеств.
А маршальский жезл у меня в рюкзаке –
Свирель, а не маршальский жезл.

ГЛАВА X.

НЕ БОЙТЕСЬ – Я СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

87. СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК ВОЗМОЖНО

(антипесня)

Когда собьет меня машина,
Сержант напишет протокол,
И представительный мужчина,
И представительный мужчина
Тот протокол положит в стол.

Другой мужчина – ниже чином.
Взяв у начальства протокол,
Прочтет его в молчанье чинном,
Прочтет его в молчанье чинном
И пододвинет дырокол.

И, продырявив лист по краю,
Он скажет: „Счастья в мире нет!
Покойник пел, а я играю,
Покойник пел, а я играю –
Могли б составить с ним дуэт!”

88. ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНС

Посвящается Н. Розницовой

Жалеть о нем не должно,
Он сам виновник всех своих злосчастных бед,
Терпя, чего терпеть без подлости – не можно...

Н. М. Карамзин

Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а – быть!
Здесь мосты, словно кони,
По ночам – на дыбы.

Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки.

Здесь над винною стойкой,
Над пожаром зари
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Что пойдя – повтори!

Все земные печали
Были в этом краю...
Вот и платим молчаньем
За причастность свою.

Мальчишки были безусы,
Прапоры и корнеты,
Мальчишки были – безумны,
К чему им мои советы?!

Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды!..
Они ж по ночам: „Отчизна!
Тираны! Заря Свободы!”

Полковник я, а не прапор,
Я в битвах сражался стойко.
И весь их щенячий табор
Мне мнился игрой – и только!

И я воклидал: „Тираны!”
И я прославлял Свободу.
Под пламенные тирады
Мы пили вино, как воду...

И в то роковое утро
Отнюдь не угрозой чести
Казалось – куда как мудро
Себя объявить в отъезде...

Зачем же потом случилось,
Что меркнет копейкою ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой?

...Болят к непогоде раны,
Уныло проходят годы...
Но я же кричал: „Тираны!”
И славил зарю Свободы...

Повторяется шепот,
Повторяем следы,
Никого еще опыт
Не спасал от беды!

О, доколе, доколе,
И не здесь, а везде,
Будут Клодтовы кони
Подчиняться узде?!

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас:
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь –
В тот назначенный час?

Где всегда по квадрату
В ожиданьи полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки.

89. ПО ОБРАЗУ И ПОЛОБИЮ, ИЛИ КАЖДОМУ – СВОЕ

Начинается день и дневные дела,
Но треклятая месса уснуть не дала.
Ломит поясницу и ноет бок.
Бесконечной стиркою дом пропах.
Но

– С добрым утром, Бах! – говорит Бог.
– С добрым утром, Бог! – говорит Бах, –
С добрым утром!

А над нами с утра, а над нами с утра,
Как кричит воронье на пожарище,
Голосят рупора, голосят рупора:
„С добрым утром! Вставайте, товарищи!”

И потом, досыпая, мы едем в метро,
В электричке, в трамвае, в автобусе,
И орут, выворачивая нутро,
Рупора о победах и доблести.

И спросонья бывает такая пора,
Что готов я в припадке отчаянья
Посшибать рупора, посшибать рупора
И услышать прекрасность молчания...

Под попреки жены исхитрись-ка, изволь,
Сочинить переход из це-дура в ха-моль!
От семейных ссор, от долгов и склок
Никуда не деться, и дело швах!

Но

- Не печалься, Бах! – говорит Бог.
- Да уж ладно, Бог! – говорит Бах, –
Да уж ладно!

А у бабки инсульт, и хворает жена,
И того не хватает и этого,
И лекарства нужны и больница нужна,
Только место не светит покедова.

И меня в перерыв вызывают в местком,
Ходит пред по месткому присядкою.
– Раз уж дело такое, то мы подмогнем:
Безвозвратную ссудим десяткою.

И кассир мне деньги отслонит по рублю,
Ухмыльнется ухмылкой грабительской.
Я пол-литра куплю, валидолу куплю,
Двести сыру и двести „Любительской” ...

А пронзительный ветер, предвестник зимы,
Дует в двери капеллы Святого Фомы.
И поет орган, что всему итог –
Это вечный сон, это тлен и прах!

Но

- Не кощунствуй, Бах! – говорил Бог.
- А ты дослушай, Бог! – говорит Бах, –
А ты дослушай!

А у суки-соседки гулянка в соку,
Воют девки, хихикают хахали.
Я пол-литра открою, нарежу сырку,
Дам жене валидолу на сахаре.

И по первой налью, и налью по второй,
И сырку и колбаски покушаю,
И о том, что я самый геройский герой,
Передачу охотно послушаю.

И трофейную трубку свою запалю,
Посмеюсь над мычащею бабкою,
И еще раз налью, и еще раз налью,
И к соседке схожу за добавкою...

...Он снимает камзол, он сдвигает парик,
Дети шепчутся в детской: „Вернулся старик...”
Что ж, ему за сорок – немалый срок,
Синева, как пыль, на его губах.

Но

– Доброй ночи, Бах! – говорит Бог.
– Доброй ночи, Бог! – говорит Бах, –
Доброй ночи!..

90. ПРИЛЕТАЕТ ПО НОЧАМ ВОРОН...

Прилетает по ночам ворон,
Он – бессонницы моей кормчий.
Если даже я ору ором –
Не становится мой ор громче!

Он едва на пять шагов слышен,
Но и это, говорят, слишком!
Но и это – словно дар свыше:
Быть на целых пять шагов слышным!

91. ПЕСНЯ ПРО СЧАСТЬЕ

Ты можешь найти на улице копейку
И купить коробок спичек.
Ты можешь найти две копейки
И позвонить кому-нибудь из автомата.

Ну, а если звонить тебе некому,
Так зачем тебе две копейки?!
Не покупать же на две копейки
Два коробка спичек!?

Можно вообще обойтись без спичек,
А просто прикурить у прохожего,
И заговорить с этим прохожим,
И познакомиться с этим прохожим.

И он даст тебе номер своего телефона,
Чтоб ты позвонил ему из автомата...
Но как же ты сможешь позвонить ему из автомата,
Если у тебя нет двух копеек?!

Так что лучше уж не прикуривать у прохожего,
Лучше просто купить коробок спичек...
Впрочем, и для этого сначала нужно
Найти на улице одну копейку!

**92. ГОРЕСТНАЯ ОДА,
ПОСВЯЩЕННАЯ СЧАСТЛИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ**

Посвящается П. Г. Григоренко

Когда хлестали молнии в ковчег,
Воскликнул Ной, предупреждая страхи:
„Не бойтесь – я счастливый человек,
Я человек, родившийся в рубашке!”

Родившийся в рубашке человек –
Мудрейшие, почтеннейшие лица
С тех самых пор уже который век
Напрасно ищут этого счастливаца.

Который век все нет его и нет,
Лишь горемыки прут без перебоя,
И горячат умы и застыт свет.
А Ной наврал, как видно, с перепоя!

И стал он утешеньем для калек,
И стал героем сказочных забавок –
Родившийся в рубашке человек,
Мечта горластых повивальных бабок.

А я гляжу в окно, на грязный снег,
На очередь к табачному киоску,
И вижу, как счастливый человек
Стоит и разминает папироску.

Он брал Берлин – он правда брал Берлин! –
И врал про это скучно и нелепо,
И вышибал со злости клином клин,
И шифер с базы угонял „налево”...

Вот он выходит в стужу из кино
И, сам не зная про свою особость,
Мальчонке покупает эскимо
И лезет в переполненный автобус.

Он водку пил и пил одеколон,
Он песни пел и женщин брал нахалом,
А сколько он повкалывал кайлом!
А сколько он протопал по этапам!..

И сух был хлеб его и прост ночлег,
Но все народы перед ним во прахе:
Вот он стоит – счастливый человек,
Родившийся в смирительной рубахе!

**93. ФАРС-ГИНЬОЛЬ,
ИЛИ ПЕСНЯ О ЧЕЛОВЕКЕ,
У КОТОРОГО БЫЛО ШЕСТЬ ДЕТЕЙ**

Всё засранцы, всё нахлебники
Жрут и пьют, и воду месят.
На одни, считай, учебники
Чуть не рупь уходит в месяц.

Люська-дура заневестила,
Никакого с нею слада!
А у папеньки-то – шестеро,
Обо всех подумать надо!

И того купить, и сего купить,
А на копейки-то – вовсе воду пить!
А сырку к чайку или ливерной,
Тут – двугривенный, там – двугривенный...
А где ж их взять?!

Люське-дурочке – все хаханьки,
Всё малина ей, калина.
А Никитушка-то махонький
Чуть не на крик от колита.

Подтянул папаня помочи,
И с улыбкой незавидной
Попросил папаня помощи
В кассе помощи взаимной.

Мол, и того купить, и сего купить,
А на копейки-то – вовсе воду пить!
А сырку к чайку или ливерной,
Тут – двугривенный, там – двугривенный...
А где ж их взять?!

Попросил папаня слезно и
Ждет решенья – нет покоя.
Совещанье шло серьезное,
И решение – такое:

Подмогнула б тебе касса, но
Каждый рупь – догнать Америку!
Почему тебе отказано,
Но сочувствуем, поелику –

Надо ж и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то – вовсе воду пить!
А сырку к чайку или ливерной,
Тут – двугривенный, там – двугривенный...
А где ж их взять?!

Вот он запил, как залеченный,
Два разá бил морду Люське.
А в субботу, поздно вечером,
Он повесился на люстре.

Ой, не надо „Скорой помощи” –
Нам бы медленную помощь!
„Скорый” врач обрезал помочи
И сказал, что помер в полночь.

Помер смертью незаметною,
Огорчения не вызвал,
Лишь записочку предсмертную
Положил на телевизор:

Что, мол, хотел он и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то – вовсе воду пить!
А сырку к чайку или ливерной,
Тут – двугривенный, там – двугривенный...
А где ж их взять?!

94. ПЕСНЯ О ДИКОМ ЗАПАДЕ, ИЛИ ПИСЬМЕЦО В МОСКВУ, ПЕРЕПРАВЛЕННОЕ С ОКАЗИЕЙ

Вы на письма слез не капайте!
И без них душа – враздрызг!
Мы живем на Диком Западе,
Что и впрямь изрядно дик!

Но не дикостью ковбойскою –
Здесь иную ткут игру:
Пьют, со смыслом, водку польскую
Под московскую икру.

XI *Стоит она - печальница всех сущих на Земле*

Здесь, на Западе распроданном
И распятом на пари,
По Парижам и по Лондонам,
Словно бесы, – дикари.

Околдованные стартами
Небывалых скоростей,
Оболваненные Сартрами
Всех размеров и мастей!

От безделья, от бессилия
Им всего любезней – шум!
И чтоб вночь была Бастилия:
И чтоб им идти на штурм!..

Убеждать их глупо – тени же!
Разве что спросить тайком:
„А не били ль Вас, почтеннейший,
По причинным – каблуком?!“

Так что вы уж слез не капайте!
И без них душа – враздрыг!
Мы живем на Диком Западе,
Что – и впрямь – изрядно дик!

ГЛАВА XI

СТОИТ ОНА – ПЕЧАЛЬНИЦА ВСЕХ СУЩИХ НА ЗЕМЛЕ

95. ТОНЬКА

Она вещи собрала, сказала тоненько:
„А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней, с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папи у ее – топтун под окнами,

А что у папи у ее – дача в Павшине,
А что у папи – холуи с секретаршами,
А что у папи у ее – пайки цековские,
И по праздникам – кино с Целиковскою.

А что Тонька-то твоя сильно страшная –
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с тоскою будешь спать со стиральнойю
За машину за его персональную!

Вот чего ты захотел – и знаешь сам!
Знаешь сам, но стесняешься:
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие про материи...

А в глазах-то у тебя – дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах – карамелькою...”

Я живу теперь в доме – чаша полная,
Даже брюки у меня – и те на молнии,
А вина у нас в доме – как из кладезя,
А сортир у нас в доме – восемь на десять.

А папаша приезжает сам к полуночи,
Холуи да топтуны тут все по струночке,
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков.

А как спать ложусь в кровать с дурой с Тонькою –
Вспоминаю той, другой, голос тоненький.
Ух, характер у нее прямо бешеный:
Я звоню ей, а она трубку вешает.

Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где „Титан”-кино,
Там работает она билетершею,
На дверях стоит вся замерзшая,

Вся замерзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая,
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!..

96. ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

А ей мама ну во всем потакала,
„Красной шапочкой” звала, пташкой вольной,
Ей какаво по утрам – два стакана,
А сама чайку попьет – и довольна.

А как маму схоронили в июле,
В доме денег – ни гроша, ни бумаги,
Но нашлись на свете добрые люди –
Обучили на кассиршу в продмаге.

И сидит она в этой кассе,
Как на месте публичной казни.

А касса щелкает, касса щелкает,
Скушал Шалочку Серый Волк,
И трясет она черной челкою,
А касса – щелк-щелк-щелк...
А касса – щелк-щелк-щелк...
Ах, веселый разговор!

Начал Званцев ей, завмаг, делать пассы:
Интересно б, мол, узнать, что за птица?
А она ему в ответ из-за кассы:
Дожидаю, мол, Прекрасного принца.

Всех отшила, одного не отшила,
Называла его милым Алешей,
Был он техником по счетным машинам,
Хоть и лысый, и еврей, но хороший.

А тут как раз война, а он – в запасе.
Прокричала ночь – и снова в кассе.

А касса щелкает, касса щелкает,
А под Шелковым в щепки полк.
И трясет она пегой челкою,
А касса – щелк-щелк-щелк...
А касса – щелк-щелк-щелк...
Ах, веселый разговор!

Как случилось – ей вчера ж было двадцать,
А уж доченьке девятый годочек.
И опять к ней подъезжать начал Званцев,
А она про то и слушать не хочет.

Ну, и стукнул он – со зла, не иначе!
Сам не рад, да не пойдешь на попятный!
Обнаружили ее в недостатке –
Привлекли ее по сто тридцать пятой.

А на этап пошла по Указу,
А там – амнистия, и снова – в кассу.

А касса щелкает, касса щелкает,
Засекается ваш крючок!
И трясет она рыжей челкою,
А касса – щелк-щелк-щелк...
А касса – щелк-щелк-щелк...
Ах, веселый разговор!

Уж любила она дочку, растила,
Охраняла от шпаны, оборванцев...
Ой, зачем она в продмаг зачастила?
Ой, зачем ей улыбается Званцев?

А как свадьбку сыграли в июле,
Было шуму на Песчаной на нашей.
А говорят в парадных добрые люди,
Что зовет ее, мол, Званцев мамашей.

И сидит она в своей кассе,
А у ней внучок – в первом классе.

А касса щелкает, касса щелкает,
Не копеечкам – жизни счет!

И трясет она белой челкою,
А касса – щелк-щелк-щелк,
А касса – щелк-щелк-щелк...
Ух, веселый разговор!

97. КОМАНДИРОВОЧНАЯ ПАСТОРАЛЬ

То ли шлюха ты, то ли странница?
Может, хочется, только колется?
Что-то сбудется? Что-то станется?
Чем душа твоя успокоится?

А то и станется, что подкинется!
Будут волосы все распатланы...
Общежитие да гостиница –
Вот дворцы твои клеопатровы!

Сядь, не бойся! Выпьем водочки –
Чай, живая, не покойница!
Коньячок четыре звездочки –
Коньячок, он тоже колется!

Гитарист пошел тренди-брендями,
Саксофон хрипит, как удушенный.
Все, что думалось, стало бреднями –
Обманул Христос новоявленный!

Спой, гитара, нам про страдание,
Про глаза нам спой и про пальцы –
Будто есть страна Пасторалия,
Будто мы с тобой пасторальцы.

Под столом нарежем сальца –
И плевать на всех на тутошних!
Балычок, прости, кусается –
Никаких не хватит суточных!

Расскажи ты мне, белка белая,
Чем ты, глупая, озабочена?
Что ты делала? Где ты бегала?
Отчего в глазах червоточина?

Туфли-лодочки на полу-то чьи?
Чья на креслице юбка черная?
Наш роман с тобой – до полуночи,
Курва здешняя, коридорная!

Влипнешь в данной ситуации –
И пыли потом, как конница!
Мне – к семи, тебе – к двенадцати...
Очень рад был познакомиться!

До свидания! До свидания!
Будьте ж счастливы – и так далее...
А хотелось нам – чтоб страдания,
А хотелось – чтоб Пасторалия!..

Но, видно, здорово мы усталые,
От анкет у нас в кляксах пальцы.
Мы живем в стране Постояльи –
И до гроба мы постояльцы!

98. ПРИНЦЕССА С НИЖНЕЙ МАСЛОВКИ
(Баллада о том, как одна принцесса раз в два
месяца приходила поужинать в ресторан „Динамо”)

И медленно пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна...

А. Блок

Кивал с эстрады ей трубач,
Сипел трубой, как в насморке.
Он и прозвал ее, трепач,
Принцессой с Нижней Масловки.

Он подтянул, трепач, штаны
И выдал румбу с перчиком.
А ей, принцессе, хоть бы хны –
Едва качнула плечиком:

Мол, только пальцем поманю –
Слетятся сотни соколов!
И села, и прочла меню,
И выбрала бефстроганов.

И все бухие пролетарии,
Все тунеядцы и жулье,
Как на комету в планетарии,
Глядели, суки, на нее.

– Румба, тра-ля-ля-ля, румба!

Бабье вокруг, издавши стон,
Пошло махать платочками.
Она ж, как леди Гамильтон,
Пиала ситро глоточками.

Бабье вокруг, сплошной собес,
Воздев, как пилки, вилочки,
Рубают водку под супец,
Шампанское – под килечки.

И, сталь коронок заголя,
Расправой бредят скорою:
Ах, эту б дочку короля
Шарахнуть бы „Авророй”!

И все бухие пролетарии,
Смирив идейные сердца,
Готовы к праведной баталии
И к штурму Зимнего дворца!

– Румба, тра-да-да, румба!

Душнеет в зале, как в метро,
От пергидрольных локонов.
Принцесса выпила ситро
И съела свой бефстроганов.

И вновь таращится бабье
На стать ее картинную.
На узком пальце у нее –
Кольцо за два с полтиною.

А время подлое течет,
И, зал пройдя, как пасеку,
„Шестерка” ей приносит счет –
И все, и крышка празднику!

А между тем пила и кушала,
Вложил всю душу в сей процесс,
Благополучнейшая шушера,
Не признающая принцесс.

– Румба, тра-ля-ля, румба!

Держись, держись, держись, держись!
Крепись – и чисти перышки!
Такая жизнь – плохая жизнь –
У современной Золушки!

Не ждет на улице ее
С каретой фея-крестная.
Жует бабье, сопит бабье,
Придумывает грозное.

А ей – не царство на веку –
Посулы да побасенки...
А там – вались по холодку,
„Принцесса” с Нижней Масловки!

И вот она идет меж столиков
В своем костюмчике джерси.
Ах, ей далёко до Сокольников!
Ах, ей не хватит на такси!

– Рубма, тра-да-да, рубма!

99. НАШИ ЖЕНЫ

Вот он скачет, витязь удалой,
С чудищем стоголавым силой меряясь,
И плевать на ту, что эту персвязь
Штопала заботливой иглой!..

Мы не пели славы палачам –
Удержались, выдержали, выжили...
Но тихонько, чтобы мы не слышали,
Жены наши плачут по ночам...

100. ЛЕНОЧКА

Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту.
Красавица-шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,
У выезда из города
Стояла на посту.

Судьба милиционерская –
Ругайся цельный день.
Хоть скромная, хоть дерзкая –
Ругайся цельный день.
Гулять бы ей с подругами
И нюхать бы сирень,
А надо с шоферюгами
Ругаться цельный день.

Итак, стояла Леночка,
Милиции сержант.
Останкинская девочка,
Милиции сержант.
Иной снимает пеночки,
Любому свой талант,

А Леночка, а Леночка –
Милиции сержант.

Как вдруг она заметила:
Огни летят, огни.
В Москву из Шереметьева
Огни летят, огни.
Ревут сирены зычные,
Прохожий – ни-ни-ни.
На Лену заграничные
Огни летят, огни.

Дает отмашку Леночка,
А ручка не дрожит.
Чуть-чуть дрожит коленочка,
А ручка не дрожит.
Машины, чай, не в шашечку,
Колеса – вжик да вжик.
Дает она отмашечку,
А ручка не дрожит.

Как вдруг машина главная
Свой замедляет ход.
Хоть и была исправная,
Свой замедляет ход.
Вокруг охрана стеночкой
Из КГБ, но вот
Машина рядом с Леночкой
Свой замедляет ход.

А в той машине писанный
Красавец-эфиоп.
Глядит на Лену пристально
Красавец-эфиоп.
И, встав с подушки кремовой,
Не промахнуться чтоб,
Бросает хризантему ей
Красавец-эфиоп.

А утрем мчится нарочный
ЦК КПСС
В мотоциклете марочной
ЦК КПСС.
Он машет Лене шляпою,
Спешит наперерез:
Пожалте, Л. Потапова,
В ЦК КПСС!

А там, на Старой площади:
Тот самый эфиоп.
Он принимает почести,
Тот самый эфиоп.
Он чинно благодарствует
И трет ладонью лоб,
Поскольку званья царского
Тот самый эфиоп.

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь,
Сидит с моделью вымпела
И все глядит на дверь.
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь.
Но тут раздалась музыка –
И отворилась дверь.

Вся в тюле и в панбархате
В зал Леночка вошла.
Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла.
И сам красавец царственный –
Ахмет Али-паша
Воскликнул: „Вот так здравствуйте!“,
Когда она вошла.

И вскоре нашу Леночку
Узнал весь белый свет.
Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет.
Когда, покончив с папою,
Стал шахом принц Ахмет,
Шахиню Л. Потапову
Узнал весь белый свет.

101. ПЕСНЯ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(Женский вальс)

Как мне странно, что ты жена!
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто ты мной воображена!

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказания,
Не смотрите на нас вороватыми,
Перепуганными глазами.

Будто призваны вы, будто позваны,
Нашу муку терпеньем мелете.
Ничего, что родились поздно вы –
Вы всё знаете, всё умеете!

Как мне странно, что ты жена!
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто ты мной воображена!

Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми.

Но ветрами подует грозными,
Босиком вы беду измерите.
Ничего, что родились поздно вы –
Вы всё знаете, всё умеете!

Как мне странно, что ты жена!
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто ты мной воображена!

Не дарило нас время сладостью,
Заливали нас кровь и подлость,
Но великою вашей слабостью
Вы спасли нам не жизнь, но гордость!

Вам сторицей не будет воздано,
И пройдем мы по веку розно.
Ничего, что родились поздно вы –
Воевать никогда не поздно!

Как мне страшно, что ты жена!
Как мне страшно, что ты жива!
В Ярославском центре ночью ты была воображена...

102. ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Люди, я любил вас –
Будьте бдительны!

Юлиус Фучик

Я люблю вас, глаза ваши, губы и волосы,
Вас, усталых, что стали до времени старыми,
Вас, убогих которых газетные полосы
Ежедневно бесстыдными славят фанфарами!

Сколько раз вас морочили, мяли, ворочали!
Сколько раз соблазняли соблазнами тщетными!
И, как черти, вы злы, и, как ветер, отходчивы,
И, скупцы, до чего ж вы бываете щедрыми!

Она стоит – печальница
Всех сущих на Земле,
Стоит, висит, качается
В автобусной петле.

А может, это поручни,
Да, впрочем, все равно!
И спать ложилась – к полночи,
И поднялась – темно.

Всю жизнь жила – не охала,
Не кляла белый свет.
Два сына было, сокола, –
Обоих нет как нет.

Один погиб под Вислою,
Другого хворь свела.
Она лишь зубы стиснула –
И снова за дела.

А мужа в Потье льдиною
Распутица смела.
Она лишь брови сдвинула –
И снова за дела.

А дочь в больнице с язвою,
А сдуру запил зять...
И, думая про разное,
Билет забыла взять.

И тут один – с авоською
И в шляпе (паразит!) –
С ухмылкой со своейкою
Геройски ей грозит.

Он палец указательный
Ей чуть не в нос сует:
„Какой, мол, несознательный
Еще, мол, есть народ!”

Она хотела высказать:
„Задумалась – прости!”
А он как глянул искоса,
Авоську сжал в горсти –

И на одном дыхании
Сто тысяч слов подряд.
(„Чем в шляпе – тем нахальнее!” –
Недаром говорят!)

Он с миною канальскою
Гремит на весь вагон:
„Что с кликой, мол, китайскою
Сталкнулся Пентагон!

Мы на гребне истории,
Нас лупят в лоб шторма!..
А есть еще, которые
Всё хочуть задарма!

Мы во главе истории,
Без нас бы мир ослаб!..
А есть еще, которые
Всё хочуть цап-царап!

Ты, мать, пойми: не важно нам,
Что дурость – твой обман!
Но, натурально, каждому
Залезла ты в карман!

Пятак – монетка малая:
Ей вся цена – пятак!
Но с неба каша манная
Не падает за так!

XII С чем рифмуется слово "целитель",
не узнают ни поэты, ни граждане

Она любому лакома,
На кашу – кажный лих!..”
И тут она заплакала –
И весь вагон затих.

Стоит она – печальница
Всех сущих на Земле,
Стоит, висит, качается
В автобусной петле.

Бегут слезинки скорые,
Стирает их кулак.
И вот вам вся история,
И ей цена – пятак!

Я люблю вас, глаза ваши, губы и волосы,
Вас, усталых, что стали до времени старыми,
Вас, убогих, которых газетные полосы
Ежедневно бесстыдными славят фанфарами!

И пускай это время в нас ввинчено штопором,
Пусть мы сами почти до предела доверчены,
Но оставьте, пожалуйста, бдительность операм!
Я люблю вас, люди! Будьте ж доверчивы!

ГЛАВА XII.
С ЧЕМ РИФМУЕТСЯ СЛОВО „ИСТИНА”,
НЕ УЗНАТЬ НИ ПОЭТАМ, НИ ГРАЖДАНАМ

103. ЛЕТЯТ УТКИ

Л. Пинскому

С севера, с острова Жестева
Птицы летят –
Шестеро, шестеро, шестеро
Серых утят...

Шестеро, шестеро к югу летят.

Хватит хмуриться, хватит злиться,
Ворошить вороха былого!
Но, когда по ночам бессонница,
Мне на память приходит снова:

Мутный за тайгу
Ползет закат,
Строем на снегу
Пятьсот ээка.

Ветер мокрый хлестал мочалкою,
То накатывал, то откатывал...
И стоял вертухай с овчаркою
И такую им речь откалывал:

„Ворон, растудить, не выключет
Глаз, растудить, ворону,
Но ежели кто закосит,
Тот мордой в снег!
И прошу, растудить, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, растудить, рассматриваться,
Как, растудить, побег!”

Вьюга полярная спятила –
Бьет наугад!
А пятеро, пятеро, пятеро
Дальше летят.

Пятеро, пятеро к югу летят.

Ну, а может, и впрямь бессовестно
Повторяться из слова в слово?!
Но, когда по ночам бессонница,
Мне на память приходит снова:

Не косят, не корчатся
В снегах ээка –
Разговор о творчестве
Идет в ЦК.

Репортеры сверкали линзами,
Кремом бритвенным пахла харя.
Говорил вертухай прилизанный,
Не похожий на вертухая:

„Ворон, извиняюсь, не выключет
Глаз, извиняюсь, ворону,
Но все ли сердцем усвоили,
Чему учит нам имярек?
И прошу, извиняюсь, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, извиняюсь, рассматриваться,
Как, извиняюсь, побег!“

Грянул прицельно, с наветренной –
В сердце заряд...
А четверо, четверо, четверо
Дальше летят...

И если долетит хоть один –
Значит, стоило!
Значит, надо было лететь!

О, как мне хотелось – мальчишке –
Проехать на велосипеде,
Не детском, не трехколесном –
Взрослом велосипеде!

И мчаться навстречу солнцу –
Туда, где сосны и ели,
И чтоб из окна глядели,
Завидуя мне, соседи:

– Смотрите, смотрите, смотрите!
Смотрите – мальчишка едет
На взрослом велосипеде.
Ехал мальчишка по улице
На взрослом велосипеде.
– Наркомовский Петька – умница, –
Шептались в окне соседи.

Я крикнул: „Дай прокатиться!“
А он ничего не ответил.
Он ехал по улице медленно,
А я бы летел, как ветер!

А я бы звоночком цокал,
А я бы крутил педали,
Промчался бы мимо окон –
И только б меня видали!..

...Теперь у меня в передней
Пылится велосипед,
Пылится уже, наверно,
С добрый десяток лет.

Но только того мальчишки
Больше на свете нет!
А взрослому – мне не нужен
Взрослый велосипед!

Ох, как мне хочется – взрослому –
Потрогать пальцами книжку
И прочесть на обложке фамилию –
Не чью-нибудь, а мою!..
Нельзя воскресить мальчишку,
Считайте: погиб в бою!

Но если нельзя мальчишку
И в прошлое – ни на шаг,
То книжку-то можно?! Книжку!..
Ее – почему – никак?!

Величественный, как росчерк,
Он книжки держал под мышкой.
„Привет тебе, друг доносчик,
Привет тебе с новой книжкой!”

Колхозная Илиада,
Подарочный холуяж –
Не надо мне так, не надо!
Пусть – тысяча – весь тираж!

Дорого с суперобложкой –
К черту суперобложку!
Но нету суперобложки –
И переплета нет!..

...Немножко пройдет, немножко –
Каких-нибудь тридцать лет –
И вот она, эта книжка –
Не в будущем, в этом веке!
Снимает ее мальчишка
С полки в библиотеке.

А вы говорили: „Бредни!“
А вот через тридцать лет...
Пылится в моей передней
Взрослый велосипед...

105. ПЕСНЯ О ПОСЛЕДНЕЙ ПРАВОТЕ

Ю. П. Домбровскому

Подстилала удача соломки,
Охранять обещала и впредь!..
Только есть на земле Миссолунги,
Где достанется мне умереть.

Где, уже не пижон и не барин,
Ошалев от дорог и карет,
Я от тысячи истин, как Байрон,
Вдруг поверю, что истины – нет!..

Будет серый и скверный денечек,
Небо с морем сольются в одно,
И приятель мой – плут и доносчик –
Подольет мне отраву в вино.

Упадет на колени тетрадка,
И глаза мне затынет слюда...
Я скажу: „У меня лихорадка...
Для чего я приехал сюда?!“

И о том, что не в истине дело,
Я в последней пойму дурноте,
Я, мечтавший – и ночью и денно –
О несносной своей правоте!..

А приятель, всплакнув для порядка,
Перейдет на повышенный слог
И запишет в дневник: „Лихорадка.
Он был прав, да простит его Бог!“

106. ЗАПОЙ ПОД НОВЫЙ ГОД

Человек идет пьяненький.
Страшная ночь. Все развезло. Он
вспоминает стихи и вслух как бы
отвечает на них.

По-осеннему деревья належке,
Фиолетовые пятна на реке,
Керосиновые пятна на воде...
Ты сказала мне тихонько: „Быть беде!“

Я позабыл твое лицо
Я пьян был к полдню.
Я подарил твое кольцо,
Кому – не помню...

Я подымал тебя на смех
И врал про что-то,
И сам смеялся больше всех,
И пил без счета.

Из шутовства, из хвастовства
В том балаганье –
Я бросил все твои слова
На поруганье.

Качалась пьяная мотня
Вокруг прибойно...
И ты спросила у меня:
„Тебе не больно?“

Не поймешь – не то январь, не то апрель,
Не поймешь – не то метель, не то капель.
На реке – не ледостав, не ледоход...
Старый год, а ты сказала: „Новый год.“

Их век выносит на-гора –
И марш по свету!
Одно отличие: номера,
Другого нету!

О, этот серый частокол –
Двадцатый опус,
Где каждый день – как протокол,
А ночь – как обыск.

Где все зазря, и все не то,
И все непрочно!
Который час – и то никто
Не знает точно!

Лишь неизменен календарь
В приметах века.
Ночная улица. Фонарь.
Канал. Аптека...

В этот вечер, не сумевший стать зимой,
Мы дороги не нашли к себе домой.
Я спросил тебя: „А может, все не зря?“
Ты ответила старинным: „Быть нельзя!“

107. РАЗГОВОР С МУЗОЙ

Наплевать, если сгину в какой-то Инте!
Все равно мне бессмертные счастьем потрафили
На такой широте и такой долготе,
Что ее не найти ни в какой географии –

В этом доме у маяка!..
В этом доме не стучат ставни,
Не таращатся в углах вещи,
Там не бредят о пустой славе,
Там все – истинно, и все – вечно,
В этом доме у маяка!..

Если имя мое в разговоре пустом
Будут втаптывать в грязь с безразличным усердием,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Где тебя и меня наградили бессмертием –

В этом доме у маяка!..
В этом доме не бренчать моде,
В этом доме не греметь джазам,
Но приходит в этот дом море,
Не волной, а все как есть – разом,
В этот дом у маяка!..

Если враль записной тебе скажет о том,
Что, мол, друг-то ваш был, мол, и „вышедши“ –

Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом!
Я там жду тебя, слышишь! Я жду тебя, слышишь ты?

В этом доме у маяка!..
В этом доме все часы – полдни,
И дурные не черны вести,
Где б мы ни были с тобой – помни:
В этом доме мы всегда вместе –
В этом доме у маяка!..

Если с радостью тихой партком и местком
Сообщат, наконец, о моем погребении,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Где спасенье мое и мое воскресение –

В этом доме у маяка!..

108. ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Памяти А. Блока

Повстречала девчонка Бога –
Бог пил мертвую в монопольке.
Ну, а много ль от Бога прока –
В чертовне и в чаду попойки?

Ах, как пилося к полуночи!
Как в башке гудело!
Как цыгане-сволочи
Пели „Конавэлла”!

„Ай да Конавэлла,
Грэн-традэло,
Ай да йорысака палалховэла!..”

А девчонка сидела с Богом,
К Богу – фасом, а к прочим – боком.
Ей домой бы бежать к папане,
А она чокается шампанью.

„Ах, елочки-мочалочки,
Славно вина пьются
В серебряной чарочке
На золотом блюдце!

Кому чару пить?
Кому здраву быть?
Ко-ро-ле-ви-чу
Алекса́ндро-ви-чу!..”

С самоваров – к чертям полуда!
Чад летал над столами сотью,
А в четвертом часу, под утро,
Бог последнюю кинул сотню.

Бога, пьяного в дугу,
Все теперь цукали,
И цыгане – ни гу-гу,
Разбрелись цыгане.

И друзья, допив до дна, –
Скатертью дорога!
Лишь девчонка та одна
Не бросала Бога.

А девчоночка эта с Охты,
И глаза у ней цвета охры.
Ждет маманя свою кровинку,
А она с Богом сидит в обнимку.

И надменный половой
Шваркал мокрой тряпкой...
Бог с поникшей головой
Горбил плечи зябко.

И просил у цыган: „Хоть слово –
Хоть немножечко, хоть чуть слышно!”
А в ответ ему – жбан рассола:
Понимай, мол, что время вышло!

Вместо водочки – вода,
Вместо пива – пена...
И девчоночка тогда
Тоненько запела:

„Ай да Конавэлла,
Грэн-традэло,
Ай да йорысака палалховэла!..”

Ах, как пела девчонка Богу –
И про поле, и про дорогу,
И про сумерки, и про зори,
И про милых, ушедших в море...

Ах, как пела девчонка Богу!
Ах, как пела девчонка Блоку!..
И не знала она, не знала,
Что бессмертной в то утро стала.

Этот тоненький голос в трактирном чаду
Будет вечно звенеть в „Соловьином саду”!..

109. ГУСАРСКАЯ ПЕСЕНКА

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне.

Тезка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная – „летальная”,
Как сказали бы врачи.

Славно, братцы, славно, братцы, славно,
Братцы егеря,
Славно, братцы егеря – рать любимая царя!

Ах, кивера да ментики!
Ах, соколы-орлы!..
Кому ж вы в сердце метили,
Лепажевы стволы?
Не мне ль вы в сердце метили,
Лепажевы стволы?

А беда явилась за полночь,
Но не пулею в висок –
Просто в путь, в ночную заволочь
Важно тронулся возок.

И не спеть, не выпить водочки,
Не держать в руке бокал...
Едут трое: сам – в середочке,
Два жандарма – по бокам.

Славно, братцы, славно, братцы, славно,
Братцы егеря,
Славно, братцы егеря – рать любимая царя!

Ах, кивера да ментики!
Пора бы выйти в знать!
Но этой арифметики
Поэтам не узнать!
Ни прошлым и ни будущим
Поэтам не узнать!

Где ж друзья, твои ровесники?
Некому тебя спасти!
Началось все дело с песенки,
А потом пошла писать!..

И по мукам, как по лезвию,
Размышляй теперь о том:
То ли броситься в поэзию,
То ли сразу – в желтый дом?..

Славно, братцы, славно, братцы, славно,
Братцы егеря,
Славно, братцы егеря – рать любимая царя!

Ах, кивера да ментики!
Возвышенная речь!..
А все-таки наветики
Страшнее, чем картечь!
Доносы и наветики
Страшнее, чем картечь!

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне.

Но оставь, художник, вымысел,
Нас в герои не крои!
Нам не знамя жребий вывесил –
Носовой платок в крови.

Славно, братцы, славно, братцы, славно,
Братцы егеря,
Славно, братцы егеря – рать любимая царя!

Ах, кивера да ментики –
Нерукотворный стяг!
И дело тут не в метрике:
Столетие – пустяк!
Столетие, столетие,
Столетие – пустяк!

110. МЫ НЕ ХУЖЕ ГОРАЦИЯ

Вы – такие нестерпимо ражие
И такие, в сущности, примерные.
Все томят вас бури вернисажные,
Все шатают паводки премьерные.

Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы.
Ну, а если ни премьер, ни выставок,
Десять метров комната в Останкине!

Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике.
Вот и все. И этого достаточно.

Там стоит картина на подрамнике.
Этого достаточно!

Осудив и совесть, и бесстрашие –
Вроде, не заложишь и не купишь их –
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!

Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени...
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.

Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный.
„Эрика” берет четыре копии.
Вот и все. И этого достаточно.

Пусть пока всего четыре копии.
Этого достаточно!

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии.
Что ни день – фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.

Бродит Кривда с полосы на полосу,
Делится с соседской Кривдой опытом.
Но – гудит напетое вполголоса.
Но – гремит прочитанное шепотом.

Ни партера нет, ни лож, ни яруса.
Клака не безумствует припадочно –
Есть магнитофон системы „Яуза”.
Вот и все. И этого достаточно.

Есть – стоит картина на подрамнике.
Есть – отстукано четыре копии.
Есть – магнитофон системы „Яуза”.
И этого достаточно!

111. ВИНОВНИКИ НАЙДЕНЫ

Может, пяток небывалых рифм
Только и остался что в Венецуэле.
В. Маяковский.
„Разговор с фининспектором
о поэзии”

Установлены сроки и цены,
И в далекий путь между рифмами
Повезли нам из Венецуэлы
Два контейнера с новыми рифмами.

Так с пшеницей и ананасами
Плыли рубленные и дольные,
Современные, ассонансные –
Не какие-нибудь глагольные!

Не снимает радист наушники,
А корабль подплывает к пристани.
Но биндюжники есть биндюжники –
Полбочонка с рифмами свистнули.

Хоть всю землю шагами выстели,
Хоть расспрашивай всех и каждого –
С чем рифмуется слово „истина”,
Не узнать ни поэтам, ни гражданам!

112. ПРОЩАНИЕ С ГИТАРОЙ

Подражание Аполлону Григорьеву

...Чиби́ряк, чиби́ряк, чиби́ряшечка,
Ах, как скушно мне с тобой, моя душечка!

Осенняя, простудная
Печальная пора.
Гитара семиструнная –
Ни пуха, ни пера!

Ты с виду – тонкорунная,
На слух ворожея –
Подруга семиструнная,
Прелестница моя!

Ах, как ты пела смолоду,
Вся – музыка и стать,
Что трудно было голову
С тобой не потерять.

Чиби́ряк, чиби́ряк, чиби́ряшечка!
Ах, как плыла голова, моя душечка!

Когда ж ты стала каяться
В преклонные лета,
И стать не та, красавица,
И музыка не та.

Всё в говорок про странствия,
Про ночи у костра,
Была бы только санкция –
Романтики сестра.

Романтика, романтика
Небесных колеров –
Нехитрая грамматика
Небитых школяров.

Чиби́ряк, чиби́ряк, чиби́ряшечка!
Ах, как скушно мне с тобой, моя душечка!

И вот, как дождь по луночке,
Который год подряд
Всё на одной на струночке,
А шесть других молчат.

И лишь за тем без просыпа
Разыгрываешь страсть,
Что, может, та курносая
„Послушает и дать”...

Так и живешь, бездумная,
В приятности примет,
Гитара однострунная –
Полезный инструмент.

Чибирик, чибирик, чибиришечка!
Ах, не совестно ль тебе, моя душечка?!

Плевать, что стала курвою,
Что стать – под стать блядям!..
Зато номенклатурная!
Зато нужна людям!

А что души касается,
Про то забыть пора!
Ну что ж, прощай, красавица!
Ни пуха, ни пера!

Чибирик, чибирик, чибиришечка!
Что ж, ни пуха, ни пера, моя душечка!

113. ВАЛЬС-БАЛЛАДА ПРО ТЕЩУ ИЗ ИВАНОВА

Ох, ему и всыпали по первое:
По дерьму, спеленатого, волоком!..
Праведные суки, брызжа пеною,
Обзывали жуликом и Поллоком.

Раздавались выкрики и выпады,
Ставились искусно многоточия,
А в конце, как водится, оргвыводы:
Мастерская, договор и прочее...

Он припер вещички в гололедицу –
Все в один упрятал узел драненький,
И свалил их в угол, как поленницу:
И холсты, и краски, и подрамники...

Тонька вмиг слетала за „Кубанскою”,
То да се – яичко, два творожничка...
Он грамм сто принял, заел колбаскою
И сказал, что полежит немножечко.

Выгреб тайно из пальтишка рваного
Нембутал, прикопленный заранее.
А на кухне теща из Иванова –
Ксения Павловна – вела дознание.

За окошком ветер мял акацию,
Билось чье-то сизое исподнее...
„А за что ж его?..” – „Да за абстракцию...”
„Это ж надо! А трезвону подняли!..”

Он откуда родом?” – „Он из Рыбинска...”
„Что рисует?” – „Все натуру разную...”
„Сам еврей?” – „А что?” – „Сиди, не рыпайся!
Вон у Лидки – без ноги да с язвою...”

Курит много?” – „В день – полпачки „Севера”...”
„Лидкин, дьявол, курит вроде некрута.
А у них еще по лавкам – семеро...
Хорошо живете?” – „Лучше некуда!..”

„Лидкин – что ни вечер, то к приятелям:
Займела дура в доме врага!
Значит, окаянный твой с понятием:
В день полпачки „Севера” – недорого!..”

Пить-то пьет?” – „Как все – под воскресенье...”
„Лидкин пьет – вся рожа покарябана.”
Помолчали. Хрустнуло печенье.
И, вздохнув, сказала теща Ксения:
„Ладно уж, прокормим окаянного!..”

114. ВЕЧЕРНИЕ ПРОГУЛКИ

Владимиру Максимоу

Бывали ль вы у Спаса-на-крови?
Там рядом – сад с дорожками. И кущи.
Не прогуляться ль нам на сон грядущий
И поболтать о странностях любви?

Смеркается. Раздолье для котов.
Плывут косые тени по гардине.
И я вам каюсь – шепотом – в гордыне:
Я черт-те в чем покаяться готов!

Пора сменить уставших на кресте,
Пора надеть на свитер эполеты,
И, хоть под старость, выбиться в поэты,
Чтоб ни словечка больше в простоте!

Допустим этак: „Медленней, чем снег,
Плывут усталость – каменная птица.
Как сладко всем в такую полночь спится,
Не спит в часах песочный человек.

О, этот вечно тающий песок!
Немолчный шелест времени и страха,
О, Парка, Парка, – сумрачная пряжа,
Повремени, помедли хоть часок!..”

А ловко получается, шарман!
О, как же эти „О!” подобны эху...
Но, черт возьми, еще открыт шалман!
Вы видите – еще открыт шалман!
Давайте, милый друг, зайдём в шалман!
Бессмертье подождет – ему не к спеху!

Ах, шалман! Гуляй, душа!
Прочь, унынье черное!
Два ученых алкаша
Спорят про ученое:

„Взять, к примеру, мю-мезон –
Вычисляй и радуйся!
Но велик ли в нем резон
В рассужденьях градусуса?!”

Ух, шалман! Пари, душа!
Лопайся, подтяжки!
Работяга не спеша
Пьет портвейн из чашки.

„Все грешны на свой фасон,
Душу всем изранили!
Но уж если ты мезон,
То живи в Израиле!”

Ну, шалман! Ликуй, душа!
Света, Света, Светочка!
До чего же хороша –
Как в бутылке веточка!

Света пиво подает
И смеется тоненько,
Три – пустые – достет
Света из-под столика.

„Это, Света на расчет –
И вперед, в начало!”
Работяга, старый черт,
Машет ручкой: „Чао!..”

Вот он встал, кудрявый черт,
Пальцами шаманя.
Уваженье и почет
Здесь ему, в шалмане!

Он, подлец, мудрец и стоик,
Он прекрасен во хмелю,
Вот он сел за крайний столик
К одинокому хмырю.

„Вы, прошу простить, партийный?
Подтвердите головой!..”
Хмырь кивает.
Работяга улыбается.

„Так и знал, что вы партийный!
Но заходите в питейный
И по линии идейной
Получаетесь, как свой!”

Эй, начальство! Света, брызни!
Дай поярче колорит!
„Наблюдение из жизни!” –
Работяга говорит.

И, окинув взглядом тесный
Зал на сто семнадцать душ,
Он, уже почти что трезвый,
Вдруг понес такую чушь!..

...На троллейбусной остановке
Все толпятся у самой бровки.
И невесело, как в столовке,
На троллейбусной остановке.

Хоть и улица – а накурено,
И похожи все на Никулина –
Ну, того, что из цирка, клоуна.
Так же держатся люди скованно.

Но попробуй у них спроси:
„Где тут очередь на такси?“
А где очередь на такси,
Там одни „пардон“ и „мерси“.

Там грузины стоят с корзинками,
И евреи стоят с грузинками,
И глядят они вслед хитро
Тем, кто ехать решил в метро.

И вдогонку шипят: „Ай-вай!“
Тем, кто топает на трамвай.
А трамвайная остановка –
Там особая обстановка.

„Эй, ты – в брючках, пшено, дешевка,
Ты отчаливай, не форси!
Тут трамвайная остановка,
А не очередь на такси!“

И, платком вместо флага
Сложный выразив сюжет,
Наш прелестный работяга
Вдруг пропел такой куплет:

„А по шоссе на Калуги и Луги
В дачные царства, в казенный уют
Мчатся в машинах народные слуги,
Мчатся – и грязью народ облают!..“

...У хмыря – лицо, как тесто,
И трясется голова.
Но приятный гром оркестра
Заглушил его слова.

Был оркестр из настоящих
Трех евреев – первый сорт!
А теперь упрятан в ящик
Под названием „Аккорд“.

И ведет хозяйство это
Ослепительная Света.

И пускает, в цвет моменту,
Отобрав из сотни лент,
Соответственную ленту
В соответственный момент.

Вот сперва завыли трубы:
Все, мол, в жизни трын-трава!
У хмыря трясутся губы
И трясется голова.

Вот – поддал ударник жару,
Показал, бродяга, класс!
А уж после под гитару
Произнес нахальный бас:

„Доля, доля, злая доля,
Протрубила б ты отбой!
Сверху небо, снизу поле,
Посередке – мы с тобой.

Мы с тобою посередке,
Ты – невеста, я – жених.
Нам на личность по селедке
И пол-литра на двоих.

Мы культурно свет не застим,
Взять судьбу не можем в толк.
И поет нам: „С новым счастьем!“ –
Наш парторг – тамбовский волк.

Он поет – один в гордыне,
Как свидетель на суде:
„С новым счастьем, молодые,
И с успехами в труде!“

И чтоб первенец загукал,
Как положено в семье,
Вам партком отводит угол
В обще...”

Тут, увы, заело ленту –
Отслужила, видно, срок.
Но опять же, в цвет моменту,
Грянул бойкий тенорок:

„Чтоб очи мои повылазили,
Чтобы не видеть мне белого дня,
Напридумали Лазари лазеры
И стараются кончить меня!..”

И шалман зашелся смехом,
Загудел, завыл шалман,
И, частушке вторя, эхом
Об стакан гремит стакан.

Света, Света, добрый друг,
Что же ты примолкла вдруг?
Где твой Лазарь, где твой милый,
Завбуфетом в цвете лет?!Он убит – и взят могилой,
Как сказал один поэт.

Брал он скромно, брал по праву,
Брал не с верхом, а в очко.
Было – заму, было – заму,
Было всем на молочко!

Уносите, дети, ноги!
Не ходите, дети, в лес!
В том лесу живет в берлоге
Лютый зверь – Обехаэс!

Всем вlepили мелочишку,
Все равно как за прогул.
Только Лазарь принял „вышку”,
Даже глазом не моргнул.

Точно так же, как когда-то
Не моргнул и глазом он,
Когда гнал его, солдата,
Дезертир из школы вон:

Мол, не так он учит деток,
Подозрительный еврей,
Мол, не славит пятилеток,
А долдонит про царей...

Заседанье педсовета
Подвело всему итог...
С ним ушла тогда и Света –
Физкультурный педагог.

Что ты, что ты, что ты, что ты,
Что ты видишь сквозь туман?
Как мотались без работы?
Как устроились в шалман?

Как, без голоса, кричала
В кислом зале горсуда?..
Эй, не надо все сначала,
Было – сплыло навсегда!
Было – сплыло...

Тут линяет гром оркестра –
Мал в шалмане габарит.
И опять, оркестра вместо,
Работяга говорит

(А в руке гуляет кружка,
И смеется левый глаз):
„Это все была петрушка,
А теперь пойдет рассказ...

Мы гибли на фронте,
Мы хрипли в комбеде.
А вы нас вели
От победы – к победе!

Нам бабы кричали: „Водичку попейте!
Умойтесь, поешьте, поспите хоть ночку!”
А вы нас вели от победы к победе,
И пуля свинцовая ставила точку.

Мы землю долбили, мы грызли железо,
Мы грудь подставляли под дуло обреза.
А вы, проезжая в машине „Победе”,
В окно нам кричали: „Достройте! Добейте!”

И мы забывали о сне и обеде,
И вы нас вели от победы – к победе!

А вы „Победы” меняли на „Волги”,
А после „Волги” меняли на „ЗИМы”,
А после „ЗИМы” меняли на „Чайки”,
А после „Чайки” меняли на „ЗИЛы”...

А мы надрывались, долбили, грузили!..

И вот уже руки повисли, как плети,
И ноги не ходят, и волосы седы.
А вы нас вели от победы – к победе,
И тосты кричали во славу победы:

„Ну, пусть не сегодня, так завтра, так в среду!
Достройте! Добейте! Дождем! Приурочим!”
А мы, между прочим, а мы, между прочим,
Давно положили на вашу победу!..”

Хмырь зажал рукою печень,
Хмырь смертельно побледнел.
Даже хмырь – и тот не вечен,
Есть для каждого предел.

Работяга (в кружке пена),
Что ж ты, дьявол, совершил?!

Ты ж действительного члена
Нашу партию лишил!

И пленительная Света,
Сандалетами стуча,
Срочно стала из буфета
Вызывать в шалман врача...

Какая ночь! Как улицы тихи!
Двенадцать на часах Аэрофлота.
И кажется – дойдешь до поворота,
И потекут бессмертные стихи!

115. ДЕРЕВЯННЫЙ КОНЬ

В майский вечер, пронзительно-дымный,
Всех побегов герой, всех погонь,
Как он мчал, бесноватый и дивный,
С золотыми копытами конь!..

Как металась косматая грива
На ветру – языками огня.
Как звенела цыганская гривна,
Заплетенная в гриву коня!

Воплощенье веселого гнева,
Не крещенный позорным кнутом,
Как он мчал – все налево, налево,
И скрывался из виду потом.

Он нам снился, мальчишкам, ночами,
Как живой – от копыт до седла...
Впрочем, все это было вначале,
А начало прекрасно всегда!

Но приходит с годами прозренье,
И томит наши души оно,
Словно трезвое горькое зелье
Подливают в хмельное вино!..

Гривы наших коней полысели,
И погашен волшебный огонь,
Лишь кружит на своей карусели
Деревянный раскрашенный конь.

Ни печалей не зная, ни гнева,
По-собачьи виляя хвостом,
Он топчет налево, налево,
И направо, направо потом.

И наглец, прохиндей, белоручка,
Медяками в кармане звеня,
Карусельщик, хитрющая штучка,
Знай, гоняет по кругу коня.

XIII *Рожденным медаленосителями
не быть никогда просителями*

В круглый мир, намалеванный кругло,
Круглый вход охраняет конвой,
И топочет дурацкая кукла,
И кружит деревянная кукла,
Притворяясь живой!

ГЛАВА XIII.

РОЖДЕННЫМ МЕДАЛЕНОСИТЕЛЯМИ НЕ БЫТЬ НИКОГДА ПРОСИТЕЛЯМИ

116. БОЛЬНИЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА

А начальник все спяну – о Сталине,
Все хватает баранку рукой...
А потом нас, конечно, доставили
Санитары в приемный покой.

Сняли брюки с меня и кожаночку,
Все мое покидали в мешок,
И прислали Марусю-хожалочку,
Чтоб дала мне живой порошок.

А я твердил, что я здоров,
А если ж – печки-лавочки,
То в этом лучшем из миров
Мне все – давно до лампочки!

Мне все равно,
Мне все давно
До лампочки!

Вот лежу я на койке, как чайничек,
Злая смерть надо мною кружит,
А начальникек мой, а начальникек –
Он в отдельной палате лежит.

Ему нянечка шторку повесила –
Создают персональный уют,
Водят к гаду еврея-профессора,
Передачи из дому дают.

А там – икра, и там – вино,
И сыр, и печки-лавочки,
А мне – больничное говно,
Хоть это и до лампочки!

Хоть все равно
Мне все давно
До лампочки!

Я с обеда для сестрина мальчика
Граммов сто отолью киселю –
У меня ж ни кола, ни калачика,
Я с начальством харчи не делю!

Я возил его, падлу, на „Чаечке” –
И к Маргошке возил, и в Фили...
Ой вы, добрые люди, начальнички –
Соль и слава родимой земли!

Не то он зав, не то он зам,
Не то он печки-лавочки.
А что мне зам? Я сам с усам,
И мне чины – до лампочки!

Мне все чины
До ветчины,
До лампочки!

Надеваю я утром пижамочку,
Выхожу покурить в туалет
И встречая Марусю-хожалочку,
„Сколько зим, – говорю, – сколько лет!

Доложи, – говорю, – обстановочку!”
А она отвечает не в такт:
„Твой начальничек дал упаковочку –
У него получился инфаркт...”

На всех больничных корпусах –
И шум, и печки-лавочки,
А я стою – темно в глазах,
И как-то все – до лампочки!

И как-то вдруг
Мне все вокруг
До лампочки!

Да, конечно, гражданка – гражданочкой,
Но когда воевали, братва,
Мы с ним вместе под этой кожаночкой
Ночевали не раз и не два.

И тянули спиртягу из чайника,
Под обстрел загорали в пути...
Нет, ребята, такого начальника
Нам, конечно, уже не найти!

Не слезы это, а капель,
И все – и печки-лавочки!
И мне теперь, мне все теперь
Фактически – до лампочки!

Мне все теперь,
Мне все теперь –
До лампочки!

117. НЕОКОНЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Старики управляют миром,
Суетятся, как злые мыши.
Им по справке, выданной МИДом,
От семидесяти и выше.

Откружили в боях и в вальсах,
Отмололи годам продленье...
И в сведенных подагрой пальцах
Держат крепко бразды правленья.

По утрам их терзает кашель,
И поводят глазами шало
Над тарелками с манной кашей
Президенты Земного шара.

Старики управляют миром,
Где обличья – подобны маскам,
Пахнут вёсны – яичным мылом,
Пахнут зимы – камфарным маслом.

В этом мире – ни слов, ни сути,
В этом мире – ни слез, ни крови...
А уж наши с тобою судьбы
Не играют и вовсе роли!

Им важнее – где рваться минам!..
Им важнее – где быть границам!..
Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится!

А девчонка гуляет с милым,
А в лесу раскричалась птица...
Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится!

А в саду набухает завязь,
А мальчишки трубят: „По коням!“,
И острее, чем совесть, – зависть
Старикам не дает покоя.

Грозный счет покоренным милям
Отчеркнет пожелтевший ноготь.
Старики управляют миром,
А вот сладить со сном – не могут!

118. КАНАРЕЕЧКА ЖАЛОБНО ПОЕТ...

Кто разводит безгласных рыбок,
Кто, забавник, свистит в свирельку,
А я поеду на Птичий рынок
И куплю себе канарейку.

Все полста отваяю, не гривну,
Привезу ее, суку, на дом,
Обучу канарейку гимну,
Благо, слов никаких не надо.
Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет...

Канареечка-канарейка,
Птица малая – вроде мухи.
А кому судьба – карамелька,
А кому́дна – одни мухи.

Не в Сарапуле и не в Жиздре,
Жил в Москве я – в столице Мира.
А что видел я в этой жизни,
Окромя веревки и мыла?!
Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет...

Но сносил я полсотни тапок,
Был загубленным, был спасенным.
А мне, глупому, лучше б в табор –
Лошадей воровать по селам!..

Прохиндей, шарлатан, провидец,
Я б в веселый час под забором –
Я б на головы всех правительств
Положил бы свой ... с прибором!
Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет...

119. АБСОЛЮТНО ЕРУНДОВАЯ ПЕСНЯ

(антипесня)

Собаки бывают дуры,
И кошки бывают дуры,
Но дурист не отражается
На стройности их фигуры.

Не в глупости и не в дикости –
Все дело в статях и прикусе!
Кто стройны – те достойные!
А прочие – на-ка выкуси!

И важничая, как в опере,
Шагают суки и кобели,
Позвякивают медальками,
Которыми их сподобили.

Шагают с осанкой гордою,
К любому случаю годною,
Посматривают презрительно
На тех, кто не вышел мордою.

Рожденным медаленосителями
Не быть никогда просителями!
Самой судьбой им назначено
В собачьем сидеть президиуме!

Собаки бывают дуры,
И кошки бывают дуры –
И им по этой причине
Нельзя без номенклатуры!

120. ЗА СЕМЬЮ ЗАБОРАМИ

Мы поехали за город,
А за городом – дожди,
А за городом – заборы,
За заборами – вожди.

Там трава несмятая,
Дышится легко,
Там конфеты мятные,
Птичье молоко.

За семью заборами,
За семью запорами –
Там конфеты мятные,
Птичье молоко.

Там и фауна, и флора,
Там и галки, и грачи.
Там глядят из-за забора
На прохожих стукачи.

Ходят вдоль да около,
Кверху воротник,
А сталинские соколы
Кушают шашлык.

За семью заборами,
За семью запорами
Сталинские соколы
Кушают шашлык.

А ночами, а ночами
Для ответственных людей,
Для высокого начальства
Крутят фильмы про блядей.

И, сопя, уставится
На экран мурло:
Очень ему нравится
Мерилин Монро.

За семью заборами,
За семью запорами
Очень ему нравится
Мерилин Монро.

Мы устали с непривычки,
Мы сказали: „Боже мой!”
Добрели до электрички
И поехали домой.

А в пути по радио
Целый час подряд
Нам про демократию
Делали доклад.

А за семью заборами,
За семью запорами,
Там доклад не слушают –
Там шашлык едят!

121. СЛУШАЯ БАХА

М. Ростроповичу

На стене прозвенела гитара,
Зацвели на обоях цветы...
Одиночество Божьего дара –
Как прекрасно и горестно ты!

Есть ли в мире волшебней, чем это,
Всей доуке земной вопреки,
Одиночество звука и цвета,
И паденья последней строки?

Отправляется небыль в дорогу,
И становится былью потом.
Кто же смеет указывать Богу
И заведовать Божьим путем?

Но к словам, оgranенным строкою,
Но к холсту, превращенному в дым,
Так легко прикоснуться рукою –
И соблазн этот так нестерпим!

И не знают вельможные каты,
Что не всякая близость близка,
И что в храм ре-минорной токкаты
Недействительны их пропуски!

122. ОПЫТ НОСТАЛЬГИИ

Мурка, не худи, там сыч
На подушке вышит!

А. А. Ахматова

Не жалею ничуть, ни о чем, ни о чем не жалею,
Ни границы над сердцем моим не вольны, ни года!
Так зачем же я вдруг, при одной только мысли шалею,
Что уже никогда, никогда... Боже мой, никогда!..

Погоди, успокойся, подумай – а что – никогда?
Широт заполярных метели, Тарханы, Владимир, Ирпень
Как много мы недоглядели,
Не поздно ль казнитья теперь?!

Мы с каждым мгновеньем бессильней,
Хоть наша вина – не вина.
Над блочно-панельной Россией,
Как лагерный номер, – луна.

Обкомы, горкомы, райкомы,
В подтеках снегов и дождей,
В их окнах, как бельма трахомы
(Давно никому не знакомы),
Безликие лики вождей.

В их залах прокуренных – волки
Пинают людей как собак.
А после те самые волки
Усядутся в черные „Волги”,
Закурят вирджинский табак.

И дач государственных охра
Укроет посадских светил,
И будет мордастая ВОХРа
Следить, чтоб никто не следил.

И в баньке, протопленной жарко,
Запляшет косматая чудь...
Ужель тебе этого жалко?
Ни капли не жалко! Ничуть!

Я не вспомню, клянусь, я и первые годы не вспомню,
Севастопольский берег, почти небывалая быть.
И таинственный спуск в Херсонесскую каменоломню,
И на детской матроске – Эллады певучая пыль.

Я не вспомню, клянусь!
Ну, а что же я вспомню?

А что же я вспомню? Усмешку
На гадком чиновном лице,
Мою неуклюжую спешку
И жалкую ярость в конце.

Я в грусть по березкам не верю,
Разлуку слезами не мерь.
И надо ли эту потерю
Приписывать к счету потерь?

Как каменный лес, онемело
Стоим мы на том рубеже,
Где тело – как будто не тело,
Где слово – не только не дело,
Но даже не слово уже.

Идут мимо нас поколенья,
Проходят и машут рукой.
Презренье, презренье, презренье
Дано нам, как новое зренье
И пропуск в грядущий покой!

А кони? Крылатые кони,
Что рвутся с гранитных торцов,
Разбойничий посвит погони,
Игрушечный звон бубенцов?

А святки? А прядь полушалка,
Что жарко спадает на грудь?
Ужель тебе этого жалко?
Не очень... А впрочем – чуть-чуть!

Но тает февральская свечка,
Но спят на подушке сычи,
Но есть еще Черная речка,
Но есть еще Черная речка,
Но – есть – еще – Черная речка...
Об этом не надо! Молчи!

XIV

Я ведь все равно
по мертвым не плачу

ГЛАВА XIV.
Я ВЕДЬ ВСЕ РАВНО ПО МЕРТВЫМ НЕ ПЛАЧУ

123. УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

Памяти Фриды Вигдоровой

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни – в никуда, а другие – в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.

Не спешите сообщить по секрету,
Я не верю вам, не верю, не верю!
Но приносят на рассвете газету –
И газета подтверждает потерю!

Знать бы загодя, кого сторониться,
А кому была улыбка причастьем!..
Есть – уходят на последней странице,
Но которые на первых – не чаще.

Уходят, уходят, уходят друзья,
Каюк одному, а другому – стезя.
Такой по столетию ветер гудит,
Что косит своих и чужих не щадит!
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.

Мы мечтали о морях-океанах,
Собирались прямиком на Гавайи.
И, как спятивший трубач, спозаранок
Уцелевших я друзей созываю.

Я на ощупь, и на вкус, и по весу
Учиняю им поверку. Но вскоре
Вновь приносят мне газету-повестку
К отбыванию повинности горя.

Уходят, уходят, уходят друзья,
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях.
Им право – не право! Им совесть – пустяк!
Одни наплюют, а другие простят...
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.

И когда потеря громом крушенья
Всю планету полоснула по сердцу,
Не спешите сообщить в утешенье,
Что немало есть потерь по соседству.

Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стертый –
Я ведь все равно по мертвым не плачу:
Я ж не знаю – кто живой, а кто мертвый...

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни – в никуда, а другие – в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.

124. САЛОННЫЙ РОМАНС

Памяти А. Вертинского

И вновь эти вечные трое
Играют в преступную страсть.
И вновь эти греки из Трои
Стремятся Елену украсть.

А сердце сжимается больно,
Виски малярийно мокры –
От этой игры треугольной,
Безвыигрышной этой игры.

Развей мою смуту жалейкой,
Где скрыты лады под корой,
И спой, как под старой шинелькой
Лежал сероглазый король.

В беспамятстве дедовских кресел
Глаза я закрою – и вот
Из рыжей Бразилии крейсер
В кисейную гавань плывет.

А гавань созвездия множит,
А тучи – летучей грядой...
Но век не вмешаться не может!
А норв у века крутой!

Он судьбы смешает, как фанты,
Ему ералаш – по душе!
И вот он враля-лейтенанта
Назначит морским атташе.

На карте истории некто
Возникнет, подобно мазку,
И правнук лилового негра
За займом приедет в Москву.

И все ему даст непременно
Тот некто, который – никто,
И тихая пани Ирена
Наденет на негра пальто.

И так этот мир разутюжен,
Что чёрта ли нам на рожон?!
Нам ужин прощальный – не ужин,
А сто пятьдесят под боржом.

А трое... Ну, что же, что трое?
Им равное право дано!
А Троя... Разрушена Троя –
И это известно давно!

Все предано праху и тлену,
Ни дат не осталось, ни веж...
А нашу Елену – Елену
Не греки украли, а век!

125. БЕССМЕРТНЫЙ КУЗЬМИН

„Отечество нам Царское Село...“

А. Пушкин

„Эх, яблочко, куда годишься...“

Из песни

...Покатились всячины и разности,
Поднялось неладное со дна!
– Граждане. Отечество в опасности –
Граждане. Отечество в опасности!
Граждане, Гражданская война!

Был май без края и конца,
Жестокая весна.
И младший брат, сбежав с крыльца,
Сказал: „Моя вина!“

У Царскосельского дворца
Стояла тишина,
И старший брат, сбежав с крыльца,
Сказал: „Моя вина!“

И камнем в омут ледяной
Упали те слова...
На брата брат идет войной,
Но шелестит над их виной
Забвенья трин-трава...

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич выпил рюмку „хлебного”.
А потом Кузьма Кузьмич закусил севрюжкой,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что как истый патриот, верный сын Отечества
Он обязан известить власти предержавшие...

А где вы шли – там дождь свинца,
И смерть, и дело дрянь...
Летела с тополей пыльца
На бронзовую длань –

Там, в Царскосельской тишине,
У берега сонных вод...
И нет как нет конца войне,
И скоро – мой черед...

...Было небо в голубиной ясности,
Но сердца от холода свело:
– Граждане, Отечество в опасности,
Граждане, Отечество в опасности:
Танки входят в Царское Село!

А чья вина? Ничья вина!
Не верь ничьей вине,
Когда по всей земле война
И вся земля в огне!

Пришла война – моя вина,
И вот за ту вину
Меня песочит старшина,
Чтоб понимал войну.

Меня готовит старшина
В грядущие бои...
И сто смертей сулит война,
Моя война, моя вина,
И сто смертей мои.

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич принял стопку чистого,
А потом Кузьма Кузьмич закусил огурчиком,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что как истый патриот, верный сын Отечества
Он обязан известить дорогие „органы” ...

А где мы шли, там дождь свинца,
И смерть, и дело дрянь...
Летела с тополей пыльца
На бронзовую длань,

У Царскосельского дворца,
У замутненных вод...
И нет как нет войне конца,
И скоро – твой черед!..

Снова, снова – громом среди праздности,
Комом в горле, пулею в стволе:
– Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Отечество в опасности:
Наши танки на чужой земле!

Вопят прохвосты-петухи,
Что виноватых нет!..
Но за вранье и за грехи
Тебе держать ответ!

За каждый шаг и каждый сбой
Тебе держать ответ!
А если нет, так черт с тобой:
На нет и спроса нет!

Тогда опейся допьяна
Похлебкою вранья!
И пусть опять – моя вина,
Моя вина, моя война,
И смерть опять моя...

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич хлопнул сто „молдавского”,
А потом Кузьма Кузьмич закусил селедочкой,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что как истый патриот, верный сын Отечества
Он обязан известить всех, кого положено...

И не поймешь, кого казим,
Кому поем хвалу?..
Идет Кузьма Кузьмич Кузьмин
По Царскому Селу.

В прозрачный вечер у дворца –
Покой и тишина...
И с тополей летит пыльца
На шляпу Кузьмича...

126. ОШИБКА

Мы похоронены где-то под Нарвой, под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой, мы были – и нет.
Так и лежим, как шагали, – попарно, попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, – попарно, и общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка, побудка, побудка,
И не тревожит ни враг, ни побудка померзших ребят...
Только однажды мы слышим, как будто, как будто, как будто,
Только однажды мы слышим, как будто вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие, такие, сякие,
Что ж подымайтесь, такие-сякие, ведь кровь – не вода!
Если зовет своих мертвых Россия, Россия, Россия,
Если зовет своих мертвых Россия, так значит – беда!

Вот мы и встали в креслах да в нашивках, в нашивках, в нашивках,
Вот мы и встали в крестах да в нашивках, в снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка, ошибка, ошибка,
Смотрим и видим, что вышла ошибка – и мы ни к чему!..

Где полегла в сорок третьем пехота, пехота, пехота,
Где полегли в сорок третьем пехота без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота, охота, охота,
Там по пороше гуляет охота, трубят егеря.

127. БАЛЛАДА О ВЕЧНОМ ОГНЕ

Посвящается Льву Копелеву

„Неизвестный”, увенчанный славою бранной!
Удалец-молодец или горе-провидец?!
И склоняют колени под гром барабанный
Перед этой загадкою главы правительств.

Над немymi могилами воплем – надгробья.
Но порою надгробья – не суть, а подобья.
Но порой вы не боль, а тщеславье храните,
Золоченые буквы на черном граните.

Все ли про то спето?
Все ли навек – с болью?
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

Пой же, труба, пой же,
Пой о моей Польше!
Пой о моей маме –
Там, в выгребной яме...

Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка!
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка!
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!..

А купцы приезжают в Познань,
Покупают меха и мыло.
Подождите, пока не поздно!
Не забудьте, как это было!

Как нас черным огнем косило
В той последней слепой атаке.
„Маки, маки на Монте-Кассино” –
Как мы падали в эти маки.

Ну, а в Познани – все красиво,
И шуршат то рубли, то марки...
„Маки, маки на Монте-Кассино” –
Ах, как вы почернели, маки!

Но зовет труба в рукопашный
И приказывает: „Войте!“
Пой же, пой нам о самой страшной,
Самой твердой в мире валюте!

Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка!
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка!
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!..

Помнишь, как шел ошалелый паяц
Перед шеренгой на апельплац?
Тум-балалайка, шпил балалайка –
В газовой камере мертвые в пляс...

А вот еще:
В мазурочке,
То шагом, то ползком
Отправились два „урочки“
В поход за „языком“.

В мазурочке, в мазурочке,
Нафабрены усы.
Затикали в подсумочке
Трофейные часы.

Мы пьем, гуляем в Познани
Три ночи и три дня.
Ушел он неопознанный,
Засек патруль меня.

Ой, зори бирюзовые!
Закаты – анилини!..
Пошли мои кирзовые
На город на Берлин.

Грома гремят басовые
На линии огня.
Идут мои кирзовые,
Да только без меня!

Там, у речной излучины, –
Зеленая кровать,
Где спит солдат обученный,
Обстрелянный, обученный
Стрелять и убивать.

...Среди пути прохожего –
Последний мой постой.
Лишь нету, как положено,
Дощечки со звездой.

Ты не печалься, мама родная!
Ты спи спокойно, почивай!
Прости-прощай, разведка ротная!
Товарищ Сталин, прощевай!

Ты не кручинься, мама родная!
Как говорят – судьба слепа:
И, может, статься, что народная
Не зарастет ко мне тропа!

А еще:
Где бродили по зоне каэры,
Где под снегом искали гнилые коренья, –
Перед этой землей никакие премьеры,
Подтянувши штаны, не преклонят колени.

Над сибирской Окою, над Камой, над Обью
Ни знамен, ни венков не положат к надгробью.
Лишь, как вечный огонь, как нетленная слава –
Штабеля, штабеля, штабеля лесосплава...

Позже, друзья, позже
Кончим навек с болью!
Пой же, труба, пой же,
Пой и зови к бою!

Медною всей плотью
Пой про мою Потьму!
Пой о моем брате –
Там, в Ледяной Пади...

Ах, как зовет эта горькая медь
Встать, чтобы драться! Встать, чтобы сметь!..
Тум-балалайка, шпил балалайка
Песню, с которой шли вы на смерть!

Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка!
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка!
Тум-балалайка, шпил балалайка –
Рвется и плачет сердце мое!..

128. МАРШ МАРОДЕРОВ

Впали в сон победители. И выставили дозоры.
Но спать и дозорным хочется, а прочее – трын-трава!
И тогда в покоренный город вступаем мы – мародеры,
И мы диктуем условия и предъявляем права!

Слушайте марш мародеров!
(Скрип сапогов по гравии.)
Славьте нас, мародеров,
И веселую нашу армию!
Слава, слава, слава нам!

Спешат уцелевшие жители, как мыши, забиться в норы,
Девки рядятся старухами и ждут благодатной тьмы.
Но нас они не обманут, потому что мы – мародеры,
И куда спят победители – хозяева в городе мы!

Слушайте марш мародеров!

Двери срывайте с петель, тащите ковры и шторы,
Все пригодится – и денежки, и выпивка, и жратва!
Ах, до чего же весело гуляем мы, мародеры!
Ах, до чего же веские придумываем слова!

Слушайте марш мародеров!

Сладко спят победители, им снятся золотые горы,
Им снятся Знамя Победы, рябое от рваных дыр.
А нам и поспать-то некогда, потому что мы – мародеры.
Но, спятив с ума от страха, нам рукоплещет мир!

Слушайте марш мародеров!

И это еще не главное – главного вы не видели:
Будет утро и солнце в праздничных облаках,
Горнист протрубит побудку, сон стяхнут победители –
И увидят, что Знамя Победы не у них, а у нас в руках!

Слушайте марш! Марш!

И тут уж нечего спорить! Пустая забава – споры!
Когда улягутся страсти и развеется бранный дым,
Историки разберутся – кто из нас мародеры,
А мы-то уж им подскажем! А уж мы-то их просветим!

Слушайте марш победителей!

Играют оркестры марши над пропастью плац-парада,
Девки машут цветами. Строй нерушим и прям.
И, стало быть, – все в порядке! И, стало быть, – всё как надо:
Вам, мародерам, – пуля! А девки и марши – нам!

Слушайте марш победителей!

(Скрип сапогов по гравиию.)

Славьте нас победителей,

И великую нашу армию!

Слава, слава, слава нам!

129. ПЕСНЯ О ТБИЛИСИ

На холмах Грузии лежит ночная мгла...

А. С. Пушкин

Я не сумел понять Тебя в тот раз,
Когда в туманы зимние оправлен,
Ты убегал от посторонних глаз,
Но все же был прекрасен без прикрас,
И это я был злобою отравлен.

И Ты меня провел на том пиру,
Где до рассвета продолжалось бденье,
А захмелел – и головой в Куру,
И где уж тут заметить поутру
В глазах хозяйки скучное презренье!

Вокруг меня сомкнулся, как кольцо,
Твой вечный шум в отливах и приboях.
Потягивая кислое вино,
Я узнавал усатое лицо
В любом пятне на выцветших обоях.

И вновь зурна вступала в разговор,
И вновь с бокалом истоиво и пылко
Болтает вздор подонок и позер...
А мне почти был сладок Твой позор,
Твоя невиноватая ухмылка.

И в самолете, по пути домой,
Я наблюдал злорадно, как грузины
В Москву, еще объятую зимой,
Везут мешки с оранжевой хурмой
И с первую мимозою корзины.

И я не понял, я понять не мог,
Какую Ты торжествовал победу,
Какой Ты дал мне гордости урок,
Когда кружил меня, сбивая с ног,
По ложному, придуманному следу!

И это все – и Сталин, и хурма,
И дым застоля, и рассветный кочет, –
Все для того, чтоб не сойти с ума,
А суть Твоя является сама,
Но лишь когда сама того захочет!

Тогда тускнеют лживые следы,
И начинают раны врачеваться,
И озаряет склоны Мтацминды
Надменный голос счастья и беды,
Нетленный голос Нины Чавчавадзе.

Прекрасная и гордая страна!
Ты отвечаешь шуткой на злословье.
Но криком вдруг срывается зурна,
И в каждой капле кислого вина
Есть неизменно сладкий привкус крови!

Когда дымки плывут из-за реки,
И день дурной синоптики пророчат,
Я вижу, как горят черновики!
Я слышу, как гудят грузовики!
И сапоги охранников грохочут –

И топчут каблуками тишину,
И женщины не спят, и плачут дети,
Грохочут сапоги на всю страну!
А Ты приемлешь горе, как вину,
Как будто только Ты за все в ответе!

Не остывает в кулаке зола,
Все в мерзлый камень памятью одето,
Все, как удар ножом из-за угла...
„На холмах Грузии лежит ночная мгла...“
И как еще далёко до рассвета!

130. ВАЛЬС, ПОСВЯЩЕННЫЙ УСТАВУ КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Поколение обреченных –
Как недавно и, ох, как давно
Мы смешили смешливых девчонок,
На протырку ходили в кино.

Но подул сорок первого ветер –
Вот и стали мы взрослыми вдруг,
И вколачивал шкура-ефрейтор
В нас премудрость науки наук.

О суконная прелесть устава!
И во сне позабыть не моги,
Что любое движенье направо
Начинается с левой ноги!

А потом в разноцветных нашивках
Принесли мы гвардейскую статью
И женились на разных паршивках,
Чтобы все поскорей навестать.

И по площади Красной, шалея,
Мы шагали – со славой на „ты“, –
Улыбался нам Он с Мавзолея,
И охрана бросала цветы.

Ах, как шаг мы печатали bravo,
Как легко мы прощали долги,
Позабыв, что движенье направо
Начинается с левой ноги!

Что же вы присмирели, задиры?
Не такой вам мечтался удел!
Как пошли вас судить дезертиры –
Только пух, так сказать, полетел:

– Отвечай, солдат, как есть на духу,
Отвечай, солдат, как есть на духу.
Отвечай, солдат, как есть на духу!
Ты кончай, солдат, нести чепуху:

Что от Волги, мол, дошел до Белграда,
Не искал, мол, ни чинов, ни разживы...
Так чего же ты не помер, как надо,
Как положено тебе по ранжиру?

Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат:
„Ну, не вышло помереть – виноват!

Виноват, что не загнулся от пули –
Пуля-дура не в того угодила.
Это ж вроде как с медалями в ПУРе:
Вот и пули на меня не хватило!

– Все морочишь, нас, солдат, стариной,
Все морочишь, нас, солдат, стариной,
Все морочишь нас, солдат, стариной –
Бьешь на жалость, гражданин строевой!

Ни деньжат, мол, ни квартирки отдельной –
Ничего, мол, нет такого в заводе.
И один ты, значит, вроде, идейный,
А другие, значит, вроде Володи?!

Ох, лютует прокурор-дезертир,
Ох, лютует прокурор-дезертир,
Ох, лютует прокурор-дезертир –
Припечатает годкам к десяти!..

Ах, друзья ж вы мои, дуралеи –
Снова в грязь непролазных дорог...
Заколенные параллели
Преподали нам славный урок:

Не делить с подонками хлеба!
Перед лестью не падать ниц!
И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбки сиятельных лиц!

Пусть опять нас тетёшкает слава,
Пусть друзьями назвались враги –
Помним мы, что движенье направо
Начинается с левой ноги!

131. СЪЕЗДУ ИСТОРИКОВ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ

Полмира в крови, и в развалинах век,
И сказано было недаром:
„Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам...”

И эти, звенящие медью, слова
Мы все повторяли не раз и не два.
Не раз и не два, не раз и не два,
Не раз и не два!

Но как-то с трибуны большой человек
Воскликнул с волнением и жаром:
„Однажды задумал предатель Олег
Отмстить нашим братьям-хазарам...”

Уходят слова – и приходят слова.
За правдою правда вступает в права.
Вступает в права, вступает в права,
Вступает в права!

Сменяются правды, как в оттепель снег,
И скажем, чтоб кончилась смута:
„Каким-то хазарам какой-то Олег
За что-то отмстил почему-то...”

И этот марксистский подход к старине
Давно применяется в нашей стране!
Он нашей стране пригодился вполне!
И вашей стране пригодится вполне –
Поскольку вы тоже в таком же говне!
Он вам пригодится вполне!

132. ПОХОДНЫЙ МАРШ

Снова даль предо мной неоглядная,
Ширь степная и неба лазурь.
Не грусти ж ты, моя ненаглядная,
И бровей своих темных не хмурь!

Вперед, за взводом взвод,
Труба боевая зовет!
Пришел из Ставки
Приказ к отправке –
И, значит, нам пора в поход!

В утро дымное, в сумерки ранние,
Под смешки и под пушечный бах
Уходили мы в бой и в изнание
С этим маршем на пыльных губах.

Вперед, за взводом взвод,
Труба боевая зовет!
Пришел из Ставки
Приказ к отправке –
И, значит, нам пора в поход!

Не грустите ж о нас, наши милые,
Там, далёко, в родимом краю!
Мы всё те же – домашние, мирные,
Хоть шагаем в солдатском строю.

Вперед, за взводом взвод,
Труба боевая зовет!
Пришел из Ставки
Приказ к отставке –
И, значит, нам пора в поход!

Будут зори сменяться закатами,
Будет солнце катиться в зенит –
Умирать нам, солдатам, солдатами,
Воскресать нам – одетым в гранит.

Вперед, за взводом взвод,
Труба боевая зовет!
Пришел из Ставки
Приказ к отправке –
И, значит, нам пора в поход!

133. ПАМЯТИ ДОКТОРА ЖИВАГО

„Два вола, впряженные в арбу,
медленно подымались на крутой
холм. Несколько грузин сопро-
вождали арбу. „Что везете? – спро-
сил я. – „Грибоеда.“

А. С. Пушкин
„Путешествие в Арзрум“

Опять над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови.
И это уже не татары,
Похуже Мамая – свои.

В предчувствии гибели низкой
Октябрь разыгрался с утра.
Щепочкой по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера.

Не надо! Оставьте! Отставить! –
Мы загодя знаем итог!
А снегу придется растаять
И с кровью уплыть в водосток.

Но катится снова и снова
„Ура!“ сквозь глухую пальбу,
И челка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу.

Из окон, ворот, подворотен
Глядит, притаясь, дребедень.
А суть мы потом наворотим!
И тень наведем на плетень!

И станет далекое – близким,
И кровь притворится водой,
Когда по Ямским и Грузинским
Покой обернется бедой.

И станет преступное дерзким,
И будет обидно, хоть плачь,
Когда протрусит Камергерским
В испарине страха лихач.

Свернет на Тверскую к Страстному,
Трясая, матерясь и дрожа,
И это положат в основу
Рассказа о днях мятежа.

А ты до беспамятства рада –
У Иверской купишь цветы,
Сидельцев Охотного ряда
Поздравишь с победою ты.

Ты скажешь: „Пахнуло озоном –
Трудящимся дали права!”
И город малиновым звоном
Ответит на эти слова.

О, Боже мой! Боже мой! Боже!
Кто выдумал эту игру?!
И снова погода, похоже,
Испортиться хочет к утру.

Предвестьем Всевышнего гнева
Посыпется с неба крупа,
У церкви Бориса и Глеба
Сойдется в молчанье толпа.

И тут ты заплачешь. И даже
Пригнешься от боли тупой.
А кто-то, нахальный и ражий,
Взмахнет картузом над толпой.

Нахальный. воинственный, ражий –
Пойдет баламутить народ...
Повозки с кровавой поклажей
Скрипят у Никитских ворот.

Так вот она – ваша победа,
Заря долгожданного дня!..
Кого там везут? Грибоеда.
Кого отпевают? Меня.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Стр. 4. **Литфонд** (*Литературный фонд – полное название: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым*) – литературно-бытовая организация, созданная в 1937 году при Союзе писателей СССР. Литфонд выдает пособия нуждающимся писателям, организует творческие командировки, содействует улучшению жилищных условий.
- Стр. 5. **Вифлеем** – город в Палестине, где по библейскому преданию родился Иисус Христос.
Благовещение – религиозный христианский праздник, отмечаемый 25 марта. В этот день архангел Гавриил возвестил деве Марии „непорочное зачатие“.
Вертеп – пещера.
Волхв – мудрец, чародей, колдун, ворожея.
Шутиха – ракета для праздничного фейерверка.
Осанна (евр.) – спаси, охрани.
- Стр. 7. **Иоанн, Матфей** – ученики-апостолы Христа.
Гефсиман – в Гефсиманском саду, на окраине Иерусалима, в свою последнюю ночь на свободе, узнав в предстоящих ему тяжелых испытаниях, Иисус Христос обратился с мольбой к Богу освободить его от такой участи, но Бог остался непреклонен.
Варрваа – разбойник, осужденный на казнь вместе с Христом, но помилованный и освобожденный от наказания.
Предтеча – человек, явлением своим предшествующий кому-либо.
Расхожий – общеизвестный, широко распространенный.
- Стр. 9. **Серго** (*Орджоникидзе Григорий Константинович, 1886–1937*) – видный государственный советский деятель, соратник И. Сталина. Покончил жизнь самоубийством (застрелился).
Кацо – обращение к мужчинам в Грузии.
- Стр. 10. **Отточья** – ряд точек, поставленных между названием произведения и номером страницы в оглавлении.
Птолемей – древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира.
- Стр. 11. **„Саломея с Иоанновой головой“** – Иоанн Креститель, согласно евангельской мифологии, жил в Галилее (Палестина) и предсказал пришествие „спасителя мира“ Христа, впоследствии крестил его. Царь Галилеи Ирод в угоду своей любовнице Иродиаде заключил Иоанна Крестителя в тюрьму, затем приказал отсечь ему голову и по требованию падчерицы Саломеи преподнес ей голову Иоанна Крестителя на блюде.
- Стр. 12. **„Сучок“** – народное название самой дешевой водки.
Аве Мария (*лат. – привет тебе, Мария*) – католический гимн, включающий обращение к деве Марии.
Мадонна – богоматерь.
Иосиф – муж девы Марии.
- Стр. 13. **Теберда** – высокогорный климатический курорт на Северном Кавказе.
Ражий – крайне возбужденный, неистовый.
Треблинка – немецко-фашистский „лагерь смерти“ близ Варшавы. Уничтожено более 800 тысяч человек.
- Стр. 14. **Лобное место** – каменный помост на Красной площади в Москве, с которого оглашались царские указы.
- Стр. 15. **Кум** – начальник лагеря.

- Съезд** – имеется в виду 20-й съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.), на котором был подвергнут резкому осуждению культ Сталина.
- Стр. 16. **Атагуй** – конек.
Кайло – ручной горный инструмент для откалывания породы от массива.
Храм Христа Спасителя – огромный храм, возведенный в 1837–83 гг. в Москве, на Волхонке, в память Отечественной войны 1812 г. Разобран в середине 1930-х годов. Ныне на этом месте расположен бассейн „Москва“.
Вохровцы – сотрудники военизированной охраны (ВОХР).
Зэк – заключенный.
- Стр. 17. **Стужач** – доносчик.
- Стр. 18. **Четвертак** – 25 лет лагерей.
Хурда-мурда – домашний скарб, пожитки.
Поставец – невысокий шкаф для посуды.
Кутья – каша с изюмом, подаваемая на поминках.
- Стр. 20. **Николай Мирликийский** – имеется в виду икона с изображением святого Николая Мирликийского.
„Ермак“ – песня на слова Рылеева.
Кочет – петух.
Вергухай – охранник, конвоир.
Месяца – месячные, менструация.
- Стр. 21. **Сулгуни** – грузинский сыр.
- Стр. 24. **Каин, Авель** – в библейской мифологии синовья Адама и Евы. Авель был убит из зависти старшим братом Каином. В переносном смысле **Авель** – невинная жертва жестокости.
- Стр. 25. **Шмон** – обыск.
- Стр. 26. **Футурология** – наука о предвидении будущего развития человечества.
- Стр. 27. **Стандарт** – полковое знамя в некоторых армиях.
- Стр. 28. **Лета** – река забвения в подземном царстве согласно древнегреческой мифологии.
- Стр. 29. **Шаламов Варлам Тихонович (1907–82)** – советский писатель. Сын вологодского священника. Арестован в 1929 году за участие в подпольном издании „Завещаний Ленина“. Освобожден в 1932 году. Вторично арестован 12 января 1937 года по тому же делу. Провел в лагерях 19 лет. При жизни издано пять книг. Последние годы жизни по „милости“ Союза писателей больной Шаламов находился в богадельне. Автор известных „Колымских рассказов“.
Тайшет – город в Иркутской области.
Херсонес – древний город. Развалины находятся на окраине современного Севастополя.
- Стр. 30. **Нарым** – в царской России место политической ссылки на севере Томского уезда.
Инта – город в Коми АССР.
- Стр. 31. **Дальтонизм** – неспособность различать некоторые цвета, большей частью красный и зеленый.
- Стр. 32. **Гудзонов пролив** – пролив в канадском секторе Северного Ледовитого океана. Около 8 месяцев в году забит дрейфующими льдами, создающими вместе со снежными бурями и туманами большие затруднения для плавания.
- Стр. 38. **„Литературские мостки“** – северный участок Волкова кладбища в Ленинграде, на котором похоронены многие выдающиеся писатели и революционно-общественные деятели (среди них – Белинский, Добролюбов,

Писарев, Салтыков-Щедрин, Блок, Гончаров, Куприн, Мамин-Сибиряк, Апухтин и др.) В кругах русской демократической интеллигенции существовала традиция хоронить прогрессивных писателей на этом беднейшем участке, где главным образом погребали немущих людей. Название пошло от деревянного настила (мостков), которым были покрыты дорожки кладбища.

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – советский поэт. За публикацию за рубежом романа „Доктор Живаго” и присуждение за него Нобелевской премии (1958 г.) подвергся необоснованной яростной критике, исключен из Союза писателей.

„Терзали Шопена лабухи” – т. е. музыканты играли траурный марш Шопена.

Елабуга – город в Татарии, где повесилась М. Цветаева.

Сучан (ныне – г. Партизанск) – город в Приморском крае, куда был сослан поэт О. Мандельштам.

„Письмэнники” (укр.) – писатели.

Стр. 39. **„Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку!”** – 31 октября 1958 года общее собрание писателей Москвы приняло резолюцию о полной поддержке решения объединенного Президиума Союза писателей об исключении из своих рядов Б. Л. Пастернака. Это собрание обратилось „к правительству с просьбой о лишении предателя Б. Пастернака советского гражданства.” За резолюцию голосовали: С. Смирнов, Л. Ошанин, А. Безыменский, А. Софронов, С. Антонов, Б. Слуцкий, Г. Николаева, В. Солоухин, С. Баруздин, Л. Мартынов, Б. Полевой, А. Казанцев, В. Инбер и др.

Стр. 40. **Ахматова Анна Андреевна (1889–1966)** – советская поэтесса. В августе 1938 года был арестован и затем сослан на Таймыр сын Ахматовой и поэт Николай Гумилев Лев Гумилев.

„Постановление о журналах...” – имеется в виду трагически знаменитое Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года „О журналах „Звезда” и „Ленинград”. В официальной печати того времени было сказано: „В Постановлении были подвергнуты суровой и справедливой критике серьезные идеологические ошибки, допущенные редакциями этих ленинградских журналов. Отмечено, что в журналах появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений (М. Зощенко, А. Ахматовой и др.). Это Постановление сыграло большую роль во всей идеологической работе партии в послевоенный период. Оно явилось программой повышения идейно-художественного уровня советской литературы и искусства”.

Шпалерная – улица в Ленинграде, на которой была расположена тюрьма КГБ.

„Кресты” – бытовое название (по форме здания) тюрьма для политзаключенных в Ленинграде.

Бернардовка – станция близ Петрограда, где в августе 1921 года по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности был расстрелян бывший муж Ахматовой поэт Николай Гумилев.

Стр. 41. **Пряжка** – район в Ленинграде.

Стр. 43. **„На сопках Маньчжурии”** – популярный вальс, посвященный событиям русско-японской войны 1904–05 годов.

Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958) – советский писатель-сатирик. Подвергался нещадным гонениям со стороны сталинского идеолога А. А. Жданова.

Гаолян – злаковое растение, произрастающее в Китае и на Дальнем Востоке.

Хаши — грузинское национальное мясное блюдо.
Стр. 44. **„Толстомордый подонок с глазами обманщика.“** — имеется в виду А. А. Жданов.

Итака — остров, родина древнегреческого героя Одиссея, добравшегося домой после долгих скитаний.

Стр. 46. **„Мандельштам Осип Эмилевич (1891–1938) — советский поэт. Арестован 1 мая 1938 года, погиб в пересыльном лагере на Второй Речке под Владивостоком 27 декабря 1938 года. Одним из главных пунктов обвинения Мандельштама было его авторство антисталинской эпиграммы следующего содержания:**

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомним кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Как подковы, кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

„Две королевы глядели в молчанье...“ — при аресте Мандельштама в его квартире присутствовали его жена Надежда Яковлевна и А. Ахматова.

„Рамона“ — популярный в тридцатые годы медленный вальс.

Якобинство — вольнодумство.

Ханжа — денатурат: спирт-сырец, содержащий добавки красителя, окрашивающего спирт в сине-фиолетовый цвет, и специальных веществ, придающих ему неприятные запах и вкус.

Стр. 48. **Хармс (настоящая фамилия — Ювачёв) Даниил Иванович (1906–1942) — русский писатель. 23 августа 1941 года был в третий — и последний — раз арестован, последние месяцы жизни провёл в тюрьме.**

Стр. 50. **Парка** — в древнеримской мифологии богиня человеческой судьбы, прядущая нить жизни.

Стр. 52. **Кадеш** — поминальная молитва у евреев, которую сын произносит в память о покойном отце.

Корчак Януш (1878–1942) — выдающийся польский писатель, педагог, врач. Погиб в Трелинке вместе с 200 своими воспитанниками.

Стр. 53. **Гетто** — часть города, отведенная для принудительного поселения евреев.

Стр. 57. **Шолом** — приветствие у евреев: мир вам!

„Юденфрай“ (нем.) — свободно от евреев.

Протекторат — государство, находящееся в полной зависимости от другого государства. Протекторатом фашисты называли захваченную Польшу.

Стр. 61. **Костюшко Тадеуш (1746–1817) — руководитель Польского восстания**

- 1794 г. Взят в плен царскими войсками под предводительством А. В. Суворова.
- Тувим Юлиан (1894–1953)** – польский поэт-гуманист.
- Гомункулус** – по представлениям средневековых алхимиков человек, полученный в колбе. Здесь намек на В. Гомулку, который был первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии в 1956–70 гг. В 1962 году он настоятельно «разрешил» евреям покидать Польшу.
- Стр. 63. **„Нит гедайге“ (евр.)** – не унывай.
- Вошебойка** – специальное помещение в концлагерях, где проходила дезинфекцию одежда узников.
- Бабий Яр** – овраг на окраине Киева, где в 1941–43 гг. было уничтожено более 100 тысяч советских граждан, в основном еврейской национальности.
- Давидова праща** – по библейской легенде еврейский юноша пастух Давид с помощью камня, выпущенного из пращи, убил великана Голиафа.
- Михозлс (настоящая фамилия – Вовси) Соломон Михайлович (1890–1948)** – выдающийся советский актер и режиссер, директор Московского государственного еврейского театра. Был руководителем созданного в августе 1941 года „Еврейского антифашистского комитета“, закрытого советскими властями в ноябре 1948 года (большинство членов комитета расстреляны летом 1952 года по обвинению в антисоветской агитации, пропаганде, шпионаже). Михозлс погиб 12 января 1948 года в Минске при невыясненных обстоятельствах. Официальная версия „автомобильная катастрофа“ была предложена лично Сталиным, когда ему доложили об исполнении убийства.
- Стр. 64. **Полис** – свидетельство о страховании.
- „Реквием по неубитым“** – песня написана под влиянием первых неэффективных сообщений официальных советских средств массовой информации о развитии событий в начале арабо-израильской войны 1967 года.
- „Шесть миллионов убитых...“** – во второй мировой войне погибло примерно 6 миллионов евреев.
- „Красавчик, фашистский выкормыш, увенчанный нашим орденом и Золотой Звездой“** – имеется в виду президент Египта в 1956–70 гг. Гамаль Абдель Насер, которого Н. С. Хрущев наградил орденом Ленина и медалью „Золотая Звезда“ Героя Советского Союза.
- Стр. 65. **Коган Павел Давидович (1918–42)** – советский поэт, автор популярной „Бригантины“. Добровольцем пошел на фронт и там погиб.
- Копштейн Арон Иосифович (1915–40)** – украинский советский поэт. Погиб во время советско-финляндской войны 1939–40 гг. близ г. Суоярви в Карелии.
- Аппельплац** – место построения заключенных в концлагере.
- Синай** – полуостров, на котором развернулись кровопролитные бои между египтянами и израильтянами в войне 1967 года.
- Ливрея** – форменная одежда с галунами для швейцаров, лаксеев.
- Камергер** – придворное звание в царской России.
- Синод** – высший орган по делам русской православной церкви.
- Лыхаим** – у евреев: семейный вечер в узком кругу.
- Елей** – оливковое масло, употребляемое при богослужении.
- Россинант** – кличка лошади Дон-Кихота.
- Лапсердак** – долгополый еврейский сюртук.

- Аксельбант** – наплечный шнур на мундирах высшего офицерского состава в русской армии.
- Стр. 66. **Орфей** – легендарный древнегреческий певец, чудесным пением очаровывавший богов и людей, укрощавший дикие силы природы.
Ветхий и Новый Завет – составные части Библии. Ветхий Завет является Священным писанием и у иудейства, и в христианской религии, Новый завет признается лишь христианством.
- Стр. 67. **Дож** – избираемый пожизненно глава Венецианской республики в 7–18 веках.
- Стр. 68. **Лицедей (устар.)** – актеры.
Ахейцы – одно из основных древнегреческих племен. Участвовало в Троянской войне.
- Стр. 69. **Таласса (греч.)** – море.
Шатия – компания, группа людей.
- Стр. 72. **Понары** – местечко под Вильнюсом, где происходили массовые расстрелы евреев в годы Второй Мировой войны.
- Стр. 74. **Голгофа** – холм в окрестностях Иерусалима, на котором, согласно христианскому преданию, был распят Иисус Христос.
- Стр. 76. **Раёшный** – кукольный, ненастоящий.
- Стр. 79. **„Уходят в неги“** – уходят в неизвестность, в небытие.
- Стр. 81. **Фата-Моргана** – сложный мираж, при котором на горизонте возникают изображения предметов, лежащих за горизонтом.
- Стр. 82. **ОВИР** – отдел виз и регистраций, выдающий разрешения на выезд за рубеж.
- Стр. 85. **ДК** – дом культуры.
Заутреня – церковная служба на рассвете.
- Стр. 86. **„С переляку“ (укр.)** – с испугу.
- Стр. 87. **Малюта (Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович)** – глава опричного террора при Иване IV Грозном, руководил многочисленными казнями.
Комбьен (франц.) – сколько.
„Маде“ (англ.) – изготовлено.
Пономарь – прислужник при богослужении в православной церкви.
- Стр. 89. **Би-Би-Си (Бритиш Бродкастинг Корпорейшн)** – британская радиовещательная корпорация, основанная в 1927 году. Передачи отличаются ярко выраженным антисоветским содержанием.
- Стр. 90. **Блажной** – сумасбродный, с причудами.
- Стр. 92. **„Лекин“** – ресторан в Москве.
- Стр. 93. **Петь Лазаря** – льстиво выпрашивать.
- Стр. 95. **„Дюрсо“** – шампанское „Абрау-Дюрсо“.
„Перцовая“ – разновидность водки.
„Дубняк“ – разновидность водки.
Лопари – старое название народа саамов, обитающего на севере Кольского и Скандинавского полуостровов.
- Стр. 96. **Стронций** – радиоактивный металл, образующийся при ядерных испытаниях.
- Стр. 97. **„Под сукнецо“** – т. е. занюхивая водку рукавом.
Полпреды – полномочные представители.
- Стр. 98. **Нарпит** – народный комиссариат общественного питания.
Всенощная – продолжающаяся всю ночь церковная служба.
- Стр. 100. **Нембутал** – снегворное средство.
Сиг – ценная лососевая рыба.
- Стр. 102. **Кратово** – дачный поселок под Москвой по Казанской железной дороге.

- Стр. 105. **Эскамилио** – персонаж оперы Ж. Бизе „Кармен“.
Иноколлегия (Иностранная юридическая коллегия) – советская специализированная юридическая консультация по вопросам международного частного права. Ведет наследственные дела советских граждан за границей.
- Стр. 107. **Джерси** – одежда из трикотажной материи.
- Стр. 108. **Вери велл (англ.)** – очень хорошо.
- Стр. 109. **Данке шён (нем.)** – большое спасибо.
Холестерин – органическое вещество, содержащееся в тканях. Нарушение обмена его приводит к ряду тяжелых заболеваний.
- Стр. 113. **ОСО** – особый отдел.
Маца – тонкие сухие лепешки из пресного теста, которые иудаизм предписывает есть евреям в дни пасхи.
- Стр. 115. **Белые Столбы** – железнодорожная станция под Москвой по Павелецкой дороге, где находится крупная лечебница для умалишенных.
„Первач“ – самогон лучшего качества.
Косхалва – восточная сладость.
Лигер – документ на право бесплатного или льготного проезда.
Шизофреник – психический больной человек с проявлениями бреда, галлюцинаций, нервного возбуждения.
Параноик – больной со стойким систематизированным бредом (преследования, ревности, изобретательства и др.).
- Стр. 116. **ВПШ** – Высшая партийная школа при ЦК КПСС, созданная в 1939 году. Ведет подготовку и переподготовку руководящих партийных и советских кадров.
- Стр. 118. **Брест и Унгены** – пограничные пункты на западной границе СССР.
- Стр. 119. **„По капле выдавливайте раба...“** – выражение А. П. Чехова.
- Стр. 120. **Капри** – остров близ Неаполя с многочисленными курортами.
Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940) – советский писатель. Расстрелян как троцкист и шпион 27 января 1940 года в Москве.
„Марина захлебнулась в петле“ – Марина Цветаева повесилась в эвакуации в городе Елабуге в 1941 году.
Чайник в зоне – заключенный в лагере.
„Федра“ – трагедия Ж. Расина, поставленная с грандиозным успехом в 1922 году Московским камерным театром.
- Стр. 122. **Било** – металлическая доска для подачи звуковых сигналов.
Тризна – поминки у древних славян.
- Стр. 123. **Антраша** – прыжок в балетном танце.
Шиббер – спекулянт.
Аллилуйя (древнеевр. – славьте Бога) – хвалебный возглас в христианском и иудейском богослужении.
- Стр. 125. **Тамбурмажор** – главный полковой барабанщик в старых армиях.
- Стр. 127. **Сопраннее** – тоньше, звонче.
- Стр. 128. **Пажить** – пастбище.
Мажор – музыкальный лад, имеющий бодрую, радостную окраску.
Минор – музыкальный лад, имеющий грустную, скорбную окраску.
- Стр. 129. **„Ярославна в Путивле горюет и плачет...“** – приводится один из эпизодов древнерусской поэмы „Слово о полку Игореве“: плач юной жены Игоря по своему мужу, попавшему в плен к половцам.
„Уж мы-то рукав не омочим в Каяле...“ – в „Слове о полку Игореве“

- Ярославна плачет: „Полечу я чайкою по Дунаю, омочу рукав я белый в Каяле-реке, утру князю кровавые раны на могучем его теле“. Каяла – река на юге Руси.
- Стр. 130. **Вацлавская брусчатка** – имеется в виду Вацлавская площадь в Праге. **Градчаны** – исторический квартал Праги. **Острава** – город в Чехословакии.
- Стр. 131. **Галилея** – историческая область в Северной Палестине. Согласно евангельским представлениям, Галилея – основной район проповеди Иисуса Христа.
- Стр. 137. **„Рукописи не горят“** – фраза из романа М. А. Булгакова „Мастер и Маргарита“.
- Стр. 139. **Чудь** – древнерусское название эстонцев. **Меря** – древнее финское племя, жившее между Волгой и Окой.
- Стр. 140. **Вятка** – название г. Кирова до 1934 года.
- Стр. 143. **Просцениум** – передняя, ближняя к зрителям часть сцены.
- Стр. 144. **Семичастный В. Е. (род. 1924)** – председатель КГБ в 1961–67 гг.
- Стр. 145. **Чёсанки** – обувь из очищенной и разровненной шерсти.
- Стр. 146. **Паллат** – с растрепанными волосами. **Атлант** – титан в древнегреческой мифологии, держащий на своих плечах небесный свод.
- Стр. 147. **Собес (социальное обеспечение)** – государственная система обеспечения и обслуживания престарелых и нетрудоспособных граждан, а также семей, где есть дети. **Фантазмагория** – причудливое, бредовое видение. **Бедлам** – хаос, неразбериха.
- Стр. 148. **„Журавли“** – песня А. Вертинского.
- Стр. 152. **„Клодтовы кони“** – имеются в виду четыре конные группы на Аничковом мосту в Ленинграде, установленные в 1849–50 гг. по проекту русского скульптора П. К. Клодта.
- Стр. 153. **Месса** – хоровое музыкальное произведение на текст церковного богослужения. **Це-дур, ха-моль** – музыкальные лады: дур – мажор, моль – минор.
- Стр. 154. **Капелла** – католическая часовня.
- Стр. 156. **Григоренко Петр Григорьевич** – генерал-майор в отставке. В 1969 году за опубликование дневника, вызвавшего гнев власть имущих, был лживо признан невинным и приговорен закрытым судом к принудительному лечению на неопределенный срок в тюремно-психиатрической больнице строгого режима. **Ной** – в библейской мифологии праведник, спасшийся вместе с семьей на построенном по велению Бога ковчеге во время всемирного потопа.
- Стр. 157. **Фарс** – нечто лицемерное, циничное. **Гиньоль** – театральное представление, изобилующее различными ужасами, преступлениями. **Колит** – воспаление толстой кишки. **Помочи** – подтяжки.
- Стр. 158. **Поелику (старослав.)** – потому что, поскольку.
- Стр. 160. **Сартр Жан Поль (род 1905)** – французский писатель и буржуазный философ. Основные темы художественных произведений: одиночество, поиск абсолютной свободы, абсурдность бытия. Философия Сартра основана на противопоставлении объективности и субъективности, свободы и необходимости. В конце 60-х годов выступил как идеолог леворадикального экстремизма.

- Стр. 160. **Топтун** – охранник, часовой.
Павшино – дачный поселок под Москвой по Рижской железной дороге.
„Пайки цеховские“ – т. е. персональные пайки членов ЦК КПСС и партийной аристократии.
- Стр. 162. **Пассы** – движения рук гипнотизера над лицом больного.
Щелково – город в Московской области.
- Стр. 163. **Пастораль** – произведение на идиллический сюжет из безмятежной жизни.
Клеопатра (69–30 гг. до н. э.) – последняя царица Египта, была любовницей Юлия Цезаря и Марка Антония.
- Стр. 165. **Леди Гамильтон** – героиня одноименного „костюмного“ фильма английского режиссера А. Корды, вышедшего на экраны в 1941 г.
- Стр. 166. **Пергидроль** – водный раствор перекиси водорода, применяемый для обесцвечивания волос.
- Стр. 169. **Старая площадь** – площадь в Москве, где расположен ЦК КПСС.
- Стр. 170. **Лефортово** – исторический район в Москве, на левом берегу Яузы. В Лефортове размещалась особая тюрьма КГБ.
Ярославский централ – особая тюрьма КГБ.
- Стр. 171. **Потьма** – город в Мордовии.
- Стр. 172. **Канальская** – плутовская, жуликоватая.
- Стр. 176. **Имярек** – употребляется вместо имени нарочито неназванного лица в значении: некто, такой-то.
- Стр. 177. **Илиада** – древнегреческая эпическая поэма.
- Стр. 178. **Домбровский Юрий Петрович** – советский писатель. 27 лет провел в сталинских лагерях.
Миссолунги – город в Греции, где в 1824 году от лихорадки умер английский поэт Д. Байрон.
- Стр. 180. **Потрафить** – угодить, удовлетворить.
- Стр. 182. **„Цветы охры“** – желтоватого цвета.
- Стр. 183. **„Соловьиный сад“** – поэма А. Блока.
Полежаев Александр Иванович (1804–38) – русский поэт. За сатирические стихи против самодержавия был отдан в солдаты.
Летальная – смертельная.
Кивер – старинный военный головной убор.
Ментик – короткая гусарская куртка, обшита мехом.
„Лепажевы стволы“ – подразумеваются дульные pistols, созданные французским оружейником Лепажем.
- Стр. 185. **Гораций** – древнеримский поэт.
Нестор – древнерусский писатель, автор „Повести временных лет“.
Пимен – русский средневековый летописец.
„Эрика“ – марка пишущей машинки.
- Стр. 186. **Биндюжники** – портовые грузчики.
- Стр. 187. **Григорьев Аннополон Александрович (1822–64)** – русский поэт-романтик.
- Стр. 188. **Поллок Джэксон (1912–56)** – американский художник-абстракционист.
- Стр. 189. **Некрут (правильнее – рекрут)** – лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности.
Спас-на-крови – церковь в Ленинграде.
- Стр. 190. **Шарман (франц.)** – чудесно, прелестно.
Шалман – пивнушка, забегаловка.

- Стр. 195. **Мю-мезон** – нестабильная элементарная частица.
Комбеды (комитеты бедноты) – организации сельской бедноты в России, созданные в 1918 году и являвшиеся фактически органами государственной власти в деревнях.
- Стр. 202. **Сарапул** – город в Удмуртии.
Жиздра – город в Калужской области.
- Стр. 204. **Монро Мерилин (1926–62)** – американская киноактриса, „секс-бомба”.
Каты – палачи.
- Стр. 206. **Ирпень** – река под Киевом.
- Стр. 207. **Черная речка** – место, где был смертельно ранен на дуэли А. С. Пушкин.
- Стр. 209. **„Есть уходят на последней странице, Но которые на первых – те чаще...”** – сообщения о смерти публикуются в газетах, как правило, на последней странице, а статьи и прочее – на первых.
- Стр. 210. **Елена** – в греческой мифологии жена царя Спарты Менелая, похищение которой троянским царевичем Парисом послужило поводом к Троянской войне.
Жалейка – русская деревянная или камышовая дудочка.
- Стр. 212. **Власть предержавшие** – лица, облеченные властью.
- Стр. 215. **Монте-Кассино** – гора в средней Италии, где в мае 1944 года произошло кровопролитное сражение между немецко-фашистскими войсками и Польским корпусом, действовавшим на стороне союзников. „Червоны маки на Монте-Кассино” – песня польского Сопротивления.
- Стр. 217. **Казры** – контрреволюционеры. Так называли людей, осужденных по 58-й статье сталинского уголовного кодекса.
- Стр. 220. **Мтацминда** – гора в Тбилиси.
Чавчавадзе Нина – жена А. С. Грибоедова.
- Стр. 221. **„На протырку”** – пролезть бесплатно.
- Стр. 222. **ПУР (Политическое управление Реввоенсовета Республики)** – центральный политический орган, созданный в 1919 году для координации и направления деятельности военных комиссаров в Красной Армии.
Тегёшкать – нянчить на руках, пестовать.
- Стр. 224. **Ставка (полное название: Ставка Верховного Главнокомандования)** – чрезвычайный орган высшего военного управления, созданный 23 июня 1941 года и осуществлявший в годы Великой Отечественной войны стратегическое руководство Советскими Вооруженными Силами.
- Стр. 225. **„Путешествие в Арзрум”** – представляет собой дневник поездки А. С. Пушкина на Кавказ в 1829 году, где описывается реальный факт встречи поэта с телом убитого в Персии А. С. Грибоедова.
Сноб – человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов.
- Стр. 226. **Сидельцы** – лавочники, торгующие по доверенности купца в его лавке.

СОДЕРЖАНИЕ

Краткая биографическая справка	2
--------------------------------------	---

Глава I. В мире не найдется святотатца, чтобы поднял на меня копые

1. Рождество	5
2. Клятва вождя	7
3. Подмосковная ночь	8
4. Глава, написанная в сильном подпитии	10
5. Аве Мария	12
6. Ночной дозор	13

Глава II. Пропавшее наше прошлое спит под присмотром конвойного

7. Разговор в вагоне-ресторане	15
8. Фантазия на русские темы	17
9. Караганда	21
10. Плясовая	23
11. Заклинание	24
12. Облака	25
13. После вечеринки	26
14. Левый марш	27
15. Колыбельный вальс	28
16. Все не вовремя	29
17. Песня по Синюю птицу	30
18. Чехарда с буквами	31
19. Королева материка	32

Глава III. Вот и смолкли клевета и споры

20. Пямяти Пастернака	38
21. Снова август	40
22. Эпилог	42
23. На сопках Маньчжурии	43
24. Возвращение на Итаку	46
25. Легенда о табаке	48

Глава IV. Вот горит звезда моя субботняя

26. Кадеш	52
27. Засыпая и просыпаясь	62
28. Поезд	63
29. Реквием по неубитым	64
30. Предостережение	65
31. Песок Израиля	66
32. Вечный транзит	66
33. Воспоминание об Одессе	68

Глава V. Я на этой земле останусь

34. Песня исхода	71
35. Мальчик с тростниковой дудочкой	73
36. Голгофа	74
37. Отчий дом	75
38. Когда я вернусь	76
39. Песенка-молитва	77
40. Песня о земле и небе	78
41. Беженцы	79
42. Воспоминание о будущем	79
43. Номера	80
44. Заклинание добра и зла	81

Глава VI. Я ж за правду хлопочу, не за цацки

45. Выступление Клим Колумийцева в защиту мира	84
46. История о том, как Клим Петрович восстал против помощи слаборазвитым странам	86
47. История о том, как Клим Петрович добивался, чтобы его цеху присвоили звание	88
48. Плач Дарьи Колумийцевой	89

Глава VII. Вот стою я перед вами, словно голенький

49. Красный треугольник	92
50. Про маляров, исполнителя и теорию относительности	95
51. Размышления о том, как пить на троих	96
52. Автоматное столетие	98
53. Композиция № 27	100
54. Я принимаю участие в научном споре	101
55. Баллада о директоре антикварного магазина	102
56. Баллада о прибавочной стоимости	105
57. Отрывок из репортажа о футбольном матче	108
58. Баллада о сознательности	110
59. Жуткая история	112
60. Лошадь	114
61. Право на отдых	115

Глава VIII. В наш каменный век на совесть цена — пятак

62. Я выбираю свободу	118
63. Без названия	119
64. Черновик эпитафий	121
65. Переселение души	123
66. Еще раз о черте	123
67. Сто тысяч „почему“	125
68. Закон природы	125
69. Век нынешний	127

70. Старательский вальсок	127
71. Фестиваль песни в Сопоте	128
72. Баллада о чистых руках	129
73. Песня про острова	130
74. Последняя песня	131
75. Притча	131
76. Я опять бросаюсь в бой	133
77. Русские плачи	133
78. Псалом	136
79. Занялись пожары	137

Глава IX. Привиделась мне вздорная слава

80. Желание славы	139
81. Песня про волшебников	142
82. Баллада о стариках и старухах	145
83. Песня про майора Чистова	146
84. Смерть Ивана Ильича	147
85. Новогодняя фангасмагория	147
86. Я был рядовым	150

Глава X. Не бойтесь — я счастливый человек

87. Счастье было так возможно	150
88. Петербургский романс	151
89. По образу и подобию	153
90. Прилетает по ночам ворон	155
91. Песня про счастье	155
92. Горестная ода	156
93. Фарс-гиньоль	157
94. Песня о Диком Западе	158

Глава XI. Стоит она — печальница всех сущих на Земле

95. Тонька	160
96. Веселый разговор	161
97. Командировочная пастораль	163
98. Принцесса с Нижней Масловки	165
99. Наши жены	167
100. Леночка	167
101. Песня о Прекрасной Ламе	169
102. Объяснение в любви	171

Глава XII. С чем рифмуется слово „истина“, не узнают ни поэтам, ни гражданам

103. Летят утки	174
104. Песня про велосипед	175
105. Песня о последней правоте	178
106. Запой под Новый год	179
107. Разговор с Музой	180
108. Цыганский романс	181

109. Гусарская песенка	183
110. Мы не хуже Горация	185
111. Виновики найдены	186
112. Прощание с гитарой	187
113. Вальс-баллада про тещу из Иванова	188
114. Вечерние прогулки	189
115. Деревянный конь	197

**Глава XIII. Рожденным медаленосителями
не быть никогда просителями**

116. Больничная цыганочка	199
117. Неоконченная песня	201
118. Канареечка жалобию поет	202
119. Абсолютно ерундовая песня	203
120. За семью заборами	205
121. Слушая Баха	204
122. Опыт ностальгии	206

**Глава XIV. Я ведь все равно по мертвым
не плачу**

123. Уходят друзья	209
124. Салонный романс	210
125. Бессмертный Кузьмин	211
126. Ошибка	214
127. Баллада о Вечном огне	215
128. Марш мародеров	218
129. Песня о Тбилиси	219
130. Вальс караульной службы	221
131. Съезду историков	223
132. Походный марш	223
133. Памяти Доктора Живаго	225
Примечания	227

Составитель: **Вилевский Леонид Михайлович**

Иллюстрации: **Карпов В. А.**

Оформление: **Волков В. В.**

РДША

РИО Упрполиграфиздата
Мособлесполкома

Техн. редактор **О. Веледицкая**
Корректор **М. Вдовиченко**

Подп. в печ. 14.08.91 г. Изд. № 67. Уч.-изд. л. 11,8.

Печ. л. 15. Формат 60x90 1/16. Тираж 44000 экз. Заказ 5485/942

Подольская межрайонная фабрика офсетной печати
Упрполиграфиздата Мособлесполкома

Подольский филиал ПО «Периодика»
Государственного комитета СССР по печати.
142110, г. Подольск, ул. Кирова, 25

10

=

~~8~~ p.